

ВГТУ

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ISSN 2587-7046 (print)
ISSN 2949-3765 (online)

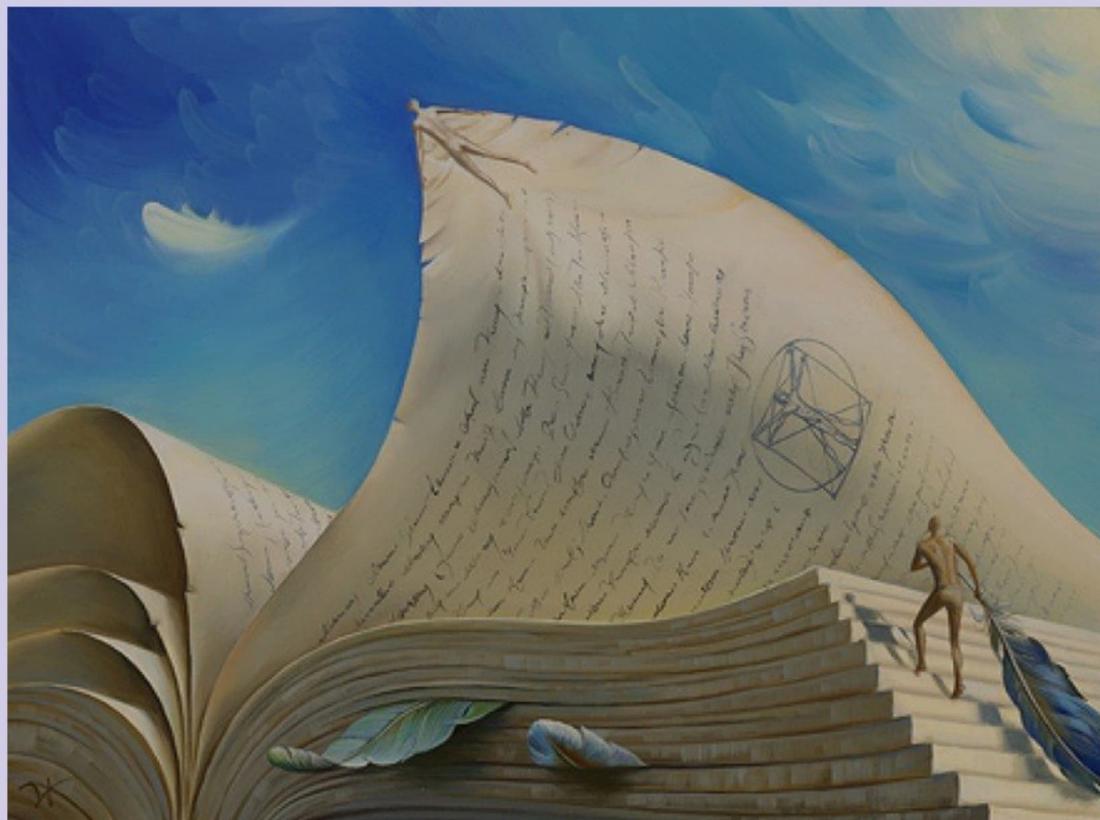
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

● ИСТОРИЯ ●

● ФИЛОСОФИЯ ●

● СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ●

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Выпуск № 1 (46), 2026г.

ISSN 2587-7046 (print)

ISSN 2949-3765 (online)

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

- История
- Философия
- Социальные и политические процессы

Выпуск № 1 (46), 2026

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер СМИ серия ПИ № ФС 77 – 81152 от 25.05.21)

Журнал выходит 4 раза в год

В журнале «Проблемы социальных и гуманитарных наук» публикуются результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, философии, социологии и политологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Радугин А.А., заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, профессор (г. Воронеж)

Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р филос. наук, доцент (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Бубнов Ю.А., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж);

Бляхер Л.Е., доктор философских наук, профессор (г. Хабаровск);

Волкова Е.А., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж);

Душкова Н.А., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж);

Ильин М.В., доктор политических наук, профессор (г. Москва);

Коростылева Н.Н., доктор социологических наук, профессор (г. Москва);

Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж);

Ледяев В.Г., доктор философских наук, профессор (г. Москва);

Ляпин Д.А., доктор исторических наук, доцент (г. Елец);

Ливенцев Д.В., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж);

Моисеев В.И., доктор философских наук, профессор (г. Москва);

Романович Н.А., доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж);

Радугина О.А., доктор философских наук, доцент (г. Воронеж);

Слинько А.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж);

Черников М.В., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

Отв. секретарь – Погорельский А.В., канд. ист. наук, доцент (г. Воронеж)

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,

Адрес редакции: 394006, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Асламов М.И. ИТАЛЬЯНСКИЙ БРОНЕНОСЕЦ «АФОНДАТОРЕ» ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.....	5
Востриков П.В. ПАТТЕРНЫ НЕМЕЦКОЙ ИММИГРАЦИИ В БРИТАНСКУЮ АМЕРИКУ.....	11
Гагин В.В. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАКТИЧЕСКОЙ АВИАЦИИ НАТО В ПЕРИОД 1950-1960 ГГ.....	22
Дорош А.А. К ВОПРОСУ О ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НОВЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИМЕН СОВЕТСКИМИ БЕЗБОЖНИКАМИ В СЕРЕДИНЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА	32
Дегтярев В.И. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИТАЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА "МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА" (1930-е гг.).....	36
Ершов Б.А., Фролова А.Н., Савинков К.В. ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ: МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОНТРОЛЕМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ КРИЗИСОМ.....	47
Земледельцев В.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОРОНЕЖСКОГО ОКТЯБРИСТА А. И. ЗВЕГИНЦОВА В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИИ (1907-1912 ГГ.).....	52
Кирчанов М.В. ГРУППА ИСТОРИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ВКЛАД.....	59
Ливенцев Д.В. ПРИОБРЕТЕНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ ЯХТЫ «ДЖИГИТ» ЧЛЕНОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ЯХТ-КЛУБА ГРАФОМ И.И. ЧЕРНЫШОВЫМ-КРУГЛИКОВЫМ.....	68
Некрасова А.С., Ипатов А.М. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ПРОВИДИЦЫ (ВЕЛЬВЫ) В ГЕРМАНСКОЙ ТРАДИЦИИ.....	74
Некрылова О.Г. РАБОЧИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОЛЕТАРИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР В 1920-1930-е ГОДЫ.....	79
Попов П. А. КАК РАСШИФРОВАТЬ СЛОВО «МОСКВА»?.....	84
Ряполов В.Н. НЕСКОЛЬКО УПОМИНАНИЙ О ПРЕБЫВАНИИ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО В ТОЛШЕВСКОМ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ.....	114
Щукин Д.В., Пирогова А.Р. СТУДЕНЧЕСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1950 - 1960-Х ГГ.: ПРАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ, ДОСУГА И БЫТА.....	118
Юрьев К.А., Ермошина Е.В. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИМАНДРИТА ФЛОРЕНТИЯ НА ПОСТУ НАСТОЯТЕЛЯ ДИВНОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ.....	125

ФИЛОСОФИЯ

Власова Ю.В. НАРРАТИВ «НЬЮ-ЭЙДЖ»: ФИЛОСОФИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ.....	133
--	-----

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Дмитриева С.И., Коновал Д.А. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК».....	140
Дмитриева С.И., Карлсвик А. ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ГЕРМАНИИ И НОРВЕГИИ В КОНТЕКСТЕ ЗЕЛЕННОГО ПЕРЕХОДА.....	146
Морозова В.Н., Гаранина О.К. РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА.....	150
Морозова В.Н., Фролова Е.С. ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ МИГРАНТОВ В ПЕРИОД МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2015 -2016 гг.....	156
Михалев О.Ю., Сазонов Е.П. ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЦЫГАН В РУМЫНИИ.....	162
Погорельский А.В., Щедров А.И. ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РЕШЕНИЯ «ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА» И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	168

CONTENT

HISTORY

Aslamov M.I. THE ITALIAN BATTLESHIP AFONDATORE ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE RUSSIAN NAVAL INTELLIGENCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY.....	5
Vostrikov P.V. PATTERNS OF GERMAN IMMIGRATION TO BRITISH AMERICA.....	11
Gagin V.V. PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF NATO TACTICAL AVIATION IN THE PERIOD 1950-1960.....	22
orosh A.A. ON THE QUESTION OF THE POPULARIZATION OF NEW REVOLUTIONARY NAMES BY SOVIET GODALES IN THE MIDDLE OF THE 1920 YEARS XX CENTURIES.....	32
Degtyarev V.I. THE NATIONAL-LIBERATION MOVEMENT IN CHINA ON THE PAGES OF THE MAGAZINE "WORLD ECONOMY AND WORLD POLITICS" (1930s)	36
Ershov B.A., Frolova A.N., Savinkov K.V. CHURCH LAND OWNERSHIP IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENTURY: BETWEEN STATE CONTROL AND ECONOMIC CRISIS.....	47
Zemledeltsev V.V. ACTIVITIES OF THE VORONEZH OCTOBERIST A. I. ZVIGINTZOV IN THE III STATE DUMA OF RUSSIA (1907-1912).....	52
Kyrchanoff M.V. GROUP OF HISTORIANS OF THE COMMUNIST PARTY OF GREAT BRITAIN: ACADEMIC DIRECTIONS AND HISTORIOGRAPHICAL IMPACT.....	59
Liventsev D.V. ACQUISITION OF THE YACHT «DZHIGIT» BY A MEMBER OF THE ST. PETERSBURG IMPERIAL YACHT CLUB ABROAD BY COUNT I.I. CHERNYSHOV-KRUGLIKOV....	68
Nekrasova A.S., Ipatov A.M. TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF THE SEER (VELVA) IN THE GERMAN TRADITION.....	74
Nekrylova O.G. WORKING FACULTIES AS AN INSTRUMENT OF PROLETARIANIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE USSR IN THE 1920-1930S.....	79
Popov P. A. HOW TO DECIPHER THE WORD «MOSCOW»?.....	84
Ryapolov V.N. A FEW REFERENCES TO THE STAY OF ST. TIKHON OF ZADONSK IN THE TOLSHEVSKY MONASTERY OF THE TRANSFIGURATION OF THE SAVIOUR.....	114
Shchukin D.V., Pirogova A.R. STUDENTS IN THE SPACE OF SOVIET EVERYDAY LIFE IN THE 1950s AND 1960s: PRACTICES OF EDUCATION, LEISURE, AND LIVING CONDITIONS.....	118
Yuriev K.A., Ermoshina E.V. PUBLIC ACTIVITY OF ARCHIMANDRITE FLORENTY AS RECTOR OF DIVNOGORSKY MONASTERY.....	125

PHILOSOPHY

Vlasova Y. V. NEW AGE NARRATIVE: A PHILOSOPHY OF EMERGENCE AND DEVELOPMENT.....	133
--	-----

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Dmitrieva S.I., Konoval D.A. PROBLEMS IN THE IMPLEMENTATION OF THE «NORD STREAM» PROJECT.....	140
Dmitrieva S.I., Karlsvik A. GERMANY-NORWAY ENERGY PARTNERSHIP IN THE CONTEXT OF THE GREEN TRANSITION.....	146
Morozova V.N., Garanina O.K. THE ROLE OF ENVIRONMENTAL DIPLOMACY IN ADDRESSING CLIMATE CHANGE.....	150
Morozova V.N., Frolova E.S. THE PROBLEM OF ENSURING THE RIGHTS OF MIGRANTS DURING THE MIGRATION CRISIS FROM 2015 TO 2016.....	156
Mikhalev O.Y., Sazonov E.P. THE PROBLEM OF PROTECTING THE RIGHTS OF ROMA IN ROMANIA.....	162
Pogorelsky A.V., Shchedrov A.I. POSSIBLE SCENARIOS FOR RESOLVING THE "TAIWAN QUESTION" AND THEIR IMPACT ON REGIONAL SECURITY IN EAST ASIA.....	168

**ИСТОРИЯ
HISTORY**

УДК 93/94

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, соискатель кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин
М.И. Асламов
Россия, г. Воронеж,
e-mail: m.aslamov@yandex.ru

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, applicant of the Department of History, Philosophy and Socio-Political Disciplines
M.I. Aslamov
Russia, Voronezh,
e-mail: m.aslamov@yandex.ru

М.И. Асламов

**ИТАЛЬЯНСКИЙ БРОНЕНОСЕЦ «АФОНДАТОРЕ» ПО ДОКУМЕНТАМ
РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Броненосец итальянского королевского флота «Афондаторе» являлся во многом экспериментальным кораблем. Боевой корабль на английских судостроительных верфях спроектировали лучшие британские инженеры. На новый корабль, ставший одним из символов объединенной Италии, возлагалось много надежд со стороны военно-морского ведомства. Одновременно броненосец заинтересовал Морское министерство России вместе с сотрудниками русской военно-морской разведки. Броненосец «Афондаторе» принял самое активное участие в австро-итальянской войне 1866 г. на морском театре боевых действий. При этом в главном морском сражении при Лиссе броненосец «Афондаторе» не оправдал возложенных на него надежд. После чего, броненосец еще на протяжении нескольких десятилетий находился в строю боевых кораблей итальянского королевского флота. Научная статья рассматривает боевой путь броненосца «Афондаторе» в составе королевского флота Италии.

Ключевые слова: броненосец «Афондаторе», морское сражение при Лиссе, итальянский королевский флот, австрийский флот, Морское министерство России, австро-итальянская война 1866 г., морской театр боевых действий, британские судостроительные верфи, Италия, Австрия, спуск боевого корабля на воду, модернизация боевого корабля, затопление броненосца, объединенная Италия, морское сражение, планы итальянского командования, боевой путь броненосца, участие в боевых действиях, мировые военно-морские державы, борьба за средиземноморье, английские военно-морские инженеры.

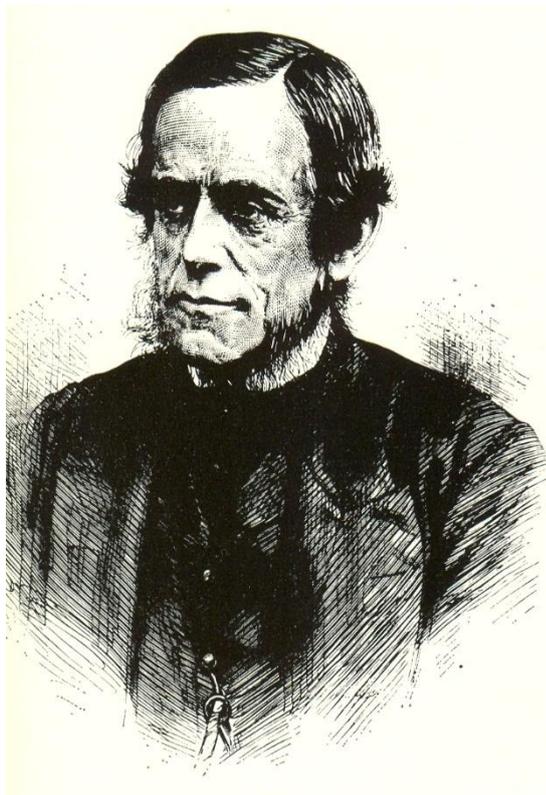
M.I. Aslamov

**THE ITALIAN BATTLESHIP AFONDATORE ACCORDING TO THE DOCUMENTS
OF THE RUSSIAN NAVAL INTELLIGENCE
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY.**

The battleship of the Italian Royal Navy Afondatore was in many ways an experimental ship. The warship was designed by the best British engineers at British shipyards. The new ship, which has become one of the symbols of a united Italy, was highly anticipated by the naval department. At the same time, the battleship attracted the interest of the Russian Maritime Ministry, along with employees of the Russian naval intelligence. The battleship Afondatore took an active part in the Austro-Italian War of 1866 in the naval theater of operations. At the same time, in the main naval battle of Lissa, the battleship Afondatore did not justify the hopes placed on it. After that, the battleship was in service with the warships of the Italian Royal Navy for several more decades. The scientific article examines the combat path of the battleship Afondatore as part of the Royal Italian Navy.

Key words: battleship Afondatore, naval battle of Lissa, Italian Royal Navy, Austrian Navy, Russian Maritime Ministry, Austro-Italian War of 1866, naval theater of operations, British shipyards, Italy, Austria, launching of a warship, modernization of a warship, sinking of a battleship, united Italy, naval battle, the plans of the Italian command, the battleship's combat path, participation in combat operations, world naval powers, the struggle for the Mediterranean, British naval engineers.

При строительстве броненосца «Афондаторе» Итальянская королевство старалось показать всю мощь своей зарождающейся государственности, т.к. страна претендовала на роль одной из крупных военно-морских держав. Само название нового корабля в переводе означало «потопляющий». Собственно, «Афондаторе» представлял собой броненосный таран. Боевой корабль заложили на британской судостроительной верфи в Миллуоле под руководством талантливого английского инженера Кольза [3, с. 429]. (Рис. 1)

Кораблестроитель Кольз

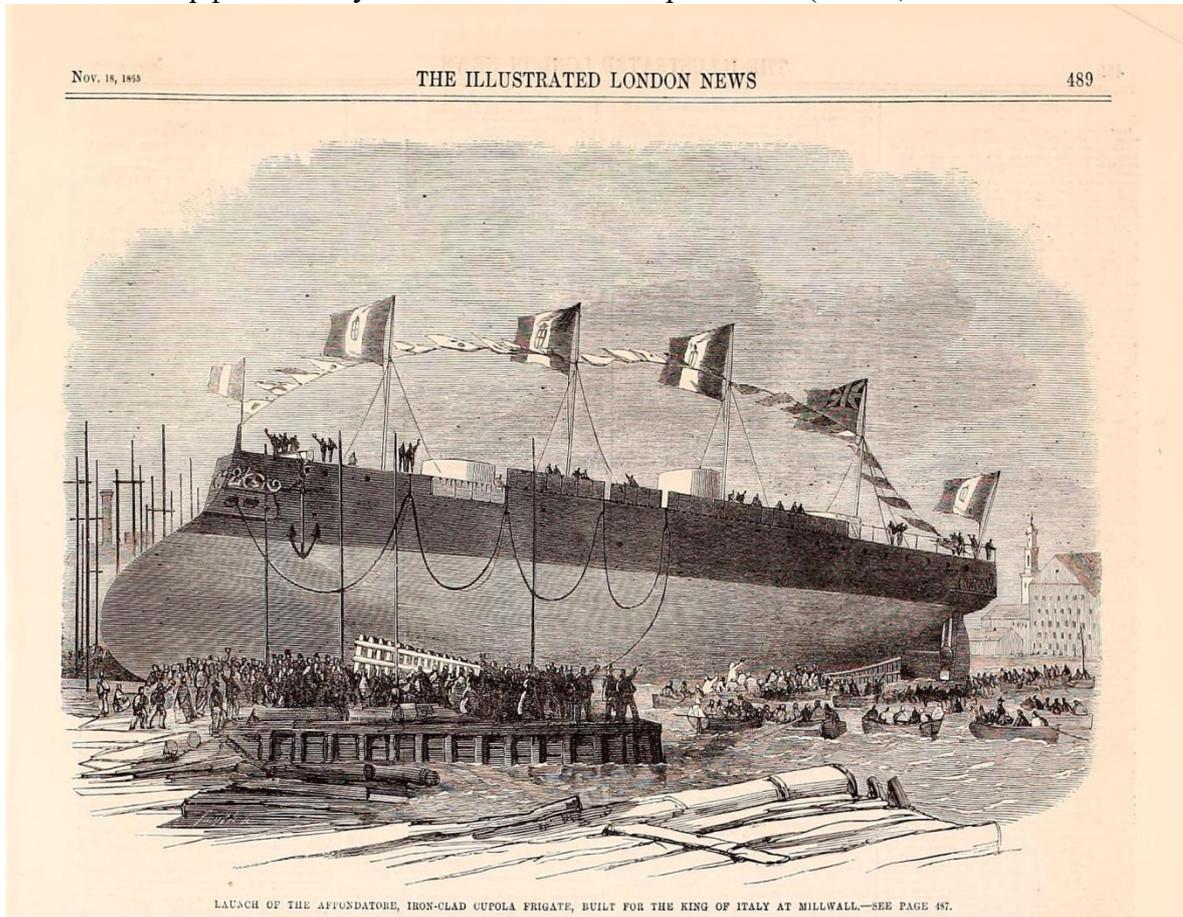
Броненосец итальянского королевского флота «Афондаторе» имел следующие тактико-технические характеристики:

- Водоизмещение 4324 тонны.
- Одновинтовая силовая установка.
- Бронирование 127 мм.
- Скорость 12 узлов.
- Вооружение два 254-мм. орудия дульного заряжения.

Новый броненосец итальянского королевского флота имел специально спроектированные орудийные башни. Боевой корабль был оснащен косыми парусами шхуны. Отдельно, надо отметить, таран из сварочного железа. Итальянское королевство поставило перед английской фирмой при строительстве нового броненосца сложную задачу учета многогранного опыта применения броненосных судов во время Гражданской войны в Североамериканских Соединенных Штатах [1, с. 24].

Постройка броненосца «Афондаторе» значительно затянулась по вине британских кораблестроителей. Подобное промедление объяснялась тем фактом, что броненосец или

броненосный таран «Афондаторе» являлся во многом экспериментальным боевым кораблем. Одновременно произошла и замена на верфи судостроительной фирмы. При этом на испытаниях броненосец не смог достичь заявленных в проекте тактико-технических характеристик. Официальный спуск броненосца «Афондаторе» на британской судостроительной верфи в Миллуоле состоялся в декабре 1865 г. (Рис. 2)

Спуск броненосца «Афондаторе»

Новый броненосец официально объявили самым мощным боевым кораблем итальянского королевского флота. Броненосец «Афондаторе» ждала сорока двухлетняя служба в строю боевых кораблей итальянского военно-морского флота.

Морское министерство России и отечественная военно-морская разведка сразу заинтересовались новым итальянским специализированным броненосным тараном [5, с. 83]. Русская военно-морская разведка ждала возможности применения экспериментального броненосного судна на практике, т.е. во время морского сражения.

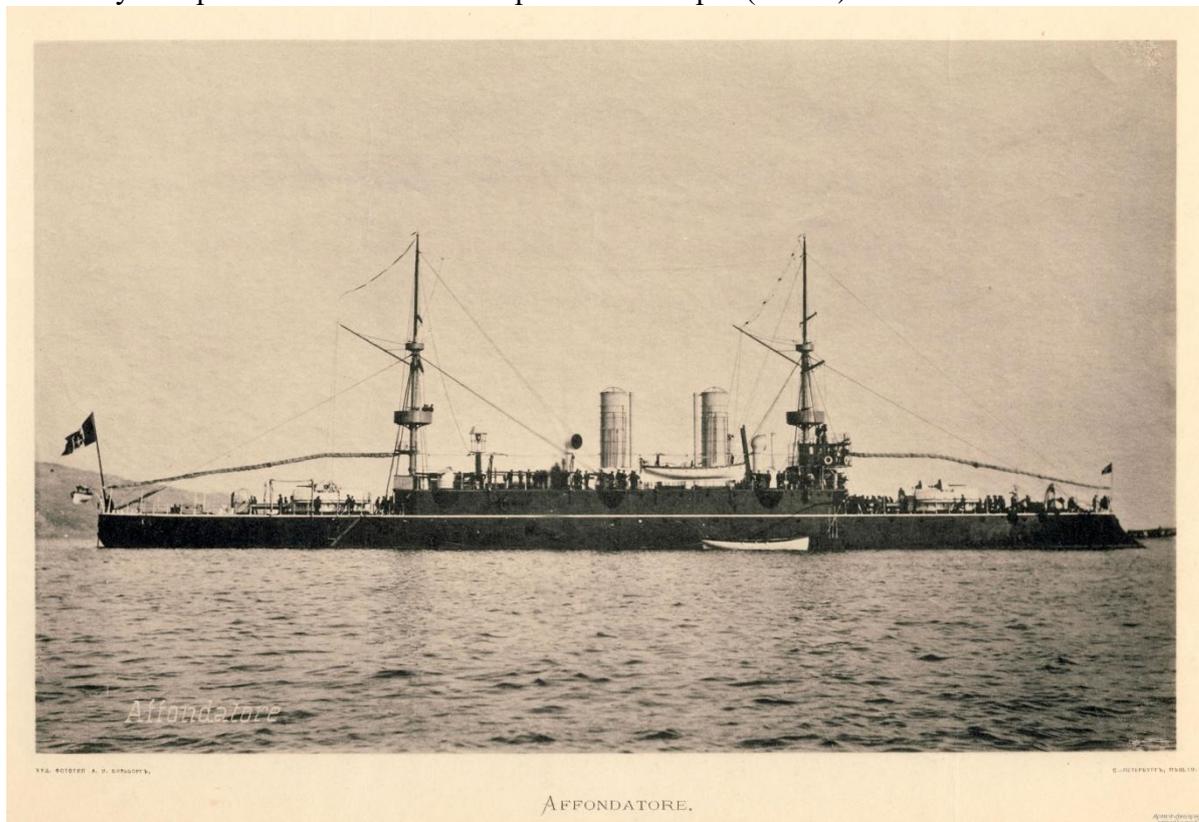
Надо сказать, что подобная возможность вскоре предоставилась. Броненосец «Афондаторе» вступил в строй итальянского королевского флота накануне итало-австрийской войны 1866 г. Практически сразу новый корабль принял участие в боевых действиях. Командование итальянского королевского флота решило даже не устранять технические неполадки.

Командующий итальянским флотом адмирал Персано только дождавшись появления в строю кораблей «Афондаторе» решился дать австрийцам генеральное морское сражение у острова Лисса в июле 1866 г. [2] Сам броненосный таран встал в строй кораблей за день до решающей битвы с австрийским военно-морским флотом.

Перед самым началом сражения адмирал Персано принимает неожиданное решение перенести собственный боевой флаг на новый броненосец «Афондаторе». [4] Такое

спонтанное решение способствовало полной потере управления боевыми кораблями итальянского королевского флота в сражении у острова Лисса в июле 1866 г.

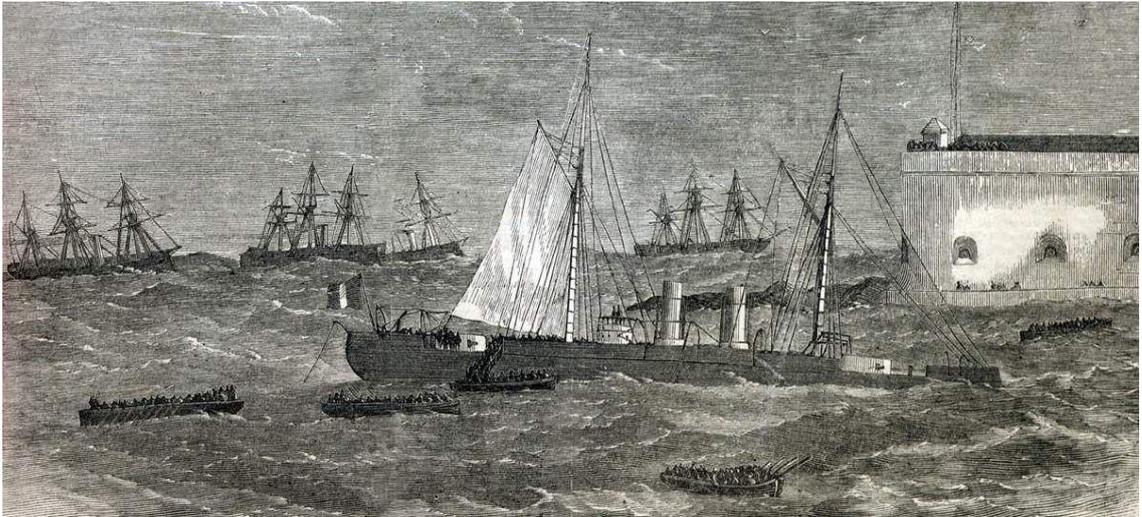
В ходе самого морского боя броненосец «Афондаторе» совершал многочисленные маневры. В начале броненосец вступил в перестрелку с одним из деревянных кораблей австрийского флота. Затем броненосец своим артиллерийским огнем нанес значительные потери экипажу австрийского линейного корабля «Кайзер». (Рис. 3)

Броненосец «Афондаторе»

При обстреле австрийского корабля «Кайзер» артиллерийские расчеты броненосца «Афондаторе» показали низкую боевую выучку. Подобное положение вещей объяснялось тем, что экипаж корабля тоже был новый и не имел достаточной практики.

В самом морском сражении броненосец «Афондаторе» не получил значительных повреждений. Военно-морские специалисты отмечали, что броня «Афондаторе» не получила пробоин, но расшатался корпус боевого корабля. Из-за начавшегося шторма боевой корабль получил обширную течь и затонул в гавани Анконы. (Рис. 4)

Затопление броненосца «Афондаторе» в гавани Анконы

Получается, что броненосец или специализированный броненосный таран «Афондаторе» не оправдал интереса российской военно-морской разведки при непосредственном боевом применении.

Дальнейшая судьба броненосного тарана «Афондаторе» сложилась без участия в боевых действиях. В 1870 г. корабль подняли со дна гавани Анконы. В 1890-х гг. броненосец «Афондаторе» прошел модернизацию и на нем установили следующие технические новинки:

Шесть 120-мм. артиллерийских орудий.

Несколько малых артиллерийских орудий.

Два торпедных аппарата.

Конечно, уже к началу XX в. броненосец «Афондаторе» из-за возраста и постоянных технических изменений в кораблестроении считался условно пригодным для военно-морской службы. Некоторое время бывший лучший корабль итальянского королевского флота использовали в роли плавучего склада снарядов, а в 1907 г. сдали на металл. (Рис. 5)

Модернизированный броненосец «Афондаторе»

Таким образом, после спуска броненосца или броненосного тарана «Афондаторе» интерес русской военно-морской разведки к новому боевому кораблю итальянского королевского флота можно признать закономерным. Однако броненосец «Афондаторе», не оправдал надежд, которые командование итальянского флота возлагало на него во время войны с австрийцами в 1866 г. Броненосец «Афондаторе» стал одним из кораблей переходного периода от романтики парусного флота до линейных кораблей, закованных в броню.

Библиографический список

1. Боевые корабли мира. – СПб.: Полигон, 1995. – 575 с.
2. Военно-морской словарь – М.: Министерство Обороны, 1990. – 510 с.
3. Военные флоты и морская справочная книжка на 1892 г. – СПб, 1892. – 711 с.
4. Словарь биографический морской – СПб.: Полигон, 2001. – 240 с.
5. Энциклопедия кораблей мира. – СПб.: Полигон, 1997. – 396 с.

УДК 94:54 «17»

Воронежский государственный лесотехнический университет
кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры социально - гуманитарных наук
П.В. Востриков
г. Воронеж, Россия,
e-mail: Sortavala2015@inbox.ru

Voronezh State Forest Engineering University
PhD in History, Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities
P.V. Vostrikov
Voronezh, Russia,
e-mail: Sortavala2015@inbox.ru

П.В. Востриков

ПАТТЕРНЫ НЕМЕЦКОЙ ИММИГРАЦИИ В БРИТАНСКУЮ АМЕРИКУ

Ко времени Американской революции выходцы из германских земель составляли около 8% населения Британских колоний в Северной Америке. Иммиграция была масштабным явлением, обусловленным как экономическими, так и религиозными причинами. Возможно выделить определенные тенденции/паттерны, такие как: 1) иммиграция малых групп или одиночек авантюристского склада на протяжении XVI века; 2) раннее прибытие (1680-е годы) – по причине религиозных преследований, а также благодаря проповедям Уильяма Пенна и других квакеров, многие немцы нашли убежище в недавно созданной колонии Пенсильвания, в частности, в Германтауне; 3) Палатинская миграция (1709–1710 годы), когда большая группа пфальцских немцев, спасаясь от неурожая и экономических трудностей на родине, мигрировала в Америку через Англию, поселившись преимущественно в Нью-Йорке; 4) дальнейшая равномерная миграция в Пенсильванию (1727–1770 годы).

Среди многообразных причин, мотивов, способствовавших иммиграции можем выделить два основных фактора - выталкивания и притяжения (push-and-pull factors). Среди первых выделим религиозные преследования, политическую нестабильность, неурожай и другие экономические трудности, а среди положительных побуждений найдем перспективы религиозной свободы, экономических возможностей, особенно доступа к земле.

Ключевые слова: иммиграция, эмиграция, факторы выталкивания и притяжения, колониальная администрация, лютеране, кальвинисты, сектанты.

P.V. Vostrikov

PATTERNS OF GERMAN IMMIGRATION TO BRITISH AMERICA

By the time of the American Revolution, people originated from German lands made up about 8% of the population of the British colonies in North America. Immigration was a widespread phenomenon driven by both economic and religious factors. There are several notable trends and patterns, including: 1) early arrivals (1680s) – due to religious persecution, as well as thanks to the sermons of William Penn and other Quakers, many Germans found refuge in the newly established colony of Pennsylvania, in particular, in Germantown; 2) Palatine migration (1709-1710), when a large group of Palatine Germans, fleeing from crop failure and economic difficulties in their homeland, migrated to America through England, settling mainly in New York; 3) further steady migration to Pennsylvania (1727-1770).

Among the diverse causes, and motives that contributed to immigration, we can single out two main factors - push-and-pull factors. The first ones include religious persecution, political instability, crop failures and other economic difficulties, and among the positive motives there we have prospects for religious freedom and economic opportunities, especially access to land.

Key words: Immigration, emigration, push and pull factors, colonial administration, Lutherans, Calvinists, sectarians..

В XVI веке Швеция, Нидерланды, а в основном, Франция были соперниками Англии в борьбе за строительство заокеанских империй. Помимо политических, военных вопросов, административных решений, огромное значение в колониальный период в ходе формирования государственности в Новом Свете имел фактор иммиграции. Англия в ходе этой борьбы поглотила значительные владения европейских стран на среднеатлантическом побережье – Новую Швецию, Новые Нидерланды и, наконец, Новую Францию – со всей смесью выходцев с Британских островов, а также индейцев, африканцев и неанглийских европейских народов: голландцев, шведов, финнов, валлонов, фламандцев, гугенотов, немцев и норвежцев, создав более управляемое квазиимперское образование, простирающееся от Каролины до Канады. Этническое и религиозное разнообразие среднеатлантических колоний заметно контрастировало как с Чесапикским регионом, так и с Новой Англией, где почти все белые колонисты были выходцами из Англии. Это разнообразие также нарушало традиционное убеждение англичан в том, что социальная сплоченность и политический порядок зависят от этнического и религиозного единообразия. В 1692 году английский житель Нью-Йорка сетовал: «Наше главное несчастье здесь — слишком большая смесь наций, и англичане в наименьшей степени». Ксенофобские английские чиновники нелегко приспособились к разнообразию среди своих новых подданных [18, p. 271].

Лев Толстой говорил, что счастлив тот, кто счастлив у себя дома. Благополучного человека, наслаждающегося спокойной семейной жизнью, прибыльным делом, хотя бы базовой экономической самодостаточностью и духовной свободой трудно вынудить к тому, чтобы предпринять рывок в неизвестное. Особенности бурного развития капитализма в Англии, связанного с необходимостью иметь много шерсти – сырья для производства одежды, привели к огораживанию, а значит и к массовой пауперизации, бродяжничеству, безработице и суровым законам против несчастных. Иммиграция в Америку была решением проблемы «лишних людей» для властей, что во многом способствовало преобладанию англоязычного населения в североамериканских колониях, а также предоставляло хотя бы туманные перспективы для низших слоев общества. Ситуация во Франции и Нидерландах, главных соперниках Англии по освоению заморских территорий, была принципиально иной – экономическое развитие, основанное на производстве сельскохозяйственном производстве и посреднической торговле, удерживали население в пределах своих стран, так что организовать заселение Америки было, напротив, проблемой для властей и предпринимателей. Островное положение Британии способствовало экспансии за моря, не было необходимости иметь достаточно большую армию и участвовать в попытках отобрать у континентальных соседей куски территории.

Тем не менее, общая социальная и экономическая ситуация в Европе была таковой, что действительно, по выражению одного историка «Старый Свет и народ его порядком устали друг от друга». Во второй половине XVII и начале XVIII веков бесчисленное множество недовольных и угнетённых европейцев, отправлялись в опасное плавание к берегам того обширного континента, который должен был стать для них убежищем. И там они надеялись обрести свободу от политического и экономическо гнета. Они успели убедиться в том, что в подобной свободе им будет отказано в своей собственной стране [12, p. 241].

Германия пребывала еще долгое время в состоянии раздробленности, посему здесь не было амбициозных государственных или корпоративных проектов по основанию колониальных провинций, но бурление политической, экономической, религиозной жизни приводило к массовым перемещениям населения. Тридцатилетняя война, войны Людовика XIV, внутренние конфликты – первое, что, конечно, заставляло несчастных людей спасаться и покидать родные привычные места. Немецкие земли часто страдали от недостатка или переизбытка населения, эпидемий, низких урожаев и тяжелых налогов. Многие протестанты (в частности, меннониты), подвергались гонениям в католических регионах Германии. 40% населения юго-западной Германии погибло или было перемещено.

Наиболее ощутимы были демографические проблемы. Довоенная численность населения в 15-16 миллионов была достигнута только в период 1720-1750 гг. Женщины позже стали вступать в брак. Многие правители германских земель пытались привлечь на свою сторону иммигрантов, тех, кто избегал преследований за веру в других европейских государствах. В Берлин таким образом было привлечено 6 тысяч гугенотов. Также были компенсированы демографические потери в землях Вюртемберг, Франкония, Саксония, Бранденбург, Пфальц, Северный Гессен. Вместе с иммиграцией одновременно шел и процесс эмиграции из Германии – на юг и восток Европы, по большей части в Венгрию и в Россию. В период с 1727 по 1754 гг. около двух тысяч немцев ежегодно через Англию и Голландию переправлялись в Северную Америку, так что число немецких колонистов в английских колониях выросло до 100 тысяч жителей. По меньшей мере, полмиллиона мигрировали в Восточную Европу, более трехсот тысяч – только на венгерские земли. Католики, в частности, имели тенденцию мигрировать на восток, где они могли пользоваться защитой своих единоверцев-Габсбургов, и некоторые католики, направлявшиеся через Атлантику. В 1789 г. Филадельфии был основан первый немецкий католический приход [9, Р. 1-45].

К 1750-м годам в Германии стал заметен довольно быстрый рост населения – за счет естественного прироста. Пруссия имела 3, 5 миллиона жителей в 1748 г., а в 1770 г. около 4, 2 миллиона. В некоторых землях – Вюртенберге, Пфальце, Бадене – в деревнях даже был переизбыток населения, что привело к оттоку людей как в самих немецких государствах, так и за их пределы. Десятки тысяч немцев переселились в Россию. Менее 15%, или всего около 85 000 человек, прибыли в Северную Америку [8, р. 31].

Британская Америка предлагала обильные земли, религиозную свободу и возможность начать жизнь заново, что привлекало иммигрантов. Поэтому в XVIII веке Германия стала одним из основных источников переселенцев в британскую Америку. Иммиграция была особенно сильной из Рейнской области, Пфальца и других северогерманских районов, где были особенно тяжелые условия [10, р. 21]. Начиная с XI века в юго-западной Германии можно отследить цикл сельскохозяйственных инноваций, демографического взрыва, приводящего к эмиграции населения, затем сокращения численности населения и, наконец, иммиграции населения. Земли юго-западной Германии имели долгую историю миграции. В десятилетия после 1648 года, незадолго до того, как Пенсильвания стала колонией, население земель юго-западной Германии резко возросло [8, р. 15-17].

Немцы прибывали в Америку разными путями, индивидуально и коллективно. Они присутствовали в некоторых самых ранних поселениях XVII века и составляли значительную часть огромного потока колонистов, прибывших в середине XVIII века. Первый вариант немецкой миграции можно охарактеризовать как постоянный поток разрозненных малых групп и одиночек, часто находившихся на службе различных колониальных держав. Как и для подобных им английских переселенцев, социальный класс в значительной степени определял опыт иммиграции и адаптации. Состоятельные люди имели возможность сами оплатить своё путешествие, они имели средства для первоначального существования, и даже порой им удавалось стать управляющими в колониях. Немецкие ремесленники уже трудились в первом постоянном английском поселении – Джеймстауне при поддержке Вирджинской компании. Они и считаются многими историками первыми немцами на территории будущих Соединенных Штатов. В те времена, не было еще Германии как таковой, было множество мелких государств, подданств, продолжалось формирование языка, поэтому под немцами в сохранившихся свидетельствах того времени могли подразумеваться жители Нидерландов, а под голландцами (the Dutch) – немцы. Питер Минут, тот самый, что купил Манхэттен у туземцев – один из известных примеров.

«Официальное» начало истории немецких поселений в Новом свете, что отмечалось в ходе юбилеев трехсотлетия по обе стороны Атлантики связано с прибытием малой группы

группы меннонитов – тридцати пяти человек – из рейнского городка Крефельд в Филадельфию 6 октября 1683 года. Лидер английской секты квакеров, аристократ, сын адмирала Уильям Пенн, получил грант на освоение земли в устье реки Делавэр, где он основал колонию Пенсильвания в 1681 году. Он и его помощники путешествовали в Рейнской области в 1671 и 1682 годах, устанавливая контакты с меннонитами и другими сектантскими группами, обращая одних в квакерство, всех пытаясь заинтересовать «Священным экспериментом», то есть видением самого Пенна по построению идеального христианского общества, основанного на веротерпимости. Группы под руководством Франца Даниэля, Пасториуса, Иоганнеса Кельпиуса и Дэниела Фолкнера были типичными представителями этого первого движения. Хотя их численность была невелика — возможно, около трёхсот иммигрантов к 1709 году — они оставили наследие, которое сохраняется и по сей день[8, p.5].

Кроме того, Пенн назначил трёх человек в Лондоне для работы с запросами и продвижения заморского предприятия, а также имел агентов в Дублине, Эдинбурге, Бристоле, Гамильтоне и Абердине. К 1685 году в Пенсильванию переселилось около восьми тысяч человек, то были почти исключительно английские, валлийские и ирландские квакеры[10, p. 21]. Будучи колонизатором, Пенн был убеждённым сторонником меркантилистской теории, подчёркивая возросшую ценность деревенского и ремесленного труда на плантациях[10, p. 122].

Пропагандистский памфлет Пенна *Some Report of the Province of Pennsylvania* (1681г.) был быстро переведён на немецкий язык в Амстердаме и на голландский в Роттердаме, где жил друг Пенна Бенджамин Фёрли, купец-квакер, лидер местного Общества Друзей, благодаря которому слово «Пенсильвания» стало известно в Голландии и Германии. Бенджамин Фёрли, континентальный агент Пенна, как общественник и как влиятельный купец с широким кругом деловых интересов и связей, способствовал превращению Роттердама в главный порт отправления немецких иммигрантов в американские колонии. Его деятельность способствовала развитию трансатлантической транспортной системы для эмигрантов[19, p. 4]. *Umstandige geographische Beschreibung* Фрэнсиса Даниэля Пасториуса (1700) и *Curieuse Nachricht von Pennsylvania* Даниэля Фалькнера (1702 г.), среди прочих работ, получили широкое распространение.

Меннониты были самой представительной из всех пиетистских групп, что прибывали в Америку. Название они получили от имени своего лидера Менно Симмонса (1496-1561 гг.) из Западной Фризии. Это анабаптистское движение возникло в Нидерландах и распространилось далее в Германии и швейцарских кантонах. Амиши, одна из наиболее радикальных сект, возникла в Швейцарии. Движение моравских братьев возникло в Богемии и имело гуситские корни. Они низывали себя *Unitas Fratrum*, по-немецки *Mährische Brüder*. Они были известны стремлением к прото-коммунистическим экономическим практикам, а также прозелитизмом, в том числе и по обращению коренных жителей Америки. В 1685 г. большая группа меннонитов из Швейцарии, прибывших транзитом через Пфальц, переселилась в Пенсильванию. В течение столетия после 1683 года в британскую Америку прибыло всего от 1500 до 4200 меннонитов и около 750 моравцев. Амиши и данкеры (последние представляли собой группу немецких баптистов) насчитывали по триста или меньше каждая, а две другие небольшие секты, швенкфельдеры и вальденсы, еще меньше. Основная масса немецких переселенцев была представлена мейнстримными лютеранами или кальвинистами.

Экономически Германтаун оказался весьма успешным, не в последнюю очередь благодаря ремесленным навыкам иммигрантов. Многие семьи продолжали заниматься льняным ткачеством, Один английский путешественник, Джон Гудсон, писал в 1690 году, что Германтаун был городом «голландцев и немцев, которые создали льняную мануфактуру, производящую ежегодно многие тысячи ярдов тонкой льняной ткани»[16, p. 133]. Первая бумажная фабрика в колониях была основана здесь в 1690 г. выходцем из Мюльхайма Уильямом Риттенхаусом, вторая – в 1710 г. [6, p. 23]. Позже город стал важным местом для

издательского дела. Кристоф Зауэр, иммигрировавший в 1724 г., в 1738 г. основал типографию, ставшую крупнейшей в колониях. В следующем году появилось его пособие *Hoch-Deutsch Amerikanischen Calender*, стала выходить первая успешная немецкая газета *Germantown Zeitung*, которая просуществовала до революции. Зауэр, пожалуй, наиболее известен своей публикацией первой полной Библии на немецком языке – первая полная Библия в американских колониях (1743 г.) [17].

Религиозные причины эмиграции немцев сохранялись на протяжении всего колониального периода, но начиная с неурожайного 1709 г. другой тип миграционного паттерна начинает преобладать. Между 1709 и 1714 гг. тысячи немцев и швейцарцев уже по экономическим причинам покидали свою родину и отправлялись в Америку. Помимо неурожая, этому отчасти способствовала миграционная политика британской администрации, что годами стремилась привлечь работников на судостроительные верфи Нью-Йорка, публикуя рекламные памфлеты и книги, правда успех такой пропаганды был весьма относителен. Слухи о бесплатном путешествии, даровой земле, что будет предоставлена британскими властями, привел к первому массовому исходу из Германии, особенно из Пфальца (Палатина - *Palatine*). Переселенцы находились в отчаянном положении. Этот регион более всего пострадал от войн и эпидемий, в то время как многие области в юго-западной Германии начинали восстанавливаться после 1650 г., в Пфальце положение во многом оставалось плачевным. Первыми переселенцами были 55 лютеран, их лидером был священник Джошуа Кохертал. Они прибыли в Нью-Йорк зимой 1708 года. На западном берегу Гудзона они основали Нойбург (Ньюбург в наши дни) [6, p. 25].

В 1709 г. королева Анна распорядилась оказывать финансовую поддержку переселенцам: деньгами обеспечивался переезд, а также какое-то первое время пребывания в Америке. Один из таких пропагандистских памфлетов был выпущен с портретом королевы золотистого цвета, так что он стал известен, как «Золотая книга». Книга эта распространялась в Рейнской долине, и вскоре уже сами англичане стали жертвами своего плана, так как невероятное количество желающих – около 30 000 отозвались на предложение королевы сразу стали штурмовать суда в Роттердаме и других портах. В итоге только половина добралась до Британии, так как логистические возможности никак не соответствовали столь бурному людскому потоку. Столь много потенциальных эмигрантов заполнили как голландские порты, так и окраины Лондона, что это привело к крупной гуманитарной катастрофе. Многие были отправлены восвояси или застряли в Британии, где Даниэль Дефо, среди прочих, занялся делом «Бедных палатинских беженцев». Именно в это время термин «Палатин» (*Palatine*) даже утвердился на некоторое время английском языке как термин, обозначающий немцев в целом [6, p. 14-25].

В поисках ферм большинство добравшихся до Америки направлялись в сельские районы Пенсильвании. Из Пенсильвании потоки немецких мигрантов направлялись в южные колонии - Вирджинию, Каролину, Джорджию. Так, в 1730 г. группа немцев основала Массануттен в долине Шенандоа, Вирджиния, опытные фермеры приобретали земли в Фредерике, Мэриленд, моравские братья распространяли свои проповеди и хозяйственные связи на юге Джорджии. Немецкие иммигранты использовали старые индейские тропы, что стало началом крупного торгового пути – Большой филадельфийской дороги [4, p. 123, 130].

Десяти кораблям с несколькими тысячами иммигрантов был разрешен проход в Нью-Йорк, но, вопреки ожиданиям путешественников, вместо размещения их на бесплатных сельскохозяйственных угодьях, их отправили производить смолу в созданных для них лагерях вдоль Гудзона. Это предприятие вскоре рухнуло, и многие из этих немцев поселились к западу от Олбани, в долине реки Мохок и ее притока Шохари-Крик. Они поддерживали хорошие отношения с местными индейцами-мохоками, а их лидер Иоганн Конрад Вейзер отправил своего сына Конрада жить с ними и изучать их язык [11, p. 21].

Немецкоязычные колонисты, в отличие от других меньшинств - голландцев, французов и испанцев, обычно не вступали в прямой конфликт с англичанами. Они

создавали локальные крепкие общины, сети поддержки и распространяли свои религиозные, политические идеи через социальные сети поддержки своего времени - путем ведения активной переписки среди лидеров и рядовых членов сообществ. Держась обособленно, ревностно заботясь о сохранении культурных особенностей и языка, обособляясь от англоязычного большинства, они, тем не менее, переняли английскую политическую культуру как способ продвижения своих интересов.

Для нового типа отношений между немецкими и англоязычными американскими колонистами были характерны выгоды для обеих сторон; в обмен на право селиться на периферии расширяющейся Британской империи, немцы, большинство из которых в итоге обосновались в Среднеатлантическом регионе, стали своего рода буфером между прибыльными английскими поселениями и Новой Францией. При этом небольшая часть немецких и шотландско-ирландских переселенцев делала Нью-Йорк и Филадельфию своими конечными пунктами назначения, но чаще эти города были только временными местами пребывания перед дальнейшей миграцией [2, p. 28].

В конце 1720-х годов в Филадельфию ежегодно прибывало около трех кораблей, перевозивших в общей сложности 600 немцев. К началу 1750-х годов количество кораблей, прибывавших сюда, увеличилось до двадцати, а число немцев — до 5600. Вторая, гораздо меньшая и менее продолжительная миграция происходила из Роттердама в Чарлстон, Южная Каролина, который служил воротами на границу с Джорджией и Каролиной [18, p. 317].

Примерно с 1717 года и особенно с 1730-х годов вплоть до начала Американской революции немецкая иммиграция усилилась, но из-за неудачного опыта Палатинов Нью-Йорк играл лишь незначительную роль. Примерно три четверти немецких иммигрантов как и прежде, предпочитали Филадельфию, и большинство из них первоначально поселились в Пенсильвании. Хотя эти мигранты в первую очередь руководствовались экономическими соображениями, по большей части они были не такими отчаянно бедными, как мигранты из Пфальца времен королевы Анны, некоторые из которых также были религиозными беженцами, как, например, приверженцы лютеранства, изгнанные из епископства Зальцбурга. Последние селились недалеко от Саванны, штат Джорджия, в 1734 году, а в следующем году за ними последовали моравские поселенцы [3, p. 143-151].

Путешествие по океану, путь к порту посадки требовали гораздо больше времени и усилий, чем хотя бы столетие спустя. Регулярных рейсов не было, можно было потерять дополнительные недели и потратить больше денег на ожидание корабля в портах. Учитывая это, а также упомянутые выше финансовые ресурсы эмигрантов, неудивительно, что, по крайней мере половина, а возможно, и две трети эмигрантов XVIII века пересекли Атлантику в качестве кабальных слуг, финансируя свое путешествие кредитами, которые еще нужно было отработать в течение примерно семи лет.

Хозяйственные успехи многих немцев на новом месте, атмосфера веротерпимости, перспективы приобретения новых земель создавали положительную репутацию, о чем сообщалось в письмах на родину. В те времена, когда газеты только начинали регулярно появляться в крупнейших городах, а почтовая служба была практически недоступна для простых мужчин и женщин, сети личной коммуникации — письма, доставляемые надежными курьерами, или даже визиты родственников или друзей — имели огромное значение для передачи новостей о возможностях, открывающихся вдали от дома [19, p. 7]. Процесс эмиграции нуждался в адекватной инфраструктуре для облегчения и финансирования: то были неофициальные каналы распространения информации, проводники, владельцы и капитаны кораблей, торговцы, готовые предоставить возможность путешествия в кредит. Такая цепочка началась с курьеров, достававших письма из Пенсильвании в Германию. Известные как «ньюлендеры», эти курьеры сами были бывшими эмигрантами, возвращавшимися домой навестить родину, часто для взыскания долгов или получения наследства. За определенную плату они доставляли письма и вели дела в Германии для своих соседей, оставшихся в Пенсильвании. Привлекая немцев к эмиграции, эти агенты могли заработать бесплатный обратный проезд до Филадельфии, а иногда и

получали небольшую комиссию от британского судовладельца. Они облегчали принятие решения и переезд тысячам людей, которые ранее отказывались от самостоятельного путешествия в неизвестность. Противники немецкой эмиграции называли их опасными шарлатанами, и некоторые из них действительно оправдали эту репутацию, но большинство предоставляло достоверную информацию и ценные услуги [18, p. 318-319].

Впрочем, институт кабальных слуг (сервентов) имел скорее дурную репутацию. Сохранились многочисленные обвинения в жестоком обращении, эксплуатации, обмане и даже «белом рабстве». По обычаям того времени, временный подневольный труд не был чем-то необычным; это был путь для многих подмастерьев, оставшимся в своих родных деревнях и городах. Это относилось и к трансатлантическим путешественникам. В конце срока сервенты обычно получали два комплекта одежды, некоторые сельскохозяйственные инструменты. За это время приобретали опыт в американском сельском хозяйстве или ремесленные навыки, осваивали английский язык. В различных ремеслах разница между контрактным служением и ученичеством часто была нечеткой. Многие из сервентов позже становились землевладельцами и даже иногда сами нанимали работников. После того, как срок был отбыт и сервент получал право жениться, то супругой часто оказывалась дочь хозяина. Иногда работа по найму продолжалась на основе заработной платы после истечения срока договора [5, p. 33, 51].

Явно несправедливой особенностью системы было то, что выжившие трансатлантические путешественники должны были нести ответственность за расходы всех членов семьи, умерших во время путешествия, хотя уровень смертности среди немцев был ниже среднего на 4 процента, а для взрослых иммигрантов и того меньше. Еще одна проблема заключалась в том, что кабальные слуги зависели от состояния спроса и предложения, поэтому большой приток пассажиров мог привести к тому, что многие из них томились на кораблях, ожидая выкупа. И имелся риск, что для них останутся только непривлекательные предложения. Поток переселенцев в XVIII в. имел характер резких колебаний – было всего несколько лет, когда десять или более кораблей в год с немцами прибывали в Филадельфию: 1732, 1738, 1741, 1764, 1773 гг. Рекордным был 1749 год, когда в главный порт прибыло двадцать пять кораблей и более чем семь тысяч пассажиров; и в течение следующих пяти лет годовое общее количество составляло от пятнадцати до девятнадцати кораблей. Но за восемь лет, начиная с 1755 года, прибыло всего четыре корабля – Семилетняя война прервала путешествия по суше и морю [11, p. 24-25].

По оценкам, доля кабальных слуг, среди немецкой эмиграции в Америку в XVIII веке составляла от 50 до 60 процентов. Более половины из них первоначально были обязаны работать (на фермах, ремесленниками и торговцами). Только таким образом тысячи бедных фермеров, ремесленников и сельскохозяйственных рабочих смогли отработать и вернуть необходимую сумму для такого путешествия [14, p. 16].

Одним из самых резких и наиболее часто цитируемых критиков системы кабального служения, самой эмиграции, да и жизни в Пенсильвании был Готлиб Миттельбергер, чьи предупреждения еще перепечатывались прусскими чиновниками в 1860-е годы. Его несчастья начались с перехода через океан на корабле «Осгуд», который был гораздо более переполнен, чем среднестатистический корабль. К тому же, путешествие заняло три месяца, тогда как многие другие суда в то время корабли преодолевали это расстояние его менее чем за два, что и явилось причиной его необычайной степени неудобств, страданий и смертности путешественников. Миттельбергер пишет, что путешественники страдали от разнообразных болезней, жажды, голода, вшей, на корабле была плохая вода, жуткая скученность. Такие условия приводили к большому количеству летальных случаев [13, p. 12-13]. Иммиграция в Америку была сложным предприятием, в которое было вовлечено множество людей по обе стороны океана – то были владельцы судов, капитаны и команды кораблей, дельцы, стремившиеся приобрести кабальных слуг, владельцы гостиниц и т.д. Здесь не обходилось без преступлений и разного рода мошенничества. С агентами по эмиграции, уже

упомянутыми ньюлендерами, Миттельбергеру также не повезло. Он и сам едва не стал жертвой обмана: «В Голландии они пытались уговорить меня, чтобы я не покинул Америку навсегда... Эти же дельцы пытались убедить меня устно в Роттердаме, а также письменно из Амстердама, что моя жена и ребенок вместе с моей невесткой и многими моими соотечественниками отправились в Филадельфию прошлым летом последним рейсом этого года... они назвали мне имена моей жены, моего ребенка, а также их рост и возраст. Они также сказали, что моя жена заявила, что ее муж четыре года работал органистом в Пенсильвании. Они также рассказали, на каком корабле и с каким капитаном они отплыли из Амстердама... Все это привело меня в крайнее замешательство и нерешительность... Но своих письмах моя жена ясно дала понять, что никогда не поедет в Америку без меня; что, наоборот, она с нетерпением меня ждет; и что она снова получила от меня известие о том, что я, если Бог даст, решил вернуться в Германию в течение следующего года. По всем этим причинам я никак не мог поверить тому, что они мне говорили. Это повергло меня в такое смятение, что я не знал, чему верить или что делать. Наконец, после долгих раздумий и без сомнения в божественном наставлении, я решил завершить свое путешествие во имя Бога, тем более что я уже преодолел большую его часть... и добрался до Германии... слава Богу, я избежал этого великого искушения... я счастливо встретил свою жену и ребенка дома» [15, р.30-31].

С другой стороны, как показывает недавнее немецкое исследование, Миттельбергер «не был объективным летописцем, характеризующимся личной честностью» [11, р. 26-27]. Его возвращение в Германию было вызвано не столько разочарованием в Америке, сколько потерей должности органиста из-за сексуального скандала, а его рассказ о путешествии поощрялся, субсидировался и, вероятно, редактировался властями Вюртемберга, чтобы отпугнуть эмигрантов. Его американский работодатель, пастор Генри Мюленберг, писал в неопубликованной хронике, что органист Миттельбергер «в ночь с 8 на 9 июля [1753 г.] якобы вел себя настолько греховно и возмутительно по отношению к незамужней женщине в нашем школьном доме, что он недостоин в будущем прикасаться к органу в церкви или обучать молодежь в школе» [13, р. 76].

Тем не менее, следует отметить, что другие, более бесстрастные наблюдатели, также критиковали систему кабального служения и приводили ужасную статистику смертных случаев во время трансатлантического путешествия. Так, уже упомянутый печатник и издатель, Кристофер Зауэр I отмечал, что в период между 1750 и 1755 годами около двух тысяч трупов было выброшено в море [3, р. 217].

Обосновавшиеся немцы создавали общества взаимопомощи в различных портовых городах, начиная с Филадельфии в 1764 году и Чарльстона два года спустя, затем в Балтиморе в 1783 году и Нью-Йорке в 1784 году, когда окончание Войны за независимость привело к возобновлению движения иммигрантов. Они выполняли множество социальных функций и занимались материальной и духовной поддержкой для вновь прибывших, да и всех тех, кто оказался без личной поддержки в трудную минуту [19, р. 10]. В значительной степени личные и деревенские связи структурировали процесс миграции и расселения. Хотя, на первый взгляд, это не так: например, 152 иммигранта из города Иттлинген из Крайхгау оказались разбросаны по более, чем сорока поселениям на всем пути от Филадельфии до Северной Каролины; следы 102 человек из деревни Хоффенхайм можно найти более чем в тридцати местах на одной и той же территории. Но при более внимательном рассмотрении видно, что какое-то одно предпочитаемое место часто привлекало четверть/пятую всех иммигрантов из той или иной деревни. Фактически, чтобы найти большинство иммигрантов из типичного прихода Крайхгау, нужно было заглянуть всего в три поселка, и это несмотря на определенный рассеивающий эффект системы кабального служения. Еще усиливалась одна тенденция – необходимость отправляться дальше на запад, поскольку земля возле Филадельфии становилась все дороже. Основная масса иммигрантов из Баден-Дурлаха была сосредоточена в некоторых частях пенсильванских графств Ланкастер, Беркс и Дофин; а подавляющее большинство можно найти всего в дюжине соседних поселков.

Немцы также были самой сильно сегрегированной из всех этнических групп. В районах к западу от Филадельфии анализ фамилий белого населения в ходе переписи 1790 года показал, что более 70 процентов жителей Ланкастера и прилегающих к нему графств Беркс и Дофин были этническими немцами, а также почти две трети Нортгемптона, более половины Монтгомери и практически половина графства Йорк. С юго-востока Пенсильвании немцы продолжали мигрировать в южные глубинки. Например, в глубине Северной Каролины, в графстве Стоулс немцы составляли более одной трети жителей, а в графстве Линкольн — более четверти.

Хотя немецкое присутствие также было относительно большим в Нью-Йорке и Нью-Джерси, там немцы, как правило, были менее сегрегированы и быстрее ассимилировались, чем в упомянутых выше районах. Например, тринадцатилетний иммигрант из Пфальца по имени Джон Питер Зенгер, прибывший в 1710 году, поступил в ученики к английскому квакеру, научился у него полиграфическому делу, а позже основал свою собственную англоязычную газету. Он вошел в историю в 1735 году, когда его привлекли к ответственности за публикацию «ложной, скандальной, злонамеренной и подстрекательской» критики губернатора, но он был оправдан на том основании, что то, что он опубликовал, было правдой. Но как бы ни был важен Зенгер в истории установления свободы прессы, он, по сути, стал частью англо-американского (и в некоторой степени голландско-американского) общества, а не какой-либо малой немецкой этнической общины, несмотря на свое иностранное происхождение[11, p. 26-27].

Стремление к улучшению своего экономического положения, требовало более активного вхождения в англоязычную среду. Церковные службы, школьные уроки, конечно же, разговоры в тавернах, в быту почти всегда также велись на родном языке, на его диалектах. Они продолжали петь немецкие песни, как религиозные, так и светские, полагались на проверенную временем народную медицину, включая травы и колдовство. Но по мере того, как немцы становились заметной силой в британской колониальной Америке, они сохраняли старые культурные черты, одновременно изменяя свой образ жизни, чтобы подражать образу жизни своих английских соседей. Те, кто был ориентирован на рынок и вообще на внешний мир, лежащий за пределами диаспоры, понемногу осваивали английский, пытаясь влиться в мир атлантической торговли. Их юридический и экономический словарный запас представлял собой странную смесь английского и немецкого, с большим количеством английского — «ein Bill of Sääl», «ein Freeholder» и «der Cort» — вот лишь некоторые примеры, имеющие мало общего с немецкими словами, описывающими те же предметы и учреждения.

Из скромных домов в юго-западном немецком стиле они переезжали во всё более изысканные жилища. Хотя они производили множество товаров для английского домашнего использования и удовлетворяли английские вкусы, предметы для собственного пользования по-прежнему отражали немецкие пристрастия. Они продавали жестяную посуду, но предпочитали, чтобы их собственная утварь содержала олово. Аналогичным образом, в их тарелках и предметах домашнего декора широко использовались красный, зелёный и жёлтый цвета, в то время как предметы, которые они производили на продажу, были более простыми. Цвета и стили одежды также различались в зависимости от национальности. По мере распространения немецкой культуры таверн из Филадельфии, остальные жители колоний начали ценить некоторые блюда немецкой кухни, включая скрэплл – жареную лепёшку из свинины и кукурузной муки.

За период с 1683 по 1783 год прибыло около 125 000 немецкоговорящих мигрантов, увеличив общую численность немецкого населения колоний примерно до 200 000 человек. Пенсильвания стала основным пунктом назначения для немецких иммигрантов: по оценкам, в период с 1727 по 1835 год сюда прибыло около 108 000 человек, одна треть или более населения провинции составляли немцы, соперничая по численности с англичанами. Следующим на очереди оказался соседний Мэриленд с 12 процентами, за ним следует Нью-

Джерси с 9 процентами. Даже Нью-Йорк оказался немного ниже среднего показателя по Америке — 8 процентов немцев; ни в одной из остальных провинций не было значительного немецкого присутствия, выходящего за рамки разрозненных местных очагов. Кроме того, немецкие иммигранты основали поселения на юго-востоке США – в Вирджинии, Северной Каролине и Джорджии, а также в Новой Англии. Немецкие иммигранты привнесли свои традиции, язык и обычаи в американскую культуру, оказав влияние на кухню, образование и другие аспекты жизни. Они внесли значительный вклад в развитие сельского хозяйства, ремёсел и торговли в колониях.

Известия о серьезных проблемах с индейцами в 1754 году подорвали ослабевающую репутацию Пенсильвании. Впоследствии наблюдалось сокращение притока немецких поселенцев, которое в значительной степени стало результатом совокупного воздействия правительственных ограничений на эмиграцию в американские колонии и привлекательности новых проектов поселения в Восточной Европе, продвигаемых и в значительной степени субсидируемых Пруссией, Россией и Австрией. В основном это были иммигранты, имевшие личные связи с теми, кто уже обосновался в провинции, и новоприбывшие с ограниченными средствами, которые добрались до Делавэра по давним каналам связи, благодаря системе судоходства, кредиторам, участвовавшим в трансатлантической перевозке немецких пассажиров[19, p. 11].

Немцы обозначили свое присутствие в каждой колонии к 1750-м годам, однако многие из их англоязычных соседей относились к ним с подозрением. Немцы стремились к экономической и религиозной безопасности во многом теми же способами, что и их английские коллеги/соперники, но долго оставались в отдельных этнических анклавах, даже после того, как большинство немецких колонистов начали говорить по-английски. Хотя их культурное влияние на колониальную Америку было значительным, выходцы из Германии и Швейцарии не принимали активного участия в локальной политике до начала Американской революции.

Библиографический список

1. История Германии. Под общ. ред. Б.Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М., 2008.
2. Beeman R. *The Varieties of Political Experience in the Eighteenth Century America*. Philadelphia, 2006.
3. Bittinger L.F. *The Germans in Colonial America*. Philadelphia, 1901.
4. Bridenbaugh C. *Myths and Realities. Societies in the Colonial South*. NY, 1974.
5. Brown R. &K. *Virginia 1705-1786: Democracy or Aristocracy? Lasting*, 1964.
6. Cronau R. *German Achievements in America*. NY, 1916.
7. Defoe D. *A brief history of the poor Palatine refugees* . London, 1709.
8. Fogleman S. *Hopeful Journeys: German Immigration, Settlement, and Political Culture in Colonial America, 1717-1775*. Philadelphia, 1996.
9. Griffin M. I. J. "The Church of the Holy Trinity, Philadelphia". *Records of the American Catholic Historical Society of Philadelphia*. Philadelphia, 1919.
10. Illick J. *Colonial Pennsylvania. A History*. NY, 1976.
11. Kampfhoefner W. D. *Germans in America. A Concise History*. NY, 2021.
12. Mellick A. Jr. *German Emigration to the American Colonies, Its Cause, and the Distribution of the Emigrants// The Pennsylvania Magazine of History and Biography* , Oct., 1886, Vol. 10, No. 3 (Oct., 1886).
13. Mittelberger G. *Journey to Pennsylvania*. Cambridge, 1960.
14. Moltman G. *The Pattern of German Emigration to the United States in the Nineteenth Century// America and the Germans. An Assessment of a Three-Hundred Year History*. Frank Trommler and Joseph McVeigh, Editors. Vol. 1. *Immigration, Language, Ethnicity*. Philadelphia, 1985.

15. Muhlenberg H.M. The Correspondence of Heinrich Melhior Muhlenberg, 1753-1756. Madison, 1987.
16. Pennypacker S.W. The Settlement of Germantown. Pennsylvania and the Beginning of German Emigration to North America. Philadelphia, 1899.
17. Reimer E. German Language Printing in the American Colonies up to the Declaration of Independence (part 2). The Beginnings and Christopher Sauer the Elder https://www.dhm.de/archiv/magazine/unabhaengig/eck_2e.htm Дата обращения: 13.12.2025.
18. Taylor A. American Colonies. NY, 2001.
19. Wokeck M. German Immigration to Colonial America: Prototype of a Transatlantic Mass Migration// America and the Germans. An Assessment of a Three-Hundred Year History. Frank Trommler and Joseph McVeigh, Editors. Vol. 1. Immigration, Language, Ethnicity. Philadelphia, 1985.

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
В.В. Гагин
Россия, г. Воронеж,
e-mail: vrvio@yandex.ru

«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin»
PhD in Historical Sciences,
Senior Researcher
V.V. Gagin
Russia, Voronezh,
e-mail: vrvio@yandex.ru

В.В. Гагин

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАКТИЧЕСКОЙ АВИАЦИИ НАТО В ПЕРИОД 1950-1960 ГГ.

В поисках перспективы применения тактического ядерного оружия западные исследователи периода 1950-1960-х гг. в своих статьях отмечали, что ни американская авиация в войне в Корее, ни французская авиация, а позднее и ВВС США в войне в Индокитае не смогли добиться успеха, встретив героическое сопротивление корейского и вьетнамского народов. Они рассматривали это как «падение» тактической авиации и считали, что только атомное оружие может вернуть ей ту роль, которую она сыграла во Второй мировой войне. Тактическая авиация всегда являлась мощным инструментом поддержки сухопутных войск. Однако этот инструмент требует тщательной настройки и отладки.

Ключевые слова: тактическая авиация, непосредственная поддержка, тактическое ядерное оружие, стратегическое господство в воздухе, авиакорпус быстрого реагирования, передовой авиационный наводчик.

V.V. Gagin

PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF NATO TACTICAL AVIATION IN THE PERIOD 1950-1960

In their search for a viable use of tactical nuclear weapons, Western researchers in the 1950s and 1960s noted in their articles that neither American aviation in the Korean War, nor French aviation, nor later the US Air Force in the Indochina War, had achieved success, despite the heroic resistance of the Korean and Vietnamese peoples. They viewed this as the «fall» of tactical aviation and believed that only nuclear weapons could restore it to the role it played in World War II. Tactical aviation has always been a powerful tool in supporting ground forces. However, this tool requires careful tuning and fine-tuning.

Key words: tactical aviation, close air support, tactical nuclear weapons, strategic air superiority, rapid reaction air corps, forward air controller.

На тактическую авиацию, имеющую задачу непосредственной или косвенной (действия по тылам противника) поддержки сухопутных войск, всегда в той или иной степени распространялось правило, заключающееся в том, что тактика в отличие от стратегии обычно претерпевает изменения каждые десять лет. И чем чаще прибегают к помощи тактической авиации, тем явственнее проявляются ее «взлеты и падения». Будучи сильной после окончания Второй мировой войны, тактическая авиация не смогла, однако, обеспечить американцам решающий успех в Корее в 1950-1953 гг. Более того, в конце 1940-1950-х гг. в Индокитае она не помешала разгрому Франции, которая была единственной обладательницей самолетов. [1]

Окончательное «поражение» обычных видов вооружения в Корее и в Индокитае и появление тактического атомного оружия вызвало к жизни новую доктрину, в соответствии с которой тактическое использование атомного оружия сделало второстепенным значение его стратегического использования. [2]

В течение 1954 г. определилась твердая позиция по применению атомного оружия, выразившаяся в том, что возможность нанесения стратегических ударов по крупным промышленным и населенным центрам противника необходимо дополнить более разнообразным использованием тактического атомного оружия. Эта позиция нашла свое выражение в неоднократных заявлениях руководителей США и высказываниях представителей командования НАТО, которые утверждали, что тактическая атомная бомба и атомный снаряд приняты на вооружение крупных войсковых соединений наравне с обычными видами оружия и их использование в операциях должно рассматриваться как нормальное явление.

В сентябре 1954 г. генерал Грюнтер в своем выступлении поставил проблему тактического использования атомного и термоядерного оружия в один ряд с проблемой перевооружения Западной Германии. В это же время командующий английскими войсками в Германии генерал Гейл, выступая на пресс-конференции, устроенной перед началом маневров войск НАТО «Ройял Бэтл», которыми он руководил, заявил: «Мы живем в век атомной войны. Наша боевая подготовка должна быть направлена на использование атомного оружия на поле боя». Единственным критерием, позволяющим оценить новую роль тактической авиации, оснащенной ядерным оружием, являются маневры. Их экспериментальный и во многом условный характер, преднамеренно выбранное соотношение между обычными видами вооружения и оружием массового поражения, ограниченное использование последнего в ходе маневров не позволяют сделать таких определенных выводов, какие можно сформулировать, основываясь на опыте реальных военных действий. Вследствие этого, разбирая маневры «Ройял Бэтл», генерал Гейл указывал, что тактическая авиация не сыграла в наземном бою первостепенной роли, которую признавали за ней раньше. Несмотря на восемь атомных снарядов и бомб, «примененных» ею с целью уравновесить численное превосходство «противника», «ожная» сторона была вынуждена под натиском войск «северной» стороны отступить в течение недели на 60 км на фронте в 100 км. Пехота, танки и другие виды обычного оружия сохраняли в этих маневрах ведущую роль.

Осенние маневры 1955 г. «Сейдж Браш» (маневры армии и ВВС США, проходившие в штате Луизиана) дали уже совершенно иные результаты. Во-первых, были побиты все существовавшие рекорды на продолжительность маневров: маневры «Сейдж Браш», состоявшие из двух периодов, начались в конце октября, а закончились лишь в начале декабря. Во-вторых, примечательным было и то, что тактическая авиация обеих сторон развернула свои действия в зоне площадью в 2 млн. квадратных километров. Руководители маневров не скрывали, что они стремились по возможности наиболее полно и точно воспроизвести характер и условия местности ряда стран Западной и Центральной Европы, предназначенной для проведения воздушных и наземных операций, ограниченных решением тактических задач. Темой маневров не предусматривалось применение термоядерной бомбы с ее разрушениями стратегического характера. Зато на маневрах «применялись» все другие виды оружия массового поражения. Основное место занимали артиллерийские и управляемые снаряды с атомными зарядами и атомные бомбы. Всего в период маневров было «произведено» 275 атомных взрывов мощностью от 2 до 40 тыс. т. [3]

В этих маневрах частичное применение нашло также химическое, биологическое оружие и боевые радиоактивные вещества. Создание радио- и радиолокационных помех, дозаправка истребителей-бомбардировщиков топливом в воздухе, высадка с вертолетов воздушных десантов в тылу «противника», использование инфракрасной техники для обеспечения действий войск ночью, передача сведений воздушной разведки в штабы дивизий при помощи телевидения – все эти виды действий и новой техники, которые находились в тот период лишь в стадии разработки в армиях других стран – участниц Североатлантического союза, придавали маневрам сверхсовременный характер.

По признанию командующего тактическими ВВС генерала Вейланда, одним из наиболее отрядных результатов маневров «Сейдж Браш» явилось повышение роли тактической авиации на поле боя. Стало ясно, что сухопутным войскам труднее будет укрываться от атомных бомб мощностью в 40 тыс. т, чем от напалма, меры защиты от которого уже найдены и умело применяются.

Каждая из сторон – участниц маневров, придерживаясь теории генерала Дуэ, стремилась завоевать господство в воздухе путем уничтожения авиации «противника» на ее базах. Атомная бомба мощностью в 40 тыс. т, испытанная весной 1955 г. на полигоне штата Невада, оказалась наиболее подходящим средством уничтожения самолетов, рассредоточенных на аэродроме. Воронки диаметром 300-400 м, образовавшиеся при наземном взрыве, надолго выводят из строя бетонированные взлетно-посадочные полосы; миллионы тонн радиоактивных веществ, выбрасываемых при взрыве, затрудняют доступ в прилегающую зону. Однако, благодаря дозаправке самолетов топливом в воздухе резервные аэродромы располагались в 1000-1500 км от линии фронта. Истребители-бомбардировщики с атомными бомбами, каждая мощностью по 40 тыс. т, проникали в глубокие тылы «противника» и не только «уничтожали» его авиацию и аэродромы, но и «опустошали» окружающую местность. [4]

Не в лучшем положении оказались и наземные войска. По мнению наиболее авторитетных американских обозревателей, маневры «Сейдж Браш» показали, что отныне никакие попытки не помогут сухопутным войскам укрыться от атомной угрозы. Специально оснащенные бронетанковые или моторизованные соединения не могли успешно маневрировать в условиях имитированного использования атомных бомб, химического, биологического оружия и боевых радиоактивных веществ. Погода и характер местности театра военных действий, большей частью покрытого лесами и болотами, значительно усложняли проблему укрытия войск, часто не позволяя автотранспорту двигаться вне дорог. Танковые колонны, обнаруженные ночью с помощью инфракрасной техники, и тысячи сопровождавших их машин обслуживания были блокированы лесными пожарами, вызванными шестьюдесятью атомными бомбами, сброшенными на сухопутные войска, и боевыми отравляющими веществами, которыми были заражены проезжие дороги. Поэтому появление новых мощных видов оружия полностью изменяет существующие взгляды на использование различных родов войск. [5]

Завоевание господства в воздухе, истощение противника авиацией косвенной поддержки (под «авиацией косвенной поддержки» западные авторы, очевидно, понимали авиацию, привлекаемую для ударов по тылам с целью изоляции района боевых действий) и, наконец, уничтожение его передовых войск ударами авиации непосредственной поддержки – таковы три последовательные фазы, которые по общему согласию соблюдались до 1950 г. при ведении авиационного наступления в интересах сухопутных сил. Сейчас от этой сложной системы почти ничего не осталось.

Господство в воздухе потеряло свой основной смысл, заключающийся в том, чтобы открывать путь другим самолетам, которые сами по себе не в состоянии были успешно вести воздушный бой. Огромное увеличение мощи современных видов оружия освобождает от необходимости применять большие уязвимые группы самолетов при налетах на объекты противника. Следует полагать, что чаще всего успех будет возможен в том случае, если даже хотя бы один самолет достигнет цели на бреющем полете. В связи с этим следует особо подчеркнуть значение маневров «Сейдж Браш», в ходе которых истребителям-бомбардировщикам обеих сторон удавалось с незначительными потерями проникать на несколько тысяч километров в тыл «противника». Радиолокационные установки, истребители-перехватчики и зенитные управляемые снаряды были не в состоянии помешать подобным налетам. Поэтому стороны вынуждены были довольствоваться незначительной, но все еще сравнительно высокой эффективностью обычных зенитно-артиллерийских средств с прожекторами.

С появлением управляемых снарядов класса «земля – земля» начинается период, когда понятие господства в воздухе теряет свое значение. Уже сейчас управляемые снаряды с атомными зарядами могут дополнять действия самолетов при выполнении последними всех задач по оказанию непосредственной поддержки. Таким образом, господство в воздухе не увеличит возможностей того, кто его удерживает, и не обеспечит ему более надежного прикрытия от ответных ударов противника.

Авиация косвенной поддержки, проводившая операции по изоляции района боевых действий, составлявшие вторую фазу авиационного наступления, должна была использовать господство в воздухе в своих интересах. Нарушение коммуникационных линий и изоляция районов активных боевых действий ослабляли противника в такой степени, что он не мог оказывать эффективного сопротивления. Неоспоримый успех, достигнутый союзниками в 1944-1945 гг. при постановке «воздушных завес» в Нормандии и Руре, объясняется прежде всего отсутствием сопротивления со стороны немецкой армии. Отсутствие сопротивления со стороны армии фашистской Германии объясняется в первую очередь тем, что ее основные силы были скованы действиями советских войск. В конце 1950 г. китайско-корейское командование и командование Народной армии Демократической Республики Вьетнам привели организацию своих армий и их службы тыла в соответствие с создавшейся обстановкой, т.е. учли превосходство противника в авиации. Можно не сомневаться, что китайско-корейская армия, в результате контрнаступления которой войска объединенных наций были оттеснены от р. Ялуцзян к Сеулу, в июне 1944 г., если бы это происходило в Европе, отбросила бы к морю армии Эйзенхауэра, оснащенные танками и тяжелой артиллерией. Макартур не сомневался в этом. [6]

Заглядывая в будущее, представители западных армий задавали себе вопросы. Какое влияние на положение сухопутных войск окажет ядерное оружие, используемое для парализации их тылов? Смогут ли сухопутные войска, имея на вооружении лишь индивидуальное и групповое оружие, передвигаться в районах, изрытых воронками и покрытых радиоактивными веществами? Если радиоактивному заражению подвергаются войска, то техника обеспечивает сухопутным подразделениям необходимые средства передвижения, приспособленные для использования легких видов оружия. В будущем предполагалось, что в районах, подвергшихся наибольшему заражению, будут использоваться вертолеты, а затем – самолеты с вертикальным взлетом и посадкой. В районах с меньшим заражением могут быть успешно применены легкие бронетранспортеры, позволяющие быстро перевозить войска и материальную часть из одного подземного укрытия в другое. Сухопутные войска, конечно, будут испытывать большие трудности при передвижении, но тем не менее они смогут передвигаться по зараженной местности, если командование обеспечит их соответствующими транспортными средствами. [7]

Авиация непосредственной поддержки должна завершать разгром противника, истощенного до этого авиацией косвенной поддержки. В начале 1950-х гг. китайско-корейские войска, учитывая угрозу со стороны авиации косвенной поддержки, соответствующим образом изменили состав своих боевых частей и способы их тылового обеспечения. Одновременно они нашли эффективное средство защиты и от авиации непосредственной поддержки. Таким средством явилась полевая фортификация – подземные сооружения.

Трудно представить, чтобы оборонительные сооружения полевого типа смогли устоять перед ударами авиации, которая разрушала в 1939-1945 гг. прочные и дорогостоящие оборонительные линии, возводившиеся с использованием всех достижений фортификации. Каким же образом полевое укрепление, поспешно созданное из подручного материала, могло оказаться прочнее инженерного оборонительного сооружения, построенного специалистами из самого лучшего материала? Следует отметить, что полевая фортификация устояла не только перед самолетами, но и перед тяжелой артиллерией. Командование китайско-корейских войск увеличило стойкость полевых сооружений,

используя при их возведении всю изобретательность и способность своих солдат к труду. Оно создавало целую сеть подземных галерей с многочисленными входами и выходами, полностью зарывало в землю свои минометы и даже полевую артиллерию и так маскировало свои позиции, что наземное и воздушное наблюдение не могло обнаружить их. Такие полевые сооружения могли противостоять авиационным бомбам и всем другим видам обычного оружия, за исключением гранаты и штыка. Устоит ли полевая фортификация перед новыми видами оружия – атомными бомбами, которое вводится на вооружение самолета? Если иметь в виду только воздушный атомный взрыв, то подземные оборонительные сооружения, подобные тем, которые начиная с лета 1951 г. возводились китайско-корейскими войсками, будут служить надежным укрытием. Показателен в этом отношении случай, когда убежища, находившиеся вблизи эпицентра атомного взрыва в городе Хиросима, остались невредимыми. Несомненно, сила атомных взрывов возросла, но крупные разрушения на поверхности, вызываемые бомбой мощностью в 20 млн. т в радиусе 20-30 км, позволяют предположить, что чем больше мощность бомбы, тем выгоднее увеличивать высоту ее взрыва. Воздействие же взрыва на подземные укрытия почти не изменяется. Американская агрессия США во Вьетнаме также показала эффективность подземных укрытий и сооружений Вьетконга и Вьетнамской Народной Армии. [8]

Если бы атомное оружие находилось в руках лишь одной из воюющих сторон, то она имела бы в своем распоряжении непревзойденное по мощи наступательное или оборонительное средство борьбы. Если же атомные средства будут поделены, даже неравными долями, между противниками, то наступающий больше не сможет располагаться на разрушенных позициях, а обороняющийся не сможет удерживаться на них. Увеличение мощи оружия не изменит равновесие, установившееся при Вердене и Сталинграде, в пользу обороняющегося, решившего не жалеть живой силы. Бомба весом в 1000 кг не увеличила возможностей наступающих войск, поддерживаемых артиллерийскими снарядами весом в 50 кг. Бомбы мощностью в 20 тыс. т и даже 20 млн. т не облегчат задачу наступающего, стремящегося захватить желаемый район, если противник может противопоставить ему несколько бомб такой же мощности. В районах, прилегающих к огромным воронкам, куда вертолеты доставят резервы на смену бывшим здесь солдатам, вновь разгорится борьба при помощи гранат и штыков.

В ходе быстро меняющихся событий, происходящих после Второй мировой войны, выявились две характерные особенности: во-первых, прогресс в области развития боевой техники, позволяющий заменить обычный поршневого самолет с винтом более скоростным самолетом, а затем управляемым снарядом, все менее и менее подвергающимся перехвату; во-вторых, прогресс в развитии вооружения, дающий в руки каждого из противников боевые средства, обладающие огромной разрушительной силой. То и другое является гарантией роста мощи обороняющихся войск, гарантией усиления обороны, какова бы ни была при этом диспропорция в живой силе или вооружении.

В то время, когда специалисты стран НАТО «ломали копья» в спорах про будущее тактической авиации, в Советском Союзе на тот момент тактической авиации по факту не было вообще – в 1956 г. на основании доклада маршала Г.К. Жукова Правительству СССР было принято решение о ликвидации штурмовой авиации и десятков тысяч совершенно исправных штурмовиков. Затем, следуя по одной из ветвей развития тактической авиации западного образца, было принято решение о развитии истребительно-бомбардировочной авиации – в результате были потеряны годы и потрачены миллиарды рублей. [9]

Совсем иначе обстояло дело с тактической авиацией в ВВС США. Взгляды командования ВВС США на развитие тактической авиации в период 1960-х гг. формировались на основе опыта войны во Вьетнаме – Пентагон реагировал на современные вызовы достаточно полно и оперативно. [10]

Это не значит, что все принятые решения, способы и формы боевого применения тактической авиации, старые и новые средства авиационного поражения сразу и без проблем «становились в обойму» вооружения строевых частей – успех приходит к тому, кто не

боится проб и ошибок. Именно для проведения проб и анализа ошибок руководством ВВС США, которое придавало большое значение тактической авиации и разработке способов ее боевого использования, в рамках Тактического авиационного командования (ТАК) на авиабазе Эглин (штат Флорида) в 1963 г. был создан специальный центр, задачей которого была разработка рекомендаций по повышению возможностей тактической авиации в осуществлении непосредственной авиационной поддержки.

Обычно каждый новый образец военной техники проектируется, производится и испытывается соответствующими данному роду войск органами по разработке систем вооружения или фирмами, получившими заказ на исследования. Центр же привлекался только с началом разработки способов тактического применения нового авиационного оружия. В то время в Центре исследовались возможности глобального использования тактической авиации, при этом особое внимание уделялось опыту войны во Вьетнаме.

Под глобальным использованием тактических ВВС подразумевается способность эскадрилий тактических ВВС совместно с подразделениями технического обслуживания и управления в короткий срок перебазироваться на заморские ТВД и немедленно приступить к выполнению боевых задач. Забегая вперед, необходимо отметить, что американские ВВС достигли в этой области больших успехов.

Центр имел следующие основные группы: испытание образцов оружия, изучение способов ночных действий, оборудование и снаряжение, проблемы радиоэлектронного противодействия и отработка систем и средств управления тактической авиацией. По каждой исследовательской программе центр готовил специальную группу и направлял ее к месту испытаний. Эти группы в условиях, приближенных к боевым, уточняли инструкции по использованию систем вооружения и давали рекомендации по тактике действий.

Группа испытания образцов оружия занималась исследованием боевых возможностей ракет класса «воздух – воздух», управляемых авиабомб и средств их доставки к цели. Она испытывала, в частности, находящиеся на вооружении ракеты типа «Фалкон» и «Спарроу» с целью усовершенствования их и более эффективного использования в различных видах воздушного боя. Также анализировалась возможность применения легкого реактивного снаряда класса «воздух – земля» для стрельбы с самолета по наземным целям. В ходе испытаний по оценке точности бомбометания управляемыми авиационными бомбами проверялась также новая система бомбометания с использованием лазера.

Группа по изучению способов ночных действий производила оценку новых осветительных ракет и бомб, обладающих большой продолжительностью горения, пригодных к применению со всех типов самолетов, оценивала возможности установки на самолетах прожекторов высокой интенсивности.

Исследовалась возможность формирования в составе тактической авиации специальных подразделений и частей, оснащенных такими системами вооружения, которые могли бы быть использованы главным образом для выполнения задач непосредственной авиационной поддержки и изоляции района боевых действий в ночное время.

Группа по изучению оборудования и снаряжения разрабатывала мероприятия по быстрой переброске наземных средств на необорудованный аэродром, исследовала вопросы организации обороны аэродрома, обслуживания личного состава, проверки аэродромного оборудования в реальных полевых условиях и, кроме того, занималась подбором снаряжения для летчиков.

Группа изучения проблем радиоэлектронного противодействия занималась совершенствованием методов радиоэлектронной разведки, выработкой способов действия тактических боевых самолетов с целью снижения их уязвимости от зенитных ракет, определением местоположения ЗУР противника и созданием помех в работе радиолокационных станций наведения.

В составе группы имелись две подгруппы, из которых одна имитировала противника, радиоэлектронную обстановку и создаваемые им помехи, а другая выработывала методы

преодоления помех и подавления радиосредств противника. Рекомендации этих двух подгрупп поступали в конструкторские бюро фирм, производящих радиоэлектронное оборудование.

Группа отработки систем и средств управления занималась системами управления тактической авиацией (СУТА), совершенствованием средств связи и электроники, применяемых в тактической авиации, и вопросами управления действиями авиации с самолета – командного пункта.

СУТА представляла собой комплекс средств, с помощью которых авиационный командир имеет возможность оперативно управлять находящимися в его распоряжении силами. В этот комплекс входили радиолокационные станции, связная аппаратура, оборудование центров управления (командных пунктов) и другое вспомогательное снаряжение, необходимое для действий в полевых условиях.

Центр изучал проблему использования большого реактивного самолета для управления действиями тактической авиации. Такой командный пункт (сейчас это называется самолет ДРЛО и У) – узел связи и управления на самолете использовался при развертывании новых группировок авиации и при ведении воздушных и транспортно-десантных операций до ввода в действие наземных органов управления. Подобная система должна была обеспечить тактической авиации большую гибкость в управлении. В авиационные части, подразделения и штабы тактической авиации центр направлял отчетные доклады, примерные планы и рекомендации по боевому использованию авиационной техники. [11]

Справедливости ради необходимо указать, что с 1954 г. в составе ВВС СССР существовал и успешно работал 4-й воронежский, а затем липецкий Центр боевого применения и переучивания личного состава, однако, если вспомнить, сколько реорганизаций, сокращений и преобразований он претерпел за годы своего существования, станет понятно, насколько нелегко давались нам в прошлом и даются сегодня новые успехи и достижения в этой области.

В ВВС США применительно к тактической авиации тщательно изучались и всегда считались основополагающими основные характерные особенности военно-воздушных сил:

- радиус действия, позволяющий достичь любого пункта в отдаленном регионе и возвратиться в любой заданный пункт;

- скорость, обеспечивающая возможность пролететь в течение нескольких часов расстояние между любыми двумя пунктами в пределах тактического радиуса с учетом возможности дозаправки в воздухе;

- подвижность, позволяющая тактической авиации по первому требованию совершать самостоятельное перебазируемое на новые оперативные базы;

- гибкость использования, позволяющая быстро приводить тактические авиакрылья в боевую готовность и использовать их в соответствии с требованиями обстановки. Они могли быть в короткое время перенацелены с одной задачи на другую, не изменяя места базирования, и переброшены из одного района в другой, почти не прекращая боевых действий. [12] Они имели возможность доставлять до цели различные по своему виду и силе средства поражения, начиная от обычных НУРСов до ядерных бомб. Они могли использоваться для переброски грузов, ведения психологической войны и добывания разведывательных сведений;

- способность проникать глубоко на территорию противника, обеспеченная сравнительно малыми размерами летательных аппаратов, их способностью совершать полеты на больших скоростях и различных высотах, а также их возможностью применять разнообразные способы действий.

Сами военно-воздушные силы оказывают активное воздействие на все формы международных отношений. Действуя в воздушном пространстве, не ограниченном строго определенными сухопутными или морскими границами, военно-воздушные силы способны действовать в любом месте и в любое время. Эти потенциальные возможности военно-

воздушных сил делают уязвимой от воздействия с воздуха всю социально-экономическую структуру других государств. Однако эти присущие ВВС возможности всегда могут быть ограничены стратегией, политикой или другими различными причинами. [13]

Для успешного использования тактической авиации в составе военно-воздушных сил существуют установившиеся принципы. Применение этих принципов приводит к успеху, а их игнорирование влечет за собой большой риск и возможное поражение. Эти принципы следующие:

1. Единство военно-воздушных сил. Среда, в которой действуют военно-воздушные силы, обеспечивает им неограниченную свободу действий. Эта среда в сочетании с летно-техническими характеристиками летательных аппаратов обеспечивает военно-воздушным силам исключительную гибкость, являющуюся основой их мощи. Для того чтобы полностью использовать эту гибкость, военно-воздушные силы должны использоваться на всех этапах военных действий как единое целое.

Все мероприятия по управлению военно-воздушными силами должны проводиться с учетом централизованного их использования. Присущая военно-воздушным силам способность сосредотачивать свои усилия в решающее время и в решающем месте обеспечивает многостороннее использование авиации для достижения различных целей. Военно-воздушные силы могут выполнять свои задачи одновременно или в быстрой последовательности в интересах достижения общей цели. Однако, ввиду того, что военно-воздушные силы могут быть использованы для выполнения различных задач, к ним могут быть предъявлены такие требования, удовлетворение которых привело бы к дроблению военно-воздушных сил и распылению их усилий на выполнение несвойственных им, чрезвычайно дорогостоящих и даже невыполнимых задач. При таком использовании авиации было бы полностью утрачено все преимущество гибкости и уничтожено единство военно-воздушных сил, а распыление усилий привело бы к подрыву их мощи.

Американское командование специально подчеркивало, что принципы боевого управления авиацией во всех командных звеньях должны исключать возможность бесцельной траты сил, чреватой катастрофическими последствиями. При любых действиях ВВС, независимо от их характера и масштаба, необходимо обеспечить централизованное управление ими. Управление должно быть сосредоточено в руках такого авиационного командира, который мог бы обеспечить наиболее полное использование военно-воздушных сил для выполнения поставленной задачи.

Централизованное управление имеет целью создать условия для использования военно-воздушных сил в качестве единого целого как в глобальном, так и в меньшем масштабе.

2. Военно-воздушные силы используются для достижения единой цели. Другим установившимся принципом успешного использования военно-воздушных сил является определение цели действий и неуклонное стремление к ее достижению. Цель должна быть сформулирована с учетом возможностей достижения желаемых результатов при проведении боевых действий. Стратегический план достижения цели должен быть по возможности простым и ясным. Каждый план необходимо постоянно проверять с точки зрения его соответствия достижению намеченной цели. Все командные инстанции должны быть уверены в том, что их усилия непосредственно способствуют достижению общей цели.

3. Проявление инициативы повышает возможности военно-воздушных сил. Многообразие боевых возможностей военно-воздушных сил обеспечивает захват инициативы в различных условиях международной обстановки. Независимо от характера конфликта проявление инициативы имеет существенное значение в любой обстановке, в том числе для создания условий, позволяющих применить военно-воздушные силы. Инициатива должна проявляться максимально при всех действиях авиации. Например, во время войны во Вьетнаме ВВС США активнейшим образом применяли как стратегическую, так и тактическую авиацию фактически по одним и тем же целям.

В военное время инициатива должна находить свое конкретное выражение в наступлении, так как победа невозможна без наступательных действий. Только военно-воздушные силы имеют возможность немедленно приступить к ведению боевых действий против враждебного государства в любом месте и в любое время. Поэтому они должны использоваться в наступательных целях сразу же после возникновения войны.

4. Военно-воздушные силы, где это только возможно, должны использоваться внезапно. Внезапность может быть использована как в чисто военных, так и в психологических целях. Она может быть достигнута в результате быстроты действий, введения противника в заблуждение, смелости, оригинальности решений и скрытого сосредоточения. Внезапность является решающим фактором в действиях военно-воздушных сил, и на ее достижение должны направляться все усилия. Результаты, которые достигаются в итоге внезапных действий, могут с избытком компенсировать затраченные усилия.

5. Усилия военно-воздушных сил должны быть сосредоточенными. Боевые качества военно-воздушных сил в сочетании с той средой, в которой они действуют, позволяют сосредоточить усилия авиации в определенное время и в необходимом месте. Летательные аппараты и новые средства поражения обеспечивают военно-воздушным силам возможность нанесения сокрушительных ударов по намеченным объектам противника. Эта возможность позволяет сосредоточить максимальные усилия для выполнения поставленной задачи в любой точке земного шара. Ввиду той легкости, с которой возможно сосредоточение усилий авиации, необходимо избегать применения излишних сил, что явится бесцельной тратой ресурсов, а в некоторых случаях может привести к нежелательным результатам. И наоборот, иногда самый незначительный недостаток решительности в действиях может привести к излишним потерям в силах, средствах, времени и утрате благоприятных возможностей. Поэтому военно-воздушные силы необходимо использовать с учетом проведения непрерывных боевых действий до окончательного выполнения поставленной задачи.

6. Боевое обеспечение военно-воздушных сил должно быть непрерывным. Принятие мер боевого обеспечения военно-воздушных сил на случай любых возможных действий противника, направленных на снижение их боевых возможностей, должно носить непрерывный характер. В связи с этим необходимо регулярно проводить оценку обстановки, используя своевременные, достоверные и полные разведывательные сведения.

7. Действия военно-воздушных сил должны тщательно координироваться соответствующими органами управления. В широком смысле слова этот принцип означает взаимодействие не только между видами вооруженных сил, но также и между военными и гражданскими правительственными органами. Управление осуществляется соответствующим командованием путем постановки задач войскам и быстрого доведения этих задач до исполнителей. [14]

Использование военно-воздушных сил в мирное и военное время имеет огромное значение. Например, крупнейшие в мире военно-воздушные силы США применяются для завоевания и использования господствующего положения в воздухе, как в мирное, так и в военное время. Желаемым господствующим положением является стратегическое превосходство в воздухе. Стратегическое превосходство в воздухе считается завоеванным, если военно-воздушные силы, будь то в мирное или в военное время, способны в определенной степени оказывать воздействие на другие государства. Стратегическое превосходство в воздухе завоевывается и удерживается посредством правильного применения военно-воздушного потенциала государства. Оно может использоваться непрерывно путем оказания соответствующего влияния на деятельность или политику другого государства, как в мирное, так и в военное время. [15]

Иногда господствующее положение может быть достигнуто в результате простого наличия у государства мощных военно-воздушных сил или путем их пассивного использования. В других случаях для завоевания стратегического превосходства в воздухе потребуются активное применение военно-воздушных сил. В некоторых же случаях в целях наилучшего обеспечения государственных интересов возможно комбинированное

использование «активного» и «пассивного» методов. Пассивное использование военно-воздушных сил обычно обуславливается обстановкой, не вызывающей вооруженного конфликта. Нельзя недооценивать потенциальные возможности такого использования военно-воздушных сил, так как они позволяют оказывать сильное воздействие на союзные, враждебные и нейтральные государства. По своему характеру это воздействие может оказывать побудительное или сдерживающее влияние. Оно может проявляться в различных формах: политической, экономической, военной или психологической. Все эти формы воздействия имеют конкретное выражение и применение во всех конфликтах между государствами.

Состояние военно-воздушных сил может усилить или ослабить влияние государства в международных переговорах. Сегодня в условиях сложной военно-политической обстановки это положение особенно ярко проявляется в конфликте интересов России и объединенной Европы. Многочисленные переговоры по украинскому вопросу ведутся без прекращения боевых действий. При этом боевые успехи отечественных ВКС во время проведения СВО на Украине настолько эффективны, что позволяют российским дипломатам чувствовать себя вполне уверенно.

Библиографический список

1. Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн (в 4-х тт.). Книга 4 (1925-1997). СПб., М., «Полигон – АСТ», 1998. – С. 626-627.
2. Дэвидсон Ф. Война во Вьетнаме (1946-1975). – М.: Изографус, Эксмо, 2002. – С. 56.
3. Alberst D.A. Tactical Nuclear Battlefield / Military Review, v. 43:8 (1963). – P. 35-48.
4. Панин Л.К. Американская ядерная доктрина: ключевые этапы развития и принципы функционирования: рабочая тетрадь № 79 / 2023 / [Л.К. Панин; под ред. Е.О. Карпинской, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2023. – 40 с.
5. Ружерон К. Взлеты и падения тактической авиации / Военный Зарубежник, №6, декабрь 1956. – С. 19-23.
6. Tate James P. The Army and its Air Corps: Army Policy Toward Aviation 1919-1941. : Air University Press, 1998. – 225 p.
7. Дьяков А.С. Перспективы ограничения нестратегического ядерного оружия. Вестник РАН, 2022. Т. 92, № 3. – С. 246-255.
8. Тактическая авиация ВВС США и НАТО в локальных конфликтах: учебное пособие / Н.П. Тимофеев, Ю.Ф. Куприянов, Ю.П. Самохвалов, С.Г. Чурбанов. Науч. ред. Н.П. Тимофеев. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2015. – 176 с.
9. Масликов В.С. Небожители. Липецк: Веда социум, 2015. – С. 46-53.
10. Гагин В.В. Воздушная война во Вьетнаме. Воронеж: 1999. – С. 14-17, 42-43.
11. Центр разработки способов боевого использования тактической авиации ВВС США. Сообщения, события, факты / Военный Зарубежник №5, 1970. – С. 85-86.
12. Данные ВВС США о требованиях и видах подготовки «Баттл Контроллеров» (передовых авиационных наводчиков). [Электронный ресурс]: <https://www.airforce.com/careers/special-warfare-and-combat-support/special-warfare/combat-control>. (Дата обращения 21.12.2025).
13. Соколов А. Состояние и перспективы развития военно-воздушных сил США // Зарубежное военное обозрение. – 2015. – Май (т. 818, № 05). – С. 61-70.
14. Nauman Robert Allen. On the Wings of Modernism: The United States Air Force Academy. University of Illinois Press, 2004. – 208 с.
15. Подготовка кадров в академии ВВС США. Зарубежное военное обозрение, № 4, 1976. [Электронный ресурс]: <https://zvo.su/VVS/podgotovka-kadrov-v-akademii-vvs-ssha.html>. (Дата обращения 4.01.2026).

УДК 93/94

Воронежский государственный технический университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
А.А. Дорош
Россия, г. Воронеж
e-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

Voronezh State Technical University
PhD in history, Associate Professor of the
Department of Philosophy, Sociology and History,
A.A. Dorosh
Russia, Voronezh,
e-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

А.А. Дорош

К ВОПРОСУ О ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НОВЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИМЁН СОВЕТСКИМИ БЕЗБОЖНИКАМИ В СЕРЕДИНЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В данной статье автор рассматривает факты популяризации советскими безбожниками, в середине 20-х годов XX века, новых революционных, советских имён. Выделяются используемые методы популяризации новых революционных имён. В ходе проведения исследования автор приходит к выводу, о том, что данное направление деятельности советских безбожников осуществлялось в рамках Культурной революции, направленной на дехристианизацию, денационализацию и создание принципиально нового советского атеистического и интернационального социума.

Ключевые слова: атеизм, безбожие, антирелигиозная деятельность, антирелигиозная пропаганда, газета «Безбожник», денационализация, дехристианизация, культурная революция, новая советская обрядность, новые революционные имена, ОДГБ, «октябрины», советские безбожники, Союз воинствующих безбожников СССР, СВБ.

A.A. Dorosh

ON THE QUESTION OF THE POPULARIZATION OF NEW REVOLUTIONARY NAMES BY SOVIET GODALES IN THE MIDDLE OF THE 1920 YEARS XX CENTURIES

In this article, the author examines the popularization of new revolutionary, Soviet names by Soviet atheists in the mid-1920 years. The methods used to popularize these new revolutionary names are highlighted. The author concludes that this activity by Soviet atheists was carried out within the framework of the Cultural Revolution, aimed at de-Christianization, denationalization, and the creation of a fundamentally new Soviet atheistic and internationalist society.

Key words: atheism, atheism, anti-religious activity, anti-religious propaganda, newspaper "Bezbozhnik", denationalization, de-Christianization, cultural revolution, new Soviet rituals, new revolutionary names, ODGB, "Oktyabrins", Soviet atheists, Union of Militant Atheists of the USSR, SVB.

Советская власть, с момента своего установления в России, активно разрушала старую – «буржуазную» культурную традицию. Культурная революция являлась важнейшим условием, наравне с кардинальными изменениями социально-экономической модели общества, необходимыми для построения принципиально нового коммунистического социума.

Именно с этой целью, советскими безбожниками осуществлялась беспощадная борьба с религиозной формой общественного сознания. Отметим, что по задумке советских безбожников, искоренению подлежали не только религиозные обряды, традиции и обычаи – во многом отвечающие за формирование религиозных представлений, но и христианские имена, которые «борцы» за «светлое будущее человечества», стремились заменить именами новыми, революционными, ассоциирующимися не с личностями христианских святых, а с революционными деятелями или достижениями нового строя.

Весьма точно охарактеризовал цель, которую преследовали советские безбожники, И. Сухоплюев в своей книге «Октябрины», одной из целей издания которой являлась популяризация новых революционных имен: *«Октябрьская Революция распространяет своё влияние на быт, отмечает христианские имена, как языческие, нарекает нарождающемуся поколению революционные имена, постоянно напоминающие детям о тех великих задачах, которые стоят перед пролетариями всего мира»* [8, с. 29].

С целью внедрения принципиально новых имён и их популяризации в обществе, советскими безбожниками осуществлялась критика традиционных для русского народа имён.

Так, например, в № 6 (59) газеты «Безбожник» от 17 февраля 1924 года была помещена статья под названием «Поповские имена» [5], в которой утверждалось, что старые христианские имена в переводе с древних языков имеют нелицеприятное или контрреволюционное значение, о котором носящие их люди, зачастую, даже и не подозревают [5]. В частности, имя «Клавдия» в переводе означает: «хромоногая», а имя «Пётр» переводится как «камень» [8, с. 12].

Зачастую, с целью критики старых традиционных для русского народа имён, использовались и стихи, которые публиковались в антирелигиозных периодических изданиях. В качестве примера, можно привести стихи В.В. Князева, опубликованные в № 1 (54) газеты «Безбожник» за 6 января 1924 года:

*«Святцы старые сжигая,
Заполняй пробел, народ:
Жизнь чудесная, другая
Ребятишек наших ждет.
А живущих по-другому
Рабьи клички не к лицу, –
Вытесняй, ОКТЯБРЬ, Ерёму,
Стада Божьего овцу!
Угодники-святители, –
По шапке не хотите ли?
Быт минувших дней ломая,
Бей звончее, лом о лом!
МАРКС, КОММУНА, ПЕРВОМАЙ, –
К чёрту память о былом!
Дали кличку мне – «Василий»,
Что по-греческому – «царь».
Заплевали, не спросили, –
Вот что значит злая старь!
Угодники-святители, –
По шапке не хотите ли?
Выше, молот пролетарский,
Путь указан, даль ясна! ...
Баю-баю, ВОЛОДАРСКИЙ!
Баю-баюшки ВЕСНА!
Прочь из памяти, плеяда,
Черных кличек: в пропасть старь.
Как зовут вас? – БАРРИКАДА,
А братишку как? – БУНТАРЬ.
Угодники-святители, –
По шапке не хотите ли?
Ограничен выбор кличек?
Что ты, друг, – наоборот!
Разве мало вольных птичек,
И порхает, и поёт?
А цветы-то?.. Погляди-ка*

*На весенние ковры:
ЛАНДЫШ, ЛЮТИК, МАК,
ГВОЗДИКА.
«Светоч», – рви для детворы!
Угодники-святители, –
По шапке не хотите ли?» [3].*

Взамен предлагалось давать новорожденным новые, «благозвучные» имена, которые ассоциировались бы со значимыми для пролетария вещами, идеалами и героями, которым полагалось занять коммунистический пантеон, а не со всякими «угодниками» и «святителями».

Так, правлением петроградской фабрики «Светоч», с целью популяризации «октябрин» и новых коммунистических имен, был выпущен календарь с новыми революционными именами, которые были приурочены к определенным датам, т.е. получились некие «коммунистические святцы» по аналогии со святцами православными. Так, в данном календаре был отмечен день смерти «великого трибуна Жореса». Праздник 1 мая был связан с двумя женскими именами: «Труда» и «Мая» и одним мужским именем – «Труд». Ко дню рождения В.И. Ленина (Ульянова) было приурочено имя «Ленин». Редакция нового календаря просила присылать всех товарищей, у которых были идеи по поводу новых имен, свои предложения, в письменном виде, в редакцию [3].

Немалый интерес вызывают и сами новые имена, предлагаемые создателями новой антирелигиозной и наднациональной советской культуры: «*Александра Полякова-Колонтай*» (в честь А.М. Колонтай), «*Артем*» (в честь передового борца, шахтера Артема Сергеева), «*Владимир*» (в честь товарища В.И. Ленина), «*Гений*», «*Декабрин*» (в память 6-й годовщины РКСМ Урала), «*Декабрина*» (в память декабрьского восстания в Москве), «*Звездочка или Красная*» (предлагалась в качестве фамилии), «*Карл*», «*Ким*», «*Клара*», «*Лев*», «*Лена*», «*Май*», «*Майя*», «*Марксиана*», «*Марсельеза*», «*Нинелив*» (В. И. Ленин наоборот), «*Новомир*», «*Октябрин*», «*Октябрина*», «*Октябрь*», «*Роза*», «*Свобода*», «*Спартак*» [2], «*Вагранка*», «*Вилен*» [В.И. Ленин], «*Владелина*», «*Владилена*», «*Градация*», «*Идея*», «*Коммуна*», «*Ленинин*», «*Лю Омир*», «*Май Грядущий*», «*Нинель*», «*Октябрина*», «*Рабкорин*», «*Революция*», «*Рэм*» (революция, электрификация, мир), «*Роза*», «*Спартак*», «*Стяг пламенный*», «*Текстиль*», «*Февралина*» [4].

Вышеприведённые нами имена рекомендовались советским гражданам со страниц газеты «Безбожник», её активными читателями. В формировании данных «новых красных святцев» принимали участие безбожники со всех уголков СССР, таким образом мы имеем дело с коллективным творчеством, скорректированным редакцией газеты «Безбожник».

Аналогичные, по смыслу, ассоциативному значению и восприятию, имена предлагались советским читателям и пропагандистам в книге И. Сухоплюева «Октябрины» [8].

Так, автором книги новые советские имена дифференцировались в зависимости от значения.

Имена могли быть связаны с природой: «Ландыш», «Гелиотроп», «Гиацинт», «Заря», «Звезда», «Лес», «Лилия», «Луч», «Океан», «Роза», «Солнышко», «Фиалка», «Флора» и т.п. [8, с. 21]

В особенности рекомендовались имена, связанные с коммунистической идеологией, социалистическим строительством, трудом, революциями и революционными деятелями: «Авангард», «Атеист», «Баррикада», «Бастилия», «Бebelь», «Борьба», «Владлен», «Гудок», «Дантон», «Динамит», «Ильина» (от отчества В.И. Ленина: «Ильич»), «Кима» (Коммунистический интернационал молодежи), «Красарм», «Красноцвет», «Красный», «Коммунарка», «Коммунист», «Ленин», «Либкнехт», «Марат», «Маркс», «Марсельеза», «Милиция» (в напоминание о Рабоче-крестьянской милиции), «Молот», «Мятежник», «Народосын», «Незаможник», «Нинель» (фамилия «Ленин» в обратном порядке), «Ноябрина», «Октябрина», «Парижкома», «Перекоп», «Правда» (в честь газеты «Правда»),

«Пролетарь», «Пурпур», «Рева» (революция), «Робеспьер», «Роза» (в честь Розы Люксембург), «Свобода», «Серп», «Серприна», «Спартак», «Энгелина» (в честь Фридриха Энгельса), «Цеткина» (в честь Клары Цеткин) [8, с. 21-28] и т.п.

Следует отметить, что популяризация новых революционно-коммунистических имён, осуществлялась советскими безбожниками не только с помощью издания книг и брошюр, в которых напрямую и в нужном ключе, затрагивался данный вопрос, а также с помощью многочисленных статей в периодических атеистических изданиях, но и с помощью организации, проведения и последующего широкого освещения в подконтрольных газетах, так называемых «октябрин» - нового советского обряда, который должен был заменить традиционные православные крестины. Более того, совершенно не случайно в ряде источников изучаемого нами периода, «октябрины» официально именуются как «советские крестины» [7].

Как правило, на «октябринах» детям давались новые революционные имена. Например, в Остенской волости, Псковской губернии, беспартийный учитель Цветаев, «окрестив» своего ребенка по-революционному, без участия духовенства, назвал его в честь германских рабочих «Ротефаном» [1]. В ином случае, в ходе проведения советского обряда «октябрин», новорожденные девочки не только получили имена «Роза» и «Эра», но и фамилию «Ленинские» [6]. Аналогичных примеров можно привести огромное количество.

Таким образом, «октябрины», как новый советский обряд, способствовали популяризации новых советских имён.

На основании вышеизложенного следует сделать следующие выводы:

1. Популяризация новых советских имён в середине 20-х годов XX века, являлась одной из разновидностей деятельности советских безбожников, направленной на дехристианизацию советского социума и создание принципиально новой советской культуры и быта.

2. По задумке советских безбожников, новые советские имена должны были вытеснить традиционные православные имена, что само по себе, должно было привести к снижению религиозности советского социума и способствовать распространению коммунистической идеологии, т.е. идеологизации народа.

3. Популяризация советских имён должна была положительно сказаться на денационализации советских народов, и прежде всего русского народа, что являлось необходимым условием для построения коммунистического, интернационального социума.

4. Популяризация новых коммунистических имён, советскими безбожниками, осуществлялась как за счет пропаганды в антирелигиозных периодических изданиях и издании специализированной литературы, так и за счет проведения «октябрин».

5. С уверенностью можно констатировать, что популяризация новых советских имён в середине 20-х годов XX века, являлась одним из векторов Культурной революции, направленной на кардинальное изменение сознания и самосознание советских народов.

Библиографический список

1. Красные крестины в деревне // Безбожник. 1924. 17 февраля. № 6 (59). – С.4.
2. Новые красные «Святцы». Безбожник. 1924. 17 февраля. № 6 (59). – С.7.
3. Новые Святцы // Безбожник. 1924. 6 января. № 1 (54). – С. 2.
4. Новые Святцы // Безбожник. 1924. 2 марта. № 8 (61). – С.7.
5. Поповские имена // Безбожник. 1924. 17 февраля. № 6 (59). – С.7.
6. Роза Ленинская – смена имен // Безбожник. 1924. 6 января. № 1 (54). – С. 4.
7. Советские крестины // Безбожник. 1924. 11 мая. № 16 (69). – С. 12.
8. Сухоплюев, И. Октябрины / И. Сухоплиев. – Харьков: Государственное издательство Украины 1925. – 49 с.

УДК 93/99

*ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е.Жуковского и Ю. А. Гагарина»
кандидат философских наук, доцент, научный
сотрудник
В. И. Дегтярев
Россия, г. Воронеж,
e-mail: v_degtyaryov@mail.ru*

*Air Force Education and Research Center
«The Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy»
PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor,
researcher
V.I. Degtyarev
Russia, Voronezh,
e-mail: v_degtyaryov@mail.ru*

В.И. Дегтярев

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИТАЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА "МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА" (1930-е гг.)

В статье проводится обзор-анализ содержания материалов, опубликованных в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» в 1930-е гг. по представленной теме с актуализацией таких вопросов национально-освободительного движения в Китае как его задачи, основные силы, роль советов и коммунистов, формирование единого национального антияпонского фронта борьбы, двоякая роль США и Англии в отношении японской агрессии в Китае, предательская тактика поведения гоминдановцев в начале японского наступления.

Ключевые слова: национально-освободительное движение, советы и коммунисты, гоминдановцы, наступление, Манчжурия, единый национальный фронт борьбы.

V.I. Degtyarev

THE NATIONAL-LIBERATION MOVEMENT IN CHINA ON THE PAGES OF THE MAGAZINE "WORLD ECONOMY AND WORLD POLITICS" (1930s)

The article provides an overview and analysis of the content of materials published in the journal "World Economy and World Politics" in the 1930s on the presented topic with the actualization of such issues of the national liberation movement in China as its tasks, main forces, the role of the Soviets and communists, the formation of a unified national anti-Japanese struggle front, the dual role of The United States and Britain in relation to the Japanese aggression in China, the treacherous tactics of the Kuomintang at the beginning of the Japanese offensive.

Key words: national liberation movement, Soviets and Communists, Kuomintang, offensive, Manchuria, united national front of struggle.

Победа в России Великой Октябрьской социалистической революции ознаменовала новый этап в развитии марксистско-ленинской теории. Большой вклад в этом сыграл, издаваемый с 1926 года при институте Мировое хозяйство и мировая политика, журнал с аналогичным названием. Его руководителем являлся видный ученый и революционер-интернационалист, академик Варга Евгений Самуилович. В журнале освещались важнейшие события в мировой политике и экономике, в том числе рост национально-освободительных движений (НОД) в разных странах мира [1]. Такой страной был Китай. Первый (начальный) период НОД китайского народа против японских колонизаторов можно отнести к 1920-1929 годам. который, в целом, характеризовался, как буржуазно-национальный. Руководящей силой в борьбе с иностранным насилием выступала национальная буржуазия. В этой борьбе она опиралась на широкие народные массы. Пик этого движения пришелся на революцию 1927 года, которая потерпела поражение [2].

Второй период активизации НОД в Китае охватывает 30-ые годы и связан с новым этапом японской агрессии против Китая.

Наступление Японии в 1931 г. в Манчжурии и; нависшая угроза нападения Японии на СССР нашли свое подробное отражение на страницах журнала, посвятившего специальные статьи характеристике японской экспансии, а также анализу внутреннего экономического и политического положения Китая, характеристике тех сил, которые оказывали сопротивление японскому империализму, которые боролись и умирали за свободное будущее Китая. Рассмотрим эти статьи, связанные с событиями первой половины 30-ых годов. Например, в статье "Захват Маньчжурии и политика империалистов" автор Г. Войтинский раскрыл условия Захвата Маньчжурии японскими милитаристами. Данный захват произошел, в условиях дальнейшего развертывания мирового экономического кризиса, обострением классовой борьбы в Англии, Германии, Соединенных штатах, Японии и других странах. Между этими ведущими империалистическими державами, особенно Японией и Америкой, обострилась борьба за господство на Дальнем Востоке, дележа Китая, как дешевого источника сырья и прибыльного рынка сбыта товаров. За оккупацией Манчжурии он видел также пролог будущего нападения Японии на Советский Союз. По мнению автора маньчжурские события являлись новым выражением наступления империалистов на китайскую революцию, попыткой путем интервенция найти выход из все углубляющегося кризиса мирового империализма [3, с. 37]. Автор показал клубок интересов и противоречий в Китае между Японией и Францией, с одной стороны, и Соединенными Штатами, с другой; и осторожную позицию Англии в этой ситуации. Эти империалистические силы использовали внутривнутриполитический развал в Китае, борьбу разных военно-политических группировок в достижении своих интересов. Именно контрреволюционные силы внутри Китая в лице сторонников нанкинского правительства и гоминдановцев целиком несли ответственность за развал всего хозяйства страны, обнищание и голод народных масс. Они в силу своей деградации не могли возглавить народное сопротивление японской агрессии. В то же время они опасались революционных красных сил, которые вместе с борьбой против японских оккупантов могли возглавить народное движение и против них, как представителей интересов внутреннего господствующего класса. Именно этот клубок противоречий, который сложился вокруг и внутри Китая, использовали японцы, начав новый этап наступления против него в Маньчжурии [3 с. 38]. На основе анализа данных противоречий Войтинский определил тенденции дальнейшего развития событий в этом регионе. "Это обострение противоречий между империалистами Соединенных Штатов, Японией, Францией и Англией по поводу дележа богатств Китая, с одной стороны, а с другой, общее стремление империалистов, подавить китайскую революцию, создать стену между СССР и революционным Китаем, сдерживает эти тенденции к новой империалистической войне и толкает империалистов к подготовке интервенции против СССР" [3, с.49].

Данная тема нашла отражение и в статье Е. Иолк "Захват Маньчжурии и революционный подъем в Китае". В ней он дал глубокую характеристику революционному движению в Китае в связи с новой интервенцией со стороны японского империализма. Это выступление империализма в известном смысле подвело итоги четырехлетнему господству гоминдановской контрреволюции, обнажив до конца гнилость китайских господствующих классов и их связи с международным империализмом. Политический кризис в стране, вызванный вооруженной интервенцией японского империализма, раскрыл перед широкими массами трудящихся все тайны колониального режима эксплуатации [4, с.3]. При этом японский империализм действовал в союзе с международным империализмом. Он отмечал, что грабительский захват Манчжурии и начало раздела Китая произошли в условиях нарастания революционного кризиса в стране. Расширение и углубление революционного кризиса были одними из важнейших факторов, обусловивших вооруженную интервенцию империализма, который был напуган распространением волны советского движения в Китае. Настоящая интервенция империализма вскрыла прежде всего тот факт, что буржуазно-помещичий гоминьдан систематически, в течение всех четырех лет своего господства, предавал интересы народа империализму и что вся шумиха нанкинского правительства

вокруг заключенных договоров о возвращении бельгийской концессий в Тяньцзине, о возвращении Вэйхайвэя, о тарифной автономии была только средством обмана масс. На деле китайский буржуазно-помещичий блок своей совместной с империализмом борьбой против китайской революции, против советского движения в Китае, против СССР (вспомним хотя бы провокацию на КВЖД в 1929 г.) сам подготовил почву для интервенции империализма. Интервенция показала несостоятельность гоминдановской власти покончить с раздробленностью страны, расщепленной на поместья отдельных милитаристических групп. [4, с. 4]. Е. Иолк на убедительных примерах показал глубину обострившихся нужд и бедствия угнетенных классов. С помощью гоминдановского государственного аппарата империализм и туземные господствующие классы выколачивали из крестьян повышенную арендную плату, повышенные дополнительные налоги, повышенный ростовщический процент. В деревнях и городах росла безработица. Происходило массовое бегство крестьян-арендаторов и распродажа крестьянских хозяйств. На народном горе жирели ростовщики, кулаки, земельные спекулянты и милитаристы. Сведения из различных областей Китая свидетельствовали, что крестьяне в значительно большей мере, чем раньше, вынуждены были обращаться к помещикам за ссудой, хлебом и семенами. На почве голода и разорения, вызванного наводнением, в ряде северных провинций вспыхнули эпидемии. В уезде Синьянь в провинции Шаньси в сентябре е 1931года было зарегистрировано 2 тыс. смертных случаев от бубонной чумы [4, с. 5-6].

Ухудшилось и положение китайского рабочего класса. В условиях мирового экономического кризиса увеличилась безработица среди квалифицированных рабочих. Автор статьи привел ряд фактов ужесточения эксплуатации китайских рабочих. На шелковой фабрике «Чжэнтай» рабочее время за лето 1931 г. увеличилось на 2,5 часа, на фабрике «Таньчая» — на 1,5 часа. Зарплата рабочих фабрики «Фудань» снижена на 3%. На Фушуньских копиях рабочий день продлен до 14 и более часов, при этом зарплата за последнее время стала выдаваться не деньгами, а обеденными талонами. На предприятиях чрезвычайно возрос процент женского и детского труда. Так анализ количества рабочих на 5 крупнейших хлопчатобумажных фабриках в Уси показывал, что женщины и дети составляли 85% общего количества рабочих. Одновременно чрезвычайно обострилась нужда нижних слоев городской мелкой буржуазии — мелких ремесленников, торговцев. Эта довольно значительная социальная прослойка китайских городов жестоко пострадала в результате кризиса, принесшего полное разорение сотням тысяч мелких самостоятельных производителей в городах [4, с.7].

На насилие со стороны местного и иностранного капитала народ Китая ответил новым подъемом революционной борьбы, добившись определенных успехов против наступления нанкинской контрреволюции. В результате этих побед укрепилась советская власть в ряде новых районов центральной и северной части Китая. При этом автор отметил, что не только расширение существующих советских районов и образование новых имели место за последнее время. Во всех этих районах произошло значительное укрепление советской власти на базе четкого проведения в жизнь аграрной политики Коммунистической партии Китая, на базе более полного вовлечения и охвата бедняцко-средняцких масс крестьянства и большего укрепления пролетарского руководства советами и Красной армией. Советская власть укрепилась в результате систематического очищения советских органов от примазавшихся кулацких элементов и ликвидации отдельных контрреволюционных кулацких восстаний в тылу советских районов. Состоявшийся в ноябре I Всекитайский съезд советов с участием свыше 600 делегатов от всех советских районов Китая представителей красноармейских частей и рабочих организаций внушительно свидетельствовал о возросшей силе советского движения [4, с.9]. Автор также отмечал, что с успехами советского движения важнейший момент углубляющегося революционного кризиса составляло нарастание рабочей борьбы в крупных промышленных центрах страны. Участились политические стачки и выступления, которые стали более наступательными. К примеру 20 декабря 1931 г. вспыхнула забастовка 5 тыс. рабочих-текстильщиков на фабрике Юнань.

Толпа захватила фабрику и стала громить оборудование. Полиция открыла огонь. Много было раненых и несколько убитых. Это—только один из целого ряда инцидентов, имевших место на фабрике Юнань в 1931 году.

Народные протесты и волнения охватили и гоминдановскую армию. Ее ряды стали покидать многие солдаты. При первом столкновении частей гоминдановской армии с Красной участились случаи их перехода на сторону трудового народа [4, с. 11]. В заключении статьи Е. Иолк показал лицемерную политику гоминьдана, который прикрываясь лозунгами защиты национальных интересов, на деле отстаивал господство буржуазно-помещичьих слоев в Китае и в союзе с международным империализмом стремился задушить революционное движение трудящихся. Он призывал разоблачать двойственную позицию гоминьдана в создании антиимпериалистического фронта борьбы, в первую очередь, с Японией. Отмечал возросшую роль в антиимпериалистической борьбе китайских студентов и мелкой буржуазии во главе с коммунистами-пролетариями. На новое наступление и захват японскими войсками северо-восточных провинций Китая, рабочий класс ответил широким антиимпериалистическим движением. Он призвал китайских коммунистов, советы объединиться и возглавить борьбу всех слоев трудящихся Китая против японских захватчиков [4, с.23].

Анализу состояния экономики Маньчжурии после захвата Японией посвящена статья В. Аварина "Экономическое положение Маньчжурии после оккупации". В ней он указывал, что мировой экономический кризис империализма ускорил начало захвата Японией Северо-Востока Китая, которая посредством войны пыталась найти выход из него. Целями этого захвата являлись превращения этой страны в монопольную японскую колонию, а также с создания в ней плацдарма для дальнейшей ускоренной военной агрессии на материке Восточной Азии, направленной как против Советского союза, так и Собственно Китая. Создание в Маньчжурии базы для будущей войны со смертельным империалистическим противником — Североамериканскими соединенными штатами [5, с.51]. Автор отмечал, что и до нынешней полной аннексии Маньчжурии японский капитализм вместе с местными феодалами и милитаристами беспощадно эксплуатировал население. Захватив Манчжурию, японские империалисты прежде всего ликвидировали политическое влияние и экономическое значение туземной господствующей верхушки. А после полного вооруженного захвата этой территории силой установил политическое и хозяйственное господство в правящем аппарате страны. Все органы власти были заменены на покорные японским воинским штабам. 18 февраля 1932 года была декларирована независимость Маньчжурии и образовано новое правительство во главе с ПУ И. Как в этом центральном правительстве, так и во всех уездных административных органах фактическими хозяевами являлись японские чиновники. Действуя вооруженной силой японцы также захватили все более значимые предприятия и банки туземного (местного) капитала. А. Аварин подчеркивал, что деятельность японских милитаристов по захвату земель не менее грабительская, чем их деятельность по захвату железных дорог и промышленных предприятий. Большую активность развили японские милитаристы по оборудованию воздушных, железнодорожных, автомобильных сообщений, созданию военной инфраструктуры на оккупированной территории. [5, с.53-58]. На этих примерах мы видим, по сути, полную аннексию Маньчжурии, уничтожение здесь местного капитал; органов власти, культуры, то есть результат колонизаторской политики милитаристской Японии. Автор констатировал невиданный экономический упадок, полную разруху, гибель сотни тысяч людей и огромных материальных ценностей в Маньчжурии. Сами японские империалисты от очередной военной авантюры не только не получили выгод, но и усугубили свое экономическое положение, обострили классовые антагонизмы. Огромную роль в этом сыграло и мощно развернувшееся в Маньчжурии национально-освободительное движение, антияпонская война на всей территории страны [5, с.80].

Национально-освободительной борьбе китайского народа против международного империализма, в первую очередь, японских колонизаторов, мешали внутренние враги в лице буржуазии и помещиков, у которых классовые экономические интересы часто смыкались с интервентами. Об этом писал П. Гриневец в статье "В лагере китайской реакции". Он отмечал, что гоминдан капитулировал перед империалистами в Шанхае. Но условия капитуляции были продиктованы не Японией, а международным империализмом. Это дало гоминдану возможность попытаться замаскировать свое предательство фразами о длительном сопротивлении. Он сосредоточил огромные военные силы для пятого похода против советского Китая, используя широкую помощь, предоставленную державами в виде оружия и военных специалистов. Усилил террор против коммунистов. Развернул кампанию демагогии и лжи, чтобы обвинить китайские советы и Красную армию помехой в борьбе, которую якобы гоминдан вел против Японии [6, С. 20]. Он раскрыл участие западного империализма в разделе Китая. С весны 1933 г. борьба держав за раздел Китая приняла более глубокий и острый характер, чем весной 1932 г. Отличие их состояло только в том, что военные действия держав не захватывали Центрального Китая. Ведущую роль в наступлении империализма по прежнему играл японский милитаризм. Однако новый этап углубленной борьбы за Китай подготовлен не одной Японией, а усилиями всех держав. Создание Лигой наций «комитета технической помощи Китаю» с его проектом «реорганизации» страны явилось важным этапом в том процессе все большего подчинения нанкинского китайского правительства США и Англии. Этот процесс состоял в захвате державами новых важных позиций в экономике страны. Наиболее, значительными фактами в этой области являются фактическое господство США в военной и гражданской авиации Китая, в области дорожного строительства и радио. Англия финансировала железнодорожное строительство и судоходство. Эти державы предоставили новые займы Китаю. Выросло непосредственное участие держав в государственном аппарате нанкинского правительства и других областных клик. Это касается прежде всего армии и воздушного флота, где руководили их инструкторы и советники. Достаточно указать на их роль в организации шестого похода против советского Китая. Иностранцы советники в значительной степени направляли и политику гоминдана в деревне, и в школьном деле, и во внешней политике [6, с.21].

Автор статьи отметил и другую отличительную черту империалистического наступления на Китай в 1933 г. — огромные масштабы империалистической агрессии на окраинах Китая под флагом создания национальных государств. Половина всей Внутренней Монголии уже находится в руках японцев. Усилилось движение «за независимость» во Внутренней Монголии, организуемое японцами при помощи феодальной верхушки монголов. Оно сопровождалось новым выступлением японских частей в глубь Внутренней Монголии. Инициаторы движения не скрывали антисоветского острия этой авантюры и предусматривали включение в Маньчжуро-монгольское государство территории Монгольской народной республики. В Синьцзяне англичане использовали национальные восстания для реализации своего плана создания магометанского Манчжоу-го, предназначенного служить форпостом Англии против СССР. Франция использовала укрепление своего господства посредством национальной розни в Юньнани и смежных провинциях. Как видим из этих примеров, в 30-ые гг. прошлого столетия Китай был одним из основных объектов колонизаторской политики и практики международного империализма. П. Гриневец подчеркивал, что следствием этой грабительской политики стало ухудшение экономического положения Китая, зависимость его экономики от империализма. Так 1932 г. принес рекордный пассивный баланс в 550 млн. китайских долларов. Потеря Манчжурии, война в Северном Китае, а затем японский демпинг ударили в разных частях страны по крестьянскому домашнему промыслу ремеслу и мелкой мануфактуре, на которых были заняты миллионы населения и которые удовлетворяли потребности внутреннего рынка [6, с. 25]. Автор констатировал, что ход экономического кризиса, осложненного военным наступлением империализма и войной против китайских советов, настолько усугубил характер общественных отношений в Китае, что широкая масса населения все активнее

вступала в ряды национально-освободительной борьбы под руководством коммунистов и созданных ими советов. Советы в Китае становились заметной руководящей силой в национально-освободительном движении. Например, Чан Кайши, напуганный успехами Красной армии, обратился с просьбой главкому Чжу Дэ и к главе советского правительства Мао Цзэ-дуну о переходе их на почетных условиях на службу к нанкенскому правительству. В результате разгрома пятого похода Чан Кайши советское движение получило сильную базу в Сычуане. Влияние советов распространилось на Шаньси и Ганьсу. Победы советов совпали с началом нового подъема рабочего движения и революционного движения в целом.

О роли советов и руководимой ими Красной армии в борьбе китайского народа против местных врагов и интервентов шла речь и в рецензии С. Данилина на сборник материалов китайских коммунистов о советском движении в стране "Советы в Китае". В этом сборнике автор отмечал дав главных раскрытых вопроса—вооруженная борьба китайских масс и Красной армии с буржуазно-помещичьей и гоминдановской реакцией и аграрная революции в советских районах. Первый раздел сборника посвящен началу китайской революции и ее поражению (1925-1927гг.). Второй раздел отобразил новый этап, приведшей к разгрому китайской Красной армией нескольких походов Чан Кайши и образованию нескольких стабильных советских районов. С. Далин констатировал, что советы не свалились с неба, они являлись результатом огромной политической школы, которую прошли китайские массы за последние десять лет борьбы, а также влиянием ленинского учения о революции. Он показал классовую расстановку сил и интересы на этих этапах НОД [7, с. 96]. На первом этапе революция в Китае выступила как революция общенационального объединенного фронта. Главный удар был направлен против иностранного империализма, именно поэтому национальная буржуазия поддерживала революционное движение. Этот этап революций, продолжался до апреля 1927 г В условиях этого этапа был возможен блок нескольких классов. Отсюда—участие в этом блоке китайской компартии, которая впервые получила возможность легального существования и агитации среди рабочих и крестьян. На основе поднявшегося массового рабочего и крестьянского движения, возглавляемого компартией, происходил северный поход. Вместе с расширением революции происходило углубление классовых противоречий внутри национального фронта. Под напором развернувшегося рабочего и крестьянского движения крупная буржуазия переходила в лагерь контрреволюции. Наступил второй этап китайской революции. Это так называемый уханский период китайской революции. Главный удар был направлен против феодалов, против помещичьего землевладения. Начиналась аграрная революция. Уханский гоминьдан поддерживал союз с коммунистами, которые в свою очередь толкали уханских гоминдановцев в сторону аграрной революции. Обострение классовых противоречий в городе и деревне, захваты власти крестьянами в деревне, рост стачечного движения в городах отбрасывали мелкую буржуазию, на которую опирался левый гоминьдан в лагерь контрреволюции. Феодално-помещичья контрреволюция объединилась в блоке с иностранным империализмом и перешла в наступление на пролетариат и крестьянство. Контрреволюция стремилась в крови потопить рабочий класс в городах и начавшуюся аграрную революцию в деревне. Пролетариат оказывал сопротивление и отвечал на наступление контрреволюции рядом восстаний» «Последним мощным натиском этой революционной волны было восстание героического кантонского пролетариата, который под лозунгом советов пытался увязать аграрную революцию со свержением гоминдана и установлением диктатуры пролетариата и крестьянства. Автор констатировал суть нового этапа революции в его развитии под лозунгами советов. Таким образом каждый этап китайской революции знаменовал собой определенное сочетание классовых сил в этой революции и перегруппировку этих сил на новых этапах, отображавшую углубление революции. Советы могли стать знаменем китайской революции только после того, как была исчерпана роль китайской буржуазии и «левого» гоминдана в

революции. Этот ход событий соответствовал ленинскому учению о колониальной революции и тактическим принципам ленинизма [7, с. 98-99].

С. Далин отметил, что ценность книги «Советы в Китае» заключалась также и в том, что в ней собран огромный материал об аграрных отношениях в китайской деревне, о плебейской расправе миллионов китайского крестьянства с китайскими помещиками, державшими в своих руках почти всю землю. Документы, опубликованные в этой книге, особенно наглядно демонстрировали тот факт, что наиболее прочное положение советской власти было в тех районах, где помещичье землевладение полностью ликвидировано и произведен уравнительный передел земли [7, с. 101]. Важность материалов книги также состояла в показе истории создания Красной армии, росте ее мощи в ходе НОД. Несмотря на военное превосходство противника она одерживала над ним одну победу за другой. Осенью 1932 г. начался пятый поход Чан Кайши против Китайской советской республики, этот поход закончился весной 1933 г. разгромом контрреволюционной армии. Китайская Красная армия разбила 40 гоминдановских дивизий, захватила у противника 140 тыс. винтовок, около 1400 пулеметов, сотни орудий, 6 аэропланов и т. д. В результате этой победы расширилась советская территория. 40 новых уездов вошли в территорию советского Китая, который в настоящее время по размерам своей территории значительно больше таких стран, как Германия, Франция, Япония. Один только Центральный советский район по своим размерам больше Голландии и Бельгии, вместе взятых [7, с. 106]. На основе анализа материалов сборника автор заключил, что события в Китае целиком подтвердили характеристику мирового положения, данную XII пленумом Исполкома Коминтерна, как перехода к новому туру революций и войн. Именно в Китае мы имеем и революцию, и империалистическую войну, и империалистическую интервенцию [7, с. 107].

Милитаристская Япония не остановилась в начале 30-ых гг. на захвате Маньчжурии и др. территорий Китая. В 1933 г. она начала наступление и на Северный Китай. Анализу этих событий посвящены две статьи А. Канторович "Новый этап японского наступления на Северный Китай" и "Борьба за северный Китай". Автор на основе анализа событий оккупации японской военной территорией Северного Китая, определил ее цели и суть. Он отмечал, что события в Северном Китае вновь с исключительной наглядностью обнажили как цели, так и методы захватнической политики японского империализма в отношении всего Китая. Они должны быть поставлены в связь с развитием финансового кризиса в Японии и с стремлением японского империализма добиваться не только политического господства над Северным Китаем, но и экономического завоевания новой колонии вне экономическими средствами. С другой стороны, эти события тесно связаны с заметным обострением всей международной обстановки на Дальнем Востоке — следствием активизации британской дальневосточной политики и обнажения англо-японского конфликта. Они в свою очередь становились важным фактором дальнейшего обострения этих межимпериалистических противоречий и переживаемого Китаем национального кризиса [8, с. 84]. Автор на примере соглашения в Тангу от 31 мая 1933 г, которое заложило фундамент японского господства в Северном Китае, разоблачил предательскую политику китайских феодалов-генералов на местах, показал, как японские милитаристы аннексируют территорию страны. Захват Северного Китая, как и других районов Китая японскими милитаристами осуществлялся под антикоммунистическими лозунгами советской угрозы. Борьба с коммунизмом являлась официальным японским предлогом для провозглашения «автономии» Северного Китая. Движение за автономию и коммунистическая угроза друг с другом неразрывно были связаны и поддерживали «доктрину» японской военной угрозы о коммунистической опасности. Иногда под этой «опасностью» подразумевали красные армии Китая, в других случаях японская пропаганда прямо говорила о «советском влиянии», проникающем через Внешнюю Монголию [8, с. 91].

Автор статьи отмечал, что следствием захвата японцами Северного Китая явился небывалый национальный кризис. Его основными причинами были развитие японской агрессии и предательство национальных интересов гоминданом. Важным фактором также

стало осознание широкими народными массами этого кризиса и угрозы существованию самого Китая в результате беспрепятственного наступления японского империализма и предательства нанкинского правительства. Резкий подъем НОД в массах даже охватил низовые организации гоминдановцев. В заключении статьи автор сделал выводы из событий наступления японских захватчиков в Северном Китае. Во-первых, японское продвижение на юг буде продолжаться несмотря на оккупацию Севера Китая и Маньчжурии. Во-вторых, компромисс в Северном Китае не ослабит англо-японские противоречия и борьбу. В третьих, стремление японцев добиться больше уступок от нанкинского (гоминдановского) правительства вызывает лишь рост революционных настроений народных масс. В-четвертых, союз японцев в Северном Китае против коммунистов и военные операции против Красной армии, означали усиление террора в северных провинциях против китайских деятелей и организаций. Это ускорило революционный процесс и развертывание единого национального фронта борьбы против японских империалистов [8, с. 106-107].

О политике континентального захвата Китая японскими интервентами, соглашательской политике местной буржуазии с ними, политике двойных стандартов США в Китае написано в статье П. Гриневич "В гоминдановском Китае". Все эти обстоятельства, как указывал автор, создали условия для ускорения темпов осуществления японской программы в Китае. [9, с.62-63.]. По своей сути это программа была экономическим, политическим, культурно-идеологическим закабалением китайского населения на оккупированной японской военщиной их родной земли. Японские империалисты при минимальных финансовых и материальных вложений-затрат в китайскую экономику, стремились получить сверх прибыли, укрепить свою экономику. Их интересы здесь сталкивались с интересами США и Англии. Автор отмечал кризисное состояние китайской экономики, стремление Англии через денежную реформу усилить свое присутствие в ней, участвовать в строительстве железных дорог, расширить торговлю, потеснив на рынке конкурентов из США и Японии. Японская дипломатия и военщина в результате уступок ей со стороны гоминдановского правительства усилили свои связи на юго-западе Китая, справились с антияпонским бойкотом, приобрели известное влияние в кругах китайских банков. Они имели перед собой огромную программу экономического освоения северных областей Китая, превращения их в плацдарм войны против СССР [9, с. 69-70].

Анализируя политические силы гоминдана, П. Гриневич выделил среди них организации фашистского толка, отметив их китайскую специфику (китайский фашизм), свои своеобразные черты. Они состояли в основном из офицерства, бюрократии, части интеллигенции. Своей задачей считали закрепить за собой решающие позиции в военном и административном аппарате, в партийной организации гоминдана, в учебных заведениях и общественных организациях. С помощью этих организаций Чан Кайши смог охватить страну широко разветвленной организацией террора, сыска и провокации. Эти организации до известной степени укрепили расшатанную организацию гоминдана и сыграли немаловажную роль на последнем этапе борьбы Чан Кайши с китайской Красной армией и революционным движением. Автор отметил, что гоминдану удалось с помощью этих организаций и в армии, и в рядах студенчества и интеллигенции сколотить группы сторонников, видящих в диктатуре Чан Кайши путь борьбы за национальные интересы страны. В политике по отношению к Японии китайские фашисты предлагали путем уступок ей дотянуть до неизбежной войны между Японией и СССР, или между Японией и США, или между Японией и Англией и подготовиться к этому времени, расправившись с коммунистами, укрепив диктатуру Чан Кайши, и усилившись в военном и экономическом отношении [9, с. 76-78].

П. Гриневич констатировал, что последний этап японской агрессии на Севере Китая вызвал глубокие сдвиги в политической обстановке в стране, в основе которых лежит подъем НОД по всей стране. Возникла новая политическая сила, ядро которой составили деятели 19-й армии. Новая партия называлась национально-революционной лигой. В проекте

ее программы провозглашалось, что основным смыслом существования партии является борьба за национальную независимость Китая, создание демократического правительства. Партия будет бороться за свержение нанкинского правительств, за концентрацию всех национальных сил для завершения национальной революции, за организацию борьбы против японского империализма и возвращения захваченных территорий, за вооружение масс и др. [9, с. 80]. В заключении статьи автор концентрирует внимание на главном вопросе политической борьбы в Китае—вопросе о борьбе за национальную независимость и едином антияпонском фронте борьбы. Решению этого вопроса мешают противоречия, исходящие от господства империализма и гоминдана в Китае. Необходимо слияние всех социальных движений (крестьянского, рабочего, мелкобуржуазного, интеллигенции) широких народных масс против этого господства в единый национальный фронт борьбы [9, с. 83].

Тема организации единого антияпонского фронта нашла отражение и в статье В Масленникова "Единый антияпонский национальный фронт в Китае". В ней он отмечал, что история последних лет Китая показывает необходимость создания единого национального фронта борьбы для спасения китайского народа от внешней агрессии и возвращения захваченных японскими милитаристами территорий. 23 сентября 1937 г. между компартией и гоминданом было подписано соглашение об образовании в Китае единого антияпонского фронта. Основной целью этого соглашения было организация всенародной борьбы с японским агрессором за национальную независимость и государственную целостность Китая. Это означало новый период в НОД китайского народа, прекращение гражданской войны, и встретило широкую поддержку среди народа. Противниками его создания являлись не значительные слои компрадорской буржуазии и агенты японского империализма. Большая часть национальной буржуазии поддерживала народ в борьбе против японской агрессии [10, с. 61-62]. Автор подчеркивал огромную силу единого фронта в мобилизации экономики, народных масс, вооруженных сил в борьбе с агрессором. Отмечал успехи китайских войск в отражении наступления японских войск на Шанхай. После заключения соглашения об едином фронте было проведено совещание по вопросам национальной обороны, разделены военные зоны, проведена мобилизация резерва и отправки на фронт значительных воинских частей. Несмотря на принятые меры в сентябре-октябре 1937 г. японцы захватили Шанхай и столицу Нанкин. Одной из главных причин поражения китайских войск являлось отсутствие единого командования ими. После оставления Нанкина китайское правительство приняло постановление об осуществлении тактики организованной партизанской войны как необходимой в вооруженной борьбе против японской агрессии. Рекомендовалось за ее образец брать партизанскую войну, проводимую 8-й армией и другими войсками, руководимыми компартией: организовать военную промышленность и осуществить всеобщее военное обучение, конфисковать собственность и имущество японских империалистов и японской агентуры в лице предателей китайского народа. Главнокомандующий китайской национальной армии Чан Кайши в своем обращении к народу и армии от 17 декабря 1937 г. призывал народ быть готовым продолжать упорное сопротивление японскому агрессору. Он подчеркивал, что основа будущих успехов Китая лежит в продолжении сопротивления. Сила этого сопротивления не в Нанкине и не в других больших городах, а в деревнях всего Китая и в решимости всего на рода [10, с.66]. Вторая сессия Национально-политического совета, закончившаяся в ноябре 1938 г., полностью и единодушно поддержала Чан Кайши и приняла конкретные решения об осуществлении сотрудничества всех партий и организаций в деле мобилизации широких народных масс на борьбу с японскими захватчиками, в деле превращения антияпонской войны в подлинно всенародную освободительную войну. Пленум ЦК китайской компартии принял важные решения о дальнейшем укреплении теснейшего единства действий компартии и гоминдана со всеми прогрессивными антияпонскими силами страны во имя священной освободительной войны до полной победы над японскими захватчиками [10, с.70]

Первые итоги этой войны были подведены в ряде публикаций журнала. Среди них "К итогам первого года войны китайского народа" (К.Перов). "Японская агрессия в Китае.

Обзор." (С.Вишневу). " Два года отечественной войны китайского народа" (А.Бедеров). Рассмотрим общие итоги, изложенные в последней статье этого периода А. Бедерова. Он отмечал, что японская военщина, начиная новую агрессию против Китая в 1937 г., рассчитывала достичь ее цели прежними методами и силами, в короткий срок. Но уже очень скоро обнаружился грубейший просчет японских стратегов. По мере развертывания японского наступления правительство и высшее командование Китая осознали, что войну против превосходящего, но экономически зависимого от внешнего мира и вследствие этого слабого врага, можно выиграть только при том условии, если эта война станет затяжной [11, с. 43]. Громадный подъем национально-освободительного движения, охватившего все классы и слои настойчиво требовал от правительства организации широкой и всесторонней обороны, борьбы до полного изгнания захватчиков с Китайской земли. В процессе войны китайское правительство становится национальным правительством обороны и спасения государства. К сентябрю 1937 г. оформился единый национальный антияпонский фронт, основой которого является сотрудничество правящей партии гоминдана и коммунистической партии Китая. С этого времени война Китая против захватчиков все больше приобрела характер народной, отечественной войны [11, с.47-48]. Великий народ, объединился священной ненавистью к захватчикам. Его двухмиллионная армия, миллионная армия партизан, действующая в тылу противника, демократическая политика — это реальная сила, обеспечивающая ему победу над агрессором. Гоминдан на своем последнем конгрессе (апрель 1938 г.) выдвинул грамму вооруженной борьбы за независимость, реконструкцию страны на основе Трех народных принципов Сун Ятсена. Это не противоречит взглядам коммунистической партии Китайской республики. Но в конкретной исторической обстановке коммунисты учитывают необходимость развития Китая, как единой, независимой демократической республики, государства, использующего свои гигантские богатства в интересах народа. При этом они не имели в виду немедленной отмены частной собственности. Они считали, что в Китае установится буржуазно-демократическая республика, исходя из специфических условий и национально-освободительной борьбы [11, с.60].

Рассматривая японскую агрессию в Китае и в связи с ней подъем национально-освободительного движения китайского народа в 30-ые гг. прошлого столетия, напрашивается вывод о том, что империалисты, стремящиеся удовлетворить свои захватнические аппетиты, в первую очередь за счет слабых, экономически отсталых стран, встречают все более упорное сопротивление со стороны объекта агрессии. Эта тенденция отчетливо отражена в публикациях журнала "Мировое хозяйство и мировая политика". Мы видим, как в 1930-1939 гг. углублялась и расширялась по своим задачам и масштабам национально-освободительная борьба народов Китая с японскими захватчиками. Шла консолидация антиимпериалистических сил Китая в единый национальный фронт борьбы с ними, который оформился в 1937 году. Передовая часть национальной буржуазии в лице гоминдана заключила союз с коммунистами в борьбе с общим врагом китайской нации. Компартия Китая все больше завоевывала доверие народных масс. Под ее руководством создавалась регулярная Красная армия и партизанские отряды. Единственно надежным и честным союзником Китая в этой борьбе выступал Советский Союз. От него поступала бескорыстная, всесторонняя экономическая, военная и другая помощь.

2. Содержание научных публикаций журнала актуально и сегодня, поскольку способствует пониманию читателями сути колониальной политики западного империализма в современную эпоху. Самую агрессивную колониальную политику империализма, описанную почти сто лет тому назад на страницах журнала, мы наблюдаем в наши дни со стороны США, Англии и других стран Запада, в том числе, и в отношении России в виде экономических санкций, изъятию национальных золотовалютных резервов из европейских банков, подрыва международных газовых и нефтяных трубопроводов. Американский империализм, проявляя свою хищническую сущность колониальной державы, заявил о своем

"законном праве" на аннексии территорий Гренландии, Канады и Мексики. Осуществил военную агрессию против суверенного государства Никарагуа. Установил экономическую блокаду и угрожает войной народам Ирана и Кубы. Ввел в одностороннем порядке огромные пошлины на товары ввозимые в США из стран Азии и Востока. Но мир уже иной. Национально-освободительное движение в странах "третьего мира" продолжается в мирных формах. И реакция многих стран мира на грабительские пошлины мирового гегемона—тому доказательство. Эти страны в стремлении защитить свои национальные интересы от империалистического диктата объединяются в международные союзы и организации типа **БРИКС, ШОС**, и др. Сегодня, как и в прошлом, антиколониальное движение против международного империализма в мире возглавляют суверенные государства, которые в историческом контексте данной темы, можно назвать приемниками Советского Союза — это Российская Федерация и Китайская Народная Республика. Как заявили их лидеры, они "спиной к спине" выступают против несправедливого однополярного миропорядка, против всякой мировой гегемонии.

Библиографический список

1. От редакции. // Мировое хозяйство и мировая политика. 1926. № 1. С. 3-4.
2. В.И. Дегтярев Национально-освободительное движение в Китае в материалах журнала «Мировое хозяйство и мировая политика» (1920-е гг.) // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2025. – № 3(44). С. 24–35.
3. Войтинский Г. Захват Манчжурии и политика империалистов. // Мировое хозяйство и мировая политика. 1931. № 10-12. С. 38-56.
4. Иолк Е. Захват Манчжурии и революционный подъем в Китае. // Мировое хозяйство и мировая политик а. 1932. № 3. С. 3-23.
5. Аварин В. Экономическое положение Маньчжурии после оккупации. // Мировое хозяйство и мировая политик. 1933. № 4. С. 51-80.
6. Гриневец П. В лагере китайской реакции. // Мировое хозяйство и мировая политика. 1934. № 4. С. 51-80.
7. Далин С. Советы в Китае. Сборник материалов и документов. // Мировое хозяйство и мировая политика. 1934. № 1. С. 94-109.
8. Канторович А. Борьба за северный Китай. // Мировое хозяйство и мировая политика. 1936. № 1. С.94-109.
9. Гриневич П. В Гоминдановском Китае // Мировое хозяйство и мировая политика. 1936. № 1. С. 62-83.
10. Масленникова В. Единый антияпонский национальный фронт в Китае // Мировое хозяйство и мировая политика. 1938. № 12. С. 61-70.
11. Бедеров А. Два года отечественной войны китайского народа // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939 г. №9. С.41-60.

УДК 93/94

Воронежский государственный технический университет

доктор исторических наук, профессор

Б. А. Ершов

Россия, г. Воронеж,

e-mail: bogdan.erшов@yandex.ru

Воронежский государственный технический университет

студент А. Н. Фролова

Россия, с. Тростное,

e-mail: anastiasialike.frolova@gmail.com

Воронежский государственный технический университет

студент К. В. Савинков

Россия, г. Мичуринск,

e-mail: kiri43v@gmail.com

Voronezh State Technical University

Doctor of Historical Sciences, Professor,

B. A. Ershov

Russia, Voronezh,

e-mail: bogdan.erшов@yandex.ru

Voronezh State Technical University

student A. N. Frolova

Russia, s. Trostnoye,

e-mail: anastiasialike.frolova@gmail.com

Voronezh State Technical University

student K. V. Savinkov

Russia, Michurinsk,

e-mail: kiri43v@gmail.com

Б.А. Ершов, А.Н. Фролова, К.В. Савинков

**ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ:
МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОНТРОЛЕМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ КРИЗИСОМ**

В данной статье рассмотрено развитие церковного землевладения в России в XIX веке, от нереализованных либеральных замыслов Екатерины II до окончательной секуляризации при Александре II. Авторами показано как менялся правовой статус и экономическое значение церковных земель, какие проблемы возникали в их управлении, и какие социально-политические силы стояли за упразднением этой многовековой формы собственности.

Ключевые слова: Церковное землевладение, Российская империя, 19 век, конфликты, правовой статус земель, секуляризация.

B.A. Ershov, A.N. Frolova, K.V. Savinkov

**CHURCH LAND OWNERSHIP IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENTURY:
BETWEEN STATE CONTROL AND ECONOMIC CRISIS**

This article examines the development of church land ownership in Russia in the 19th century, from the unrealized liberal plans of Catherine the Great to the final secularization under Alexander II. The authors demonstrate how the legal status and economic significance of church lands changed, the challenges they faced in their management, and the sociopolitical forces behind the abolition of this centuries-old form of ownership.

Key words: Church land ownership, Russian Empire, 19th century, conflicts, legal status of lands, secularization.

На протяжении многих веков церковные земли являлись неотъемлемой частью социально-экономической ткани Российской империи. К началу XIX века это владение достигло значительных масштабов и сложности, охватывая обширные пахотные земли, леса, луга, рыбные угодья, городскую недвижимость и даже промышленные предприятия. Однако именно в этот период оно столкнулось с комплексом серьезных проблем. Государство активно стремилось к секуляризации церковных земель и централизации ресурсов, социальные отношения менялись, а само духовное сословие переживало внутренние экономические трудности.

Исследование истории церковного землевладения в XIX веке дает возможность не только понять, как существовало православное духовенство с экономической точки зрения, но и проследить ключевой этап в развитии взаимоотношений между Церковью и государством, который ознаменовал собой радикальную трансформацию традиционного уклада.

К началу XIX века российские монархи уделяли первостепенное внимание вопросу церковных земель. Революционные изменения произошли с изданием манифеста Екатерины II от 26 февраля 1764 года, известного как «Духовные штаты». Этот документ привел к масштабной секуляризации: все земли, принадлежавшие монастырям и епархиям, были национализированы и переданы в ведение Коллегии экономии. Императрица Екатерина II говорила: «Уважая духовный чин, я нахожу, что не должно ему иметь деревень, а довольствоваться определенным жалованьем, дабы, устранившись от мирских забот, мог он наипаче упражняться в делах духовных. Святейший Синод по моему представлению согласился на сие. Итак, я имею щастие донести вам, что по подписании сего указа впредь монастырские вотчины не будут принадлежать к владению монастырей» [2]. Взамен церковные учреждения получили гарантированное государственное содержание, строго регламентированное «штатами». Из почти тысячи монастырей более половины (569) были ликвидированы, а оставшиеся были разделены на две категории: штатные, получавшие государственное финансирование, и заштатные, выживавшие на добровольные пожертвования.

Данная реформа имела двойственный характер последствий. С одной стороны, она привела к существенному усилению финансовой зависимости церкви от государственного аппарата, что повлекло за собой утрату ее экономической самостоятельности. С другой стороны, она способствовала прекращению неорганизованного и зачастую неэффективного управления земельными активами, осуществляемого духовными корпорациями.

Впрочем, Павел I (см. рис. 1) внес определенные изменения в политику своей предшественницы. Он возобновил практику щедрых дарений земельных владений наиболее уважаемым монастырям (в частности, Александро-Невской лавре) и позволил им получать земли посредством пожертвований. Эта двойственность – между курсом на отчуждение церковных земель и практикой новых дарений – в значительной степени проявилась и в XIX столетии.

Рис. 1

К началу XIX века церковные земли можно было сгруппировать по нескольким основным категориям.

1. Земли архиерейских домов (епархиальных управлений).

Епархиальные земли, находившиеся в ведении архиерейских домов, предназначались для содержания епископов и их управленческого персонала. Обычно такие владения были обширными и хорошо структурированными.

2. Земли монастырей. Монастыри владели землями, которые сильно различались по своим размерам и экономическому значению. Крупные обители, вроде Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лавр, имели значительные земельные наделы, в отличие от мелких сельских монастырей, которые часто испытывали финансовые трудности.

3. Земли приходских церквей.

Наиболее массовая, но наименее исследованная категория – это земли приходских церквей. Зачастую к церквям были приписаны небольшие участки пахотных земель, сенокосные угодья и огороды. Эти земли, обрабатываемые самими священниками или сдавались под аренду.

Земли эти были обременены особым правовым режимом. Их нельзя было реализовать (продать, подарить, заложить) без высочайшего дозволения. Фактически, Церковь не владела ими в полном смысле слова, а скорее распоряжалась ими как доверенное лицо государства. Основными формами эксплуатации земли являлись:

Барщина: Работа на монастырских землях, выполняемая силами крестьян или наемных работников, для обеспечения нужд монастыря.

Оброк: Получение монастырем дохода от сдачи своих земель в аренду крестьянам или купцам.

Промыслы: Монастырские хозяйственные занятия, основанные на использовании природных богатств (леса, реки, мельницы и т.п.)

Экономическая отдача от церковных земель была весьма неоднородной. Крупные монастыри, благодаря своему капиталу и развитой системе управления, часто служили образцом хозяйствования. Они активно внедряли инновации в сельском хозяйстве и даже развивали собственное производство (например, винокурение и кирпичное дело), что обеспечивало им стабильные и высокие доходы.

После реформы 1764 года, для большинства церковных структур, земля стала скорее средством выживания, чем источником богатства. Государственное финансирование было катастрофически недостаточным из-за инфляции и роста потребностей, поэтому земельные владения стали жизненно важным источником пополнения бюджета.

Основные сложности, связанные с владением землей церковью, были следующими:

Недостаточная квалификация управленцев: Духовные лица зачастую не обладали необходимыми навыками в сфере хозяйствования и предпринимательства.

Финансовые злоупотребления и хищения: Случаи присвоения средств и их ненадлежащего использования были нередки.

Острая нехватка рабочей силы: После отмены крепостного права в 1861 году, монастыри и епархии лишились бесплатного труда. Переход на наемный труд привел к значительному увеличению затрат.

Ограничительное государственное регулирование: Жесткий контроль над земельными сделками и обязательное утверждение смет доходов и расходов существенно затрудняли хозяйственную деятельность.

Земельная проблематика всегда находилась в тесной взаимосвязи с общественными структурами. До 1861 года на церковных владениях обитало значительное число крестьян (именуемых "экономическими", а позднее – государственными крестьянами, прикрепленными к духовным имениям). Их правовое и экономическое положение было сопоставимо с положением крепостных, принадлежавших помещикам, поскольку они также были обязаны нести барщину и уплачивать оброк.

Недовольство крестьян тяжестью повинностей, произволом монастырской администрации и малоземельем порождало постоянные конфликты. Наиболее острые противоречия были связаны с земельными угодьями (лесами, пастбищами), которые крестьяне считали своей традиционной собственностью, но которые юридически находились в распоряжении монастырей. Ситуация усугубилась после реформы 1861 года. Бывшие монастырские крестьяне, получив личную свободу, часто оставались с недостаточным земельным наделом и были вынуждены арендовать ту же монастырскую землю на кабальных условиях, что усиливало социальное напряжение.

В первой половине XIX века наблюдалась устойчивая тенденция к ограничению церковного землевладения со стороны государства. Были предприняты шаги по изучению этого вопроса через создание множества комитетов, а также изданы указы, которые препятствовали духовенству в расширении своих земельных владений путем покупки или получения даров. Либеральные чиновники и славянофилы разделяли мнение о том, что наличие обширных земельных владений является помехой для священнослужителей в их основной деятельности – духовном служении.

Итогом данного процесса стало проведение преобразований под руководством императора Александра II (см. рис. 2). В рамках этих мер, 26 июня 1861 года был издан императорский указ, учредивший «Особые присутствия» с целью повышения уровня жизни православного белого духовенства. Продолжая эту комплексную инициативу, 12 мая 1865 года Сенат получил распоряжение «О размежевании земель духовного ведомства».

Рис. 2

Император Александр II писал: «Я считаю одним из важнейших дел будущего царствования разрешение вопроса о церковных имуществах. Нельзя терпеть, чтобы духовенство было богаче царя» [5].

Реформа 1865 года радикально изменила систему землевладения в отношении приходских церквей. Вместо коллективного владения приходом, земли передавались в полную и неотчуждаемую собственность отдельным священнослужителям. Это должно было обеспечить их независимость и благосостояние. В то же время, реформа не затронула

монастырские и архиерейские земли, оставив их в корпоративном владении, но усилила контроль за их использованием, вероятно, с целью предотвращения злоупотреблений.

По сути, это стало последним этапом секуляризации для приходских священнослужителей, осуществленным через наделение их небольшими, но надежными участками. Для монастырей реформа сохранила прежнее положение, но приостановила дальнейшее расширение их владений.

Реформа 1865 года имела глубокие последствия:

Для белого духовенства: В результате действий реформы, белое духовенство получило земельные наделы, что обеспечило ему определенный уровень материальной поддержки и снизило зависимость от нерегулярных доходов. Это способствовало повышению социального статуса и самостоятельности приходских священников. Однако, из-за небольшого размера наделов и невозможности их продажи или передачи, материальное положение духовного сословия не претерпело кардинальных изменений.

Для монастырей: В результате реформы монастыри сохранили свои земельные владения, но были вынуждены функционировать в условиях рыночной экономики. Это привело к дифференциации: мелкие монастыри, не сумевшие перестроиться, пришли в упадок. Крупные же обители успешно трансформировались, став к концу века не только духовными центрами, но и влиятельными экономическими игроками в своих регионах.

Для государства: Реформа положила конец многолетнему земельному спору с Церковью, установив твердый государственный надзор над церковными владениями. Это исключило возможность восстановления могущественной и финансово независимой церковной организации.

В XIX веке церковные земли постепенно перешли под контроль государства и стали частью российской экономики. После секуляризации Екатерины II и последующих мер, при Александре II было принято окончательное решение, упразднившее устаревшую систему церковного землевладения и предпринявшее попытку обеспечить материальную поддержку низшему духовенству.

Секуляризация, завершившись, стала не только экономической мерой, но и важным символом, отражающим положение Церкви в структуре власти Российской империи. Решение земельного вопроса, хотя и было реализовано, не устранило всех проблем, и русское православие столкнулось с новыми вызовами в начале XX века.

Библиографический список

1. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / П.Н. Зырянов. — М.: Наука, 1984. — 256 стр.
2. «Полное собрание законов Российской империи» (Том XVI. № 12060), - 768-769 стр.
3. Великие реформы в России. 1856-1874 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой, В.А. Твардовской. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — 336 стр.
4. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С.Л. Фирсов. — М.: Духовная библиотека, 2002. — 623 стр.
5. А.В. Карташёв «Очерк по истории Русской Церкви» (М., 2009) Том 2, - 360-361 стр.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.) / Б.Н. Миронов – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 583 стр.

*Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
аспирант института культуры, истории и
права
В.В. Земледельцев
Россия, г. Елец,
e-mail: zemledelcevv@gmail.com*

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
Postgraduate student of the Institute of Culture, History
and Law
V. V. Zemledeltsev
Russia, Yelets,
e-mail: zemledelcevv@gmail.com*

В.В. Земледельцев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОРОНЕЖСКОГО ОКТЯБРИСТА А. И. ЗВЕГИНЦОВА В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИИ (1907-1912 ГГ.)

Статья посвящена анализу законодательской деятельности в III Государственной Думе России (1907-1912 гг.), члена партии «Союз 17 Октября» Александра Ивановича Звегинцова – представителя Воронежской губернии. Особое внимание уделено рассмотрению его исторического портрета, депутатской деятельности в различных комиссиях Государственной Думы третьего созыва России начала XX в. Также, проанализированы его речи, рассмотрена практика законодательских парламентских инициатив и запросов, общий вклад в историю российского парламентаризма.

Ключевые слова: история, Россия, парламент, III Государственная Дума, партия «Союз 17 октября», Воронежская губерния, А.И. Звегинцов.

V.V. Zemledeltsev

ACTIVITIES OF THE VORONEZH OCTOBERIST A. I. ZVIGINTZOV IN THE III STATE DUMA OF RUSSIA (1907-1912)

This article analyzes the legislative work of Alexander Ivanovich Zvegintzov, a member of the "Union of October 17" party and a representative of the Voronezh Governorate, in the Third State Duma of Russia (1907-1912). Particular attention is paid to his historical profile and his parliamentary activities on various commissions of the Third State Duma of Russia in the early 20th century. His speeches, legislative initiatives and parliamentary inquiries, and his overall contribution to the history of Russian parliamentarism are also analyzed.

Key words: history, Russia, parliament, Third State Duma, "Union of October 17" party, Voronezh Governorate, A.I. Zvegintzov.

Государственная Дума Российской империи третьего созыва (1907–1912 гг.) занимает особое место в истории парламентаризма и политических партий России начала XX века. В контексте общей историографии политической истории России начала XX века и её отдельных пространств она всегда привлекала представителей научного исторического сообщества к разным аспектам своего наследия [19]. Основной причиной данного стал исторический факт её полной предметной законодательской работы в течении пяти лет, что послужило предметным фактором в процессе реализации умеренно-консервативного курса развития российского государства проводимого правительством под руководством П.А. Столыпина. Добавим, что «фактор III Думы» во многом повлиял не только на общую картину политических событий начала XX века в России, но и на историю различных политических партий того времени и их законодательское наследие, особенно либерального направления [16,17,18].

Интерес к заявленной теме обусловлен также и растущим интересом к региональной политической истории Российской империи указанного периода. Добавим сюда и необходимость восстановления политического портрета региональных представителей депутатского корпуса Государственной Думы России начала XX века, чья повседневная работа во многом определяла общую картину парламентского законотворчества этого времени. В итоге значение взгляда на заявленную в названии данной работы тему очевидно.

Укажем, что в условиях политической стабилизации в России после революции 1905–1907 гг. и изменения избирательного законодательства, существенно ограничившего представительство левых и радикальных сил, в III Государственной Думе особое место и роль сыграла партия «Союз 17 октября», которая выступала за постепенные реформы в рамках трансфера модели конституционной монархии.

Одним из ярких представителей депутатского корпуса III Государственной Думы России начала XX века был член партии «Союз 17 Октября» Александр Иванович Звегинцов – представитель Воронежской губернии. Его деятельность в III Думе отразила не только региональные интересы представителей политического пространства Центрально-Чернозёмного региона России, но и общероссийские политические и социально-экономические вызовы того времени. Не смотря на вышеобозначенное, фигура А.И. Звегинцова сегодня фактически слабо изучена. В рамках данной статьи постараемся восполнить этот досадный пробел. В этой связи, на основе корпуса региональных архивных материалов, стенограмм заседания III Государственной Думы и периодической печати данного времени рассмотрим парламентскую деятельность А.И. Звегинцова в рамках его позиции по ключевым вопросам парламентской практики законотворческого процесса периода 1907 – 1912 гг.

Александр Иванович Звегинцов родился в 1869 году в семье дворянина, тайного советника Ивана Александровича Звегинцова. В Бобровском уезде Воронежской губернии владел 4800 десятинами земли. Образование получил в Курской гимназии. В 1884 году поступил в Морское училище, которое с отличием окончил в 1888 году, получив премию имени адмирала Нахимова. По выпуску произведён в мичманы и зачислен в 8-й флотский экипаж. 15 февраля 1890 года был прикомандирован к Кавалергардскому полку, а 2 августа того же года переведён в него корнетом. В 1893 году произведён в поручики. В 1894 году с отличием (по I разряду) окончил двухклассный курс Николаевской академии Генерального штаба. С 22 мая 1898 по 6 февраля 1899 года возглавлял экспедицию в Северную Корею, за что был награждён орденом Святого Владимира IV степени. В 1900 году вышел в отставку в чине ротмистра и поселился в своём имении в Воронежской губернии, посвятив себя сельскому хозяйству и земской деятельности. С 1900 по 1906 год занимал должность уполномоченного по сельскохозяйственным вопросам в Воронежской губернии. С 1895 года избирался гласным Бобровского уездного, а с 1898 года — Воронежского губернского земских собраний. С 1906 года — почётный мировой судья Бобровского уезда. Также состоял неперменным членом уездной и выборным членом губернской землеустроительных комиссий. С 1907 года — кандидат на должность Воронежского уездного предводителя дворянства. Избирался депутатом Воронежской губернии в III и IV Государственную Думу Российской империи. С началом Первой мировой войны добровольно вступил в действующую армию. Погиб 2 ноября 1915 года во время выполнения задания по воздушной разведке [15, с. 352].

После роспуска II Государственной Думы Российской империи и издания нового избирательного закона от 3 июня 1907 года, урезавшего представительство рабочих и крестьян и одновременно усилившего влияние землевладельцев и мещан, А. И. Звегинцов был выдвинут кандидатом от курии землевладельцев Воронежской губернии. В ходе предвыборной кампании А.И. Звегинцов выступил с серией речей в уездных центрах Воронежской губернии, в которых обозначил свою программу: 1) поддержка аграрной реформы через выход крестьян из общины; 2) развитие земского и городского

самоуправления; 3) укрепление законности и борьба с административным произволом; 4) модернизация армии и флота; 5) сохранение единства и целостности империи. Он подчёркивал: «Я иду не как партиец, а как представитель интересов Воронежской губернии, готовый сотрудничать со всеми, кто стремится к укреплению государства на началах закона и разума» [1, с. 2].

После открытия III Государственной Думы 1 ноября 1907 года А. И. Звегинцов вошел во фракцию «Союза 17 октября». При этом примечательно, что в саму партию А.И. Звегинцов вступил лишь 5 ноября 1907 года! В личном деле Охранного отделения за 1908 год сказано: «Звегинцов, не будучи ярим партийцем, присоединился к октябристам как к фракции, наиболее близкой его взглядам на государственное строительство. В его речах чувствуется влияние бывшего военного — чёткость, лаконизм, ориентация на результат» [4, л. 89].

Рис. 1. Звегинцов А.И. (1869 – 1915 гг.), депутат III Государственной Думы России начала XX века, член партии «Союз 17 Октября», представитель Воронежской губернии.

Отметим, что внутри октябристской фракции III Государственной Думы, А.И. Звегинцов примыкал к «правому крылу», которое сформировалось к концу 1907 года. Это крыло выступало за более тесное, доверительное сотрудничество с правительством, а также поддерживало использование чрезвычайных мер для подавления революционного движения. Анализ протоколов фракционных собраний партии «Союз 17 октября» показывает, что А.И. Звегинцов регулярно участвовал в заседаниях фракции (пропустил лишь 3 из 42 собраний в 1907–1908 гг.), подписывал большинство фракционных заявлений и, что наиболее важно, сводил свои голосования с фракционной линией [5].

Выступая 12 ноября 1907 года на заседании III Государственной Думы, А.И. Звегинцов заявил: «Мы стоим на страже закона, но не на страже анархии. Пока не восстановлены гарантии общественной безопасности, пока террор и вооружённые выступления не прекращены, правительство вправе требовать от нас временных уступок. Временные меры угнетения предпочтительнее постоянного хаоса, ибо анархия — это не свобода, а разрушение государства как такового» [6, стб. 304]. Эта речь, получившая

одобрительные отклики в правой прессе [12, с. 3], чётко обозначила его принадлежность к «стольпинским октябристам» — группе депутатов, для которых верховенство закона и конституционные гарантии не исключали допущения чрезвычайных мер в интересах «государственного порядка». Однако важно подчеркнуть, А. И. Звегинцов не отождествлял себя с монархистами-правыми. В дебатах по поводу инициативы группы националистов о пересмотре Основных государственных законов Российской империи (в части, касающейся Государственной думы) в феврале 1910 года он выступил с жёсткой критикой: «Те, кто сегодня говорит о «пересмотре» Основных закон, на самом деле предлагают их отмену. Но 20 февраля 1906 года государь император дал народу конституционные гарантии добровольно и торжественно. Отступление от них — не укрепление, а подрыв власти, ибо власть, не соблюдающая свои обещания, теряет доверие и легитимность» [8, стб. 1217]. Эта позиция — защита конституционных основ как неотъемлемой части «государственности» — отличала его от черносотенцев.

Таким образом, политическая идентичность А.И. Звегинцова представляла собой сложный, но внутренне непротиворечивый синтез: либерализм в вопросах законности, консерватизм в вопросах общественного порядка и лоялизм в отношении монархии. Эта триада составляла основу «умеренного правого либерализма» — идеологического течения, доминировавшего в октябристской среде в 1907–1911 гг. и получившего в историографии название «стольпинского либерализма» [13, с. 175]. А.И. Звегинцов не был его теоретиком, но был его последовательным и убеждённым практиком.

А.И. Звегинцов принимал активное участие в работе нескольких комиссий III Государственной Думы, однако наиболее активное участие он принимал в работе аграрной комиссии. Причиной этого выступил фактор значимости самого аграрного вопроса как для России в целом, так и для Думы в частности, особенно для её третьего созыва. Связано это было с тем, что стольпинская реформа, начатая Указом 9 ноября 1906 года, нуждалась в законодательном закреплении и корректировке. А.И. Звегинцов принял участие в обсуждении основных законопроектов: проект о выходе крестьян из общины с наделом в собственность (1908–1910 гг.), законы о переселении (1908, 1910 гг.), деятельность Крестьянского поземельного банка (1906, 1910 гг.), землеустройство и мелиорацию (1909–1911 гг.).

Особое значение имело его участие в обсуждении проекта, ставшего основой закона 14 июня 1910 года «Об изменении некоторых правил о выходе крестьян из общины с наделом». По данному вопросу А. И. Звегинцов выступал несколько раз. 16 апреля 1908 г. на заседании комиссии рассматривался вопрос о минимальном размере надела, необходимом для выдела в отруб или хутор. Представители правых (В. В. Шульгин, Н. Е. Марков-второй) предлагали установить «норму достатка» — 12–15 десятин пашни на душу — как порог для разрешения выхода. А.И. Звегинцов выступил против жёстких квот, подчеркнув: «В Воронежской губернии, несмотря на сравнительное обилие удобной земли, реальная «норма достатка» колеблется от 8 до 10 десятин. Установление за рамками губернской специфики единой нормы приведёт к формализму и параличу реформы. Надел должен определяться не по таблицам, а по реальной производительности и наличию кормовой базы» [14, л. 45].

Он предложил ввести гибкий коэффициент, зависящий от качества земли, климата и инфраструктуры — идея, близкая к рекомендациям Воронежского губернского земства. Его поправка была частично учтена: итоговый закон от 14 июня 1910 г. не устанавливал единой нормы, предоставив компетенцию землеустроителям.

Вместе с тем, А. И. Звегинцов не разделял радикального подхода части правых, настаивавших на насильственном выделе наделов. В заседании Комиссии по земельным делам 5 мая 1909 года он выступил с конкретным предложением: установить трёхлетний срок для добровольного оформления хуторов и отрубов после принятия закона, а лишь по истечении этого срока — разрешить выдел по решению земской управы или мирового посредника. По его словам, «мы должны дать крестьянину время осознать выгоды нового

стройка, понять, что хутор — это не разорение, а путь к достатку. Принуждение породит сопротивление, а сопротивление — насилие, а насилие — новую революцию» [14, л. 77-78]. Хотя комиссия сократила предложенный срок до двух лет (закон от 14 июня 1910 г.), сам дух инициативы — защита крестьянской воли при сохранении реформаторского импульса — был принят и отразился в окончательной редакции.

Кроме того, А.И. Звегинцов активно участвовал в обсуждении переселенческой политики. В 1909 году он поддержал закон о льготных кредитах для переселенцев, но настаивал на усилении контроля за распределением земель в Сибири и Туркестане, чтобы избежать конфликтов с коренным населением и не создавать новых очагов безземелья.

Помимо аграрного вопроса, А.И. Звегинцов проявлял интерес к военным, финансовым и административным делам, что во многом определялось его биографическим опытом. Будучи бывшим военным инженером, он вошёл в состав военно-морской комиссии Думы и регулярно участвовал в обсуждении военных бюджетов. В дебатах по бюджету военного ведомства на 1908 год он выступил за увеличение ассигнований на инженерное вооружение и фортификационные работы, особенно на южных границах империи. В своей речи он подчёркивал: «После Балканского кризиса и роста турецко-германского влияния в Константинополе мы не можем игнорировать уязвимость Новороссии и Кавказа. Крепости Таганрога, Ростова и Батума требуют модернизации, а инженерные части — пополнения техникой и кадрами» [6, стб. 1203]. Его предложение было частично учтено: ассигнования на инженерное дело увеличили на 12 %.

В 1910 году А. И. Звегинцов поддержал реорганизацию артиллерийского управления, направленную на централизацию снабжения и обучения, но выступил против сокращения числа офицерских училищ, указав на хронический дефицит квалифицированных командиров в армии, особенно в технических родах войск. Особую позицию он занял в дискуссии 1911 года о введении всеобщей воинской повинности для духовенства и инородцев. В то время как правительство и часть депутатов видели в этом шаг к «гражданскому равенству», А.И. Звегинцов выступил с принципиальным возражением: «Исторические привилегии духовенства и инородцев — не пережиток, а элемент государственной мудрости. Они обеспечивают религиозную стабильность и лояльность окраин. Лишение их этих привилегий вызовет недовольство, которое легко может быть использовано революционерами» [10, стб. 2105]. Его выступление нашло поддержку у правых и части октябристов, и правительство отказалось от инициативы.

В финансовых вопросах подход А. И. Звегинцова был умеренно-консервативным. Он неизменно поддерживал сбалансированный бюджет, выступал против дефицитного финансирования и критиковал проекты «бюджетов развития», предложенные левыми. В то же время он одобрял налоговые льготы для сельского хозяйства (например, снижение земского налога на малоземельные наделы) и критиковал рост косвенных налогов на продукты первой необходимости. В дебатах по государственному бюджету на 1911 год он заявил: «Мы не можем строить флот и крепости на деньги, выжатые из голодающего крестьянина. Налоговая политика должна быть справедливой — не только с точки зрения казны, но и с точки зрения народа» [9, стб. 1567].

В области судебной и административной реформы А. И. Звегинцов последовательно выступал за восстановление института мировых судей (отменённых в 1889 году), считая их «мостом между народом и правом». Однако, в отличие от кадетов, он настаивал на сохранении сословного принципа при их назначении — кандидатуры должны были утверждаться губернатором по представлению губернского предводителя дворянства и городской головы.

Особое внимание он уделял развитию местного самоуправления. В 1910 году он поддержал законопроект, разрешавший земствам открывать начальные и средние школы без предварительного утверждения Министерства народного просвещения. Также он настаивал на расширении компетенции гласных при утверждении губернских бюджетов и выступал против чрезмерного контроля губернаторов за земскими решениями, называя его

«пережитком самодержавной опеки, несовместимым с духом Основных закон» [2, с. 8]. В 1911 году он поддержал передачу земствам функций по борьбе с эпидемиями — мера, особенно важная для южных губерний, регулярно страдавших от холеры и оспы.

Подчеркнём, что деятельность А. И. Звегинцова не ограничивалась общероссийскими вопросами — он последовательно и системно представлял интересы родной губернии, что стало одной из ключевых черт его депутатского стиля. В отличие от многих столичных депутатов, воспринимавших регионы как «источник голосов», А. И. Звегинцов рассматривал себя как полномочного представителя Воронежской губернии, обязанного решать её конкретные проблемы. Эта установка проявлялась в трёх форматах: 1) запросы и законодательные инициативы по региональным вопросам; 2) участие в распределении бюджетных средств; 3) постоянное взаимодействие с земством и общественностью.

Уже в 1908 году он направил запрос министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову о состоянии Хопёрского лесничества — одного из крупнейших в губернии (свыше 20 тыс. десятин), — указав на систематические хищения древесины, пожары и бездействие лесной стражи. По его инициативе была проведена внеплановая ревизия, в результате которой уволили управляющего и усилили надзор. В 1909 году Звегинцов выступил с законодательной инициативой о строительстве железной дороги Новохоперск—Борисоглебск (с выходом на линию Саратов—Ростов). В пояснительной записке он мотивировал это необходимостью «связать хлебные районы Воронежской губернии с Ростовом-на-Дону и Царицыном, снизив издержки крестьян-производителей на 30–40 % и ускорив вывоз зерна в порты». Проект получил одобрение Думы и был включён в общий план развития железнодорожной сети на 1910–1915 гг., но реализован не был из-за бюджетных ограничений после 1911 года [7, стб. 201-203].

Наиболее ярким примером региональной деятельности стала его работа в 1911 году после засухи, сильно ударившей по южным губерниям. В Воронежской губернии урожай составил менее 30 % от нормы, возникла угроза голода. А.И. Звегинцов, вместе с другими депутатами, подготовил доклад и добился на заседании 15 октября 1911 года выделения 2 млн. руб. на срочную помощь пострадавшим районам. Кроме того, они добились предоставления льготных кредитов Крестьянскому поземельному банку на переселение 5 тыс. семей из засушливых районов в Сибирь и Туркестан [11, стб. 52-53].

Важнейшим элементом региональной деятельности было постоянное взаимодействие с губернским земством. А.И. Звегинцов ежегодно направлял в Воронеж подробные отчёты о работе Думы и фракции, участвовал в земских съездах (в 1909 и 1911 гг. лично, в 1908 и 1910 — через представителя), выступал с докладами о законодательных инициативах, затрагивающих интересы губернии. В архиве Воронежской губернской управы сохранились семь его отчётов за 1908–1912 гг., отличающихся не только информативностью, но и аналитичностью — он не просто сообщал факты, но и давал прогнозы и рекомендации [3].

В конечном итоге, общий баланс проделанной законотворческой работы А.И. Звегинцова в III Государственной Думе России начала XX века впечатляет и позволяет оценить его как одного из наиболее деятельных депутатов-октябристов регионального уровня в её составе. За весь период своей работы в III думе А.И. Звегинцов принял участие в 14 комиссиях, выступил 27 раз с трибуны Государственной Думы, внес 15 депутатских запросов и принял участие в 12 законодательных инициативах. Нет сомнений в том, что деятельность Александра Ивановича Звегинцова в III Государственной Думе представляет собой яркий, типологически значимый и до сих пор недостаточно изученный пример участия провинциальной дворянско-земской элиты в становлении российского парламентаризма. Анализ его парламентской деятельности позволяет сделать следующий ряд важных выводов. Во-первых, «стольпинский либерализм» не был абстрактной идеологией — он имел прочную социальную базу в лице региональных деятелей вроде А.И. Звегинцова: прагматичных, дисциплинированных, ориентированных на результат и глубоко связанных с конкретным регионом. Во-вторых, историческое наследие III Государственной Думы России

начала XX века в пространстве законотворчества во многом обеспечивалось предметной работой представителей регионального корпуса политического пространства российского государства этого времени, одним из которых и был А.И. Звезгинцов.

Библиографический список

1. Воронежский губернский вестник. - 1907. - № 198. – 8 с.
2. Воронежские губернские ведомости. - 1909. - № 45. – 8 с.
3. ГАВО. Ф. И-20. (Воронежская губернская земская управа). Оп. 2. Д. 1566.
4. ГАРФ. Ф. 102. (Департамент полиции Министерства внутренних дел. 1880-1917) Оп. 2. Д. 1907–1912.
5. ГАРФ. Ф. 115. (Союз 17 октября) Оп. 1. Д. 20.
6. Государственная Дума III созыв: Стенографические отчёты 1907-1908 гг. Сессия первая. Часть I: Заседания 1-30: (С 1 ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). — Санкт-Петербург: Государственная типография, 1908. — 2142 стб.
7. Государственная Дума III созыв: Стенографические отчёты 1909 г. Сессия третья. Часть I: Заседания 1-32 : (с 10 октября по 18 декабря 1909 г.). - Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. — 3796 стб.
8. Государственная Дума III созыв: Стенографические отчёты 1910 г. Сессия третья. Часть II: Заседания 33-64: (с 20 января по 6 марта 1910 г.). - Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. — 3166 стб.
9. Государственная Дума III созыв: Стенографические отчёты 1910 г. Сессия четвёртая. Часть I: Заседания 1-38 (с 15 октября по 17 декабря 1910 г.). - Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. — 3368 стб.
10. Государственная Дума III созыв: Стенографические отчёты 1911 г. Сессия четвёртая. Часть III: Заседания 74-113 (с 7 марта по 13 мая 1911 г.). - Санкт-Петербург: Государственная типография, 1911. — 4829 стб.
11. Государственная Дума III созыв: Стенографические отчёты 1911 г. Сессия пятая. Часть I: Заседания 1-41 (с 15 октября по 10 декабря 1911 г.). — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1911. — 3830 стб.
12. Новое время. - 1907. - № 11342. - 8 с.
13. Политические партии России: история и современность /Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 631 с.
14. РГИА. Ф. 1278. (Государственная Дума I, II, III и IV созывов) Оп. 2. Д. 3389.
15. Сборник биографий кавалергардов. [1724-1899]: По случаю столет. юбилея Кавалергардского ея величества государыни имп. Марии Федоровна полка / Сост. под ред. С. Панчулидзева. - Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908. – Т. 4. - 437 с.
16. Щукин Д.В. «Думский фактор» в истории партии кадетов периода «третьеиюньской монархии» /Д.В. Щукин//Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 2 (271). Воронеж, 2016. С. 129 – 131.
17. Щукин Д.В. Законотворческие инициативы фракции партии кадетов в области бюджета Российской империи в III Государственной Думе начала XX века/Д.В. Щукин//Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 1 (266). Воронеж, 2015. С. 135-137
18. Щукин Д.В. Кадеты в III Государственной Думе России (1907-1912 гг.) Том. Часть 1. На пороге III Думы – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. – 186 с.
19. Щукин Д.В. Порядок выборов в III Государственную Думу России начала XX века. /Д.В. Щукин//Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 2 (267). Воронеж, 2015. С. 127-130.

УДК 94:323.14

*Воронежский государственный университет
доктор исторических наук, доцент, кафедра
регионоведения и экономики зарубежных стран,
кафедра истории зарубежных стран и
востоковедения
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж,
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
DrSci in History, Associate Professor, Chair of Regional
Studies and Foreign Countries Economies, Chair of
Foreign History and Oriental
Studies
M.V. Kyrchanoff
Russia, Voronezh,
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

М.В. Кирчанов

ГРУППА ИСТОРИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ВКЛАД

Автор в представленной статье анализирует особенности и направления развития Группы историков Коммунистической партии Великобритании как одной из форм самоорганизации академического сообщества. Предполагается, что Группа, формально используя марксизм как методологию и поддерживая коммунизм как политическую идеологию, фактически внесла существенный вклад в развитие британской историографии. Поэтому автор указывает на то, что роль Группы следует оценивать как положительную, так как ее участники стимулировали методологические дискуссии, расширяя число изучаемых тем и содействуя развитию исторической эпистемологии. Целью исследования является анализ вклада Группы в развитие современной британской историографии. Новизна исследования состоит в изучении роли Группы в контекстах тематического и методологического прогресса исторической науки, так как активность ее участников стимулировала междисциплинарность. В статье показано, что 1) Группа, анализируя проблемы аграрной истории и истории рабочего класса, содействовала институционализации и прогрессу социальной истории как междисциплинарного направления в современной историографии, 2) историки Группы внесли существенный вклад в анализ социальной, экономической и политической истории Средневековья и Английской революции, 3) содействовали инвенционистскому повороту в историографии. Предполагается, что деятельность Группы историков Коммунистической партии Великобритании стала примером институционализации академического сообщества, объединенного общими политическими и идеологическими предпочтениями, которые не содействовали политизации и идеологизации истории как науки, но наоборот стимулировали ее прогресс.

Ключевые слова: Англия, интеллектуалы, историография, академическое сообщество, левые, марксизм, Коммунистическая партия Великобритании, Группа историков Коммунистической партии, методология история, ревизионизм, историографические дебаты

M.V. Kyrchanoff

GROUP OF HISTORIANS OF THE COMMUNIST PARTY OF GREAT BRITAIN: ACADEMIC DIRECTIONS AND HISTORIOGRAPHICAL IMPACT

The author in the presented article analyses the features and directions of development of the Communist Party Historians Group as one of the forms of self-organization of the academic community. It is suggested that the Group, formally using Marxism as a methodology and supporting communism as a political ideology, actually made a significant contribution to the development of British historiography. Therefore, the author points out that the role of the Group should be assessed as positive, since its participants stimulated methodological discussions, expanding the number of topics studied by historians and promoting the development of historical epistemology. The purpose of the study is to analyse the Group's contribution to the development of modern British historiography. The novelty of the study lies in the study of the role of the Group in the context of thematic and methodological progress of historical science, since the activity of its participants stimulated interdisciplinarity of history.

The article shows that 1) the Group analyzing the problems of agrarian history and the history of the working class, contributed to the institutionalisation and progress of social history as an interdisciplinary direction in modern historiography, 2) the Group's historians made a significant contribution to the analysis of the social, economic and political histories of the Middle Ages and the English Revolution, 3) the Group contributed to the interventionist turn in historiography. It is assumed that the activities of the Communist Party Historians Group became an example of the institutionalisation of the academic community, united by common political and ideological preferences, which did not inspire the politicization and ideologization of history as a science, but on the contrary stimulated its progress.

Key words: England, intellectuals, historiography, academia, left, Marxism, Communist Party of Great Britain, Communist Party Historians Group, methodology of history, revisionism, historiographical debates

Введение. В современном мире гуманитарное знание, несмотря на растущие тенденции виртуализации, технизации общества, подмены человеческого как социального и культурного искусственным интеллектом, сохраняет свою роль. Отличительной характеристикой развития западной исторической науки на протяжении 20 века была тенденция к последовательной институционализации и оформлению исторического знания как специальной области научной и исследовательской деятельности.

В рамках этой тенденции на Западе сложился целый ряд исследовательских ассоциаций и организаций, которые специализируются на изучении различных периодов прошлого, объединяя профессиональных историков. Эти структурные организации могут в значительной степени друг от друга отличаться. Одни из них сознательно создавались при непосредственном участии государства, предназначаясь для решения тех или иных политических задач. Это в первую очередь относится к институтам памяти, которые получили развитие в первой четверти 21 века. Другие организации создавались профессиональным академическим историческим сообществом. Поэтому последние могли носить узкопрофильный специализированный характер. Предполагалось, что такие неформальные или формальные организации будут заниматься или специализироваться на изучении одного определенного этапа в истории человеческой цивилизации или какой-либо определенной проблемы в рамках исторического процесса.

Такие профессиональные организации историков, как правило, создавались по хронологическому или региональному принципу, специализируясь и фокусируясь на изучении истории отдельных стран, регионов или исторических эпох. В деятельности подобных организаций исторического сообщества прослеживается ряд общих тенденций. Значительная часть из этих групп была создана интеллектуалами-единомышленниками. Большинство из них стремилось сохранить свою институциональную и структурную самостоятельность. Поэтому они были крайне осторожны в институционализации и установлении связей с государственными институтами. Исключение составляли университеты, с которыми эти группы пытались сотрудничать. Когда мы анализируем подобные организации западного профессионального исследовательского сообщества, во внимание следует принимать, что часть таких групп все же в своей деятельности открыто подчеркивала идеологическую и политическую направленность.

Особый интерес в этом контексте представляют группы, которые внесли значительный вклад в развитие интеллектуальной истории историографии и методологии истории, а также эпистемологии исторического знания. Среди таких групп особое место занимают объединения английских историков, которые специализировались на изучение целого ряда проблем, что позволило им внести существенный вклад в развитие как организационных структур британской историографии, с одной стороны, а, с другой, существенно пересмотреть основные векторы и траектории развития методологических предпочтений и самой организации проведения исторического исследования в рамках западной науки.

Цель и задачи. В центре авторского внимания в представленной статье будет ряд подобных идеологически мотивированных объединений профессиональных английских историков.

Во-первых, мы проанализируем Группу историков коммунистической партии Великобритании, которая внесла важный вклад в развитие социально-экономических исторических исследований в британской историографии. Во-вторых, мы рассмотрим, каким образом подобные формальные или неформальные объединения функционировали в британской историографии. В-третьих, мы предпримем попытку ответить на вопрос, почему наметился крен от социально-экономических исследований, от исследований модернизации и индустриализации, истории различных социальной групп и слоев в направлении исследований, которые выполняются в русле истории идей, интеллектуальной истории или экологического, визуального или антропологического поворотов в современной историографии.

Поэтому целью автора является анализ особенностей формальных и неформальных организаций в рамках британской историографии второй половины 20 века на примеры Группы историков коммунистической партии Великобритании. В число задач статьи входит анализ основных организационных тенденций, которые содействовали развитию различных объединений профессиональных историков в Англии, изучение основных направлений деятельности подобных групп, а также выяснение вклада формальных или неформальных объединений в развитии современной британской исторической науки.

Методология. Методологически данная статья основана на принципах, предложенных в современной междисциплинарной историографии, в первую очередь – в рамках истории идей и интеллектуальной истории. Поэтому различные формальные или неформальные институционализированные или неинституционализированные объединения английских историков рассматриваются как интеллектуальные сообщества, члены которых были вовлечены в процесс не только консолидации английского академического исторического сообщества как своеобразного воображаемого сообщества интеллектуалов, но также содействовали в рамках своей активности производству символических смыслов и значений, что позволяет рассматривать их как участников процесса изобретения политических, культурных, социальных и интеллектуальных традиций.

Таким образом, данная статья методологически основана на принципах междисциплинарности, предложенных в современной западной историографии в рамках изучения социальных групп, которые оказались вовлечены в процессы консолидации современного интеллектуального сообщества, что оказало существенное влияние на его организационные формы и результаты деятельности таких групп.

Группа историков Коммунистической партии: особенности и характеристики. История английской исторической науки обеспечивает ее исследователей несколькими яркими примерами самоорганизации академического сообщества как по тематическому, так и по идеологическому принципу, которые будут проанализированы ниже.

Одной из особенностей социального развития британского общества на протяжении 19 века были более быстрые в сравнении с другими европейскими странами темпы экономического развития, что оказывало самое существенное влияние на структуру населения, что привело к оформлению профсоюзного движения. Кроме этого, в интеллектуальной истории Великобритании имели место тенденции оформления левого политического дискурса. Лондон так же был привлекателен для политических эмигрантов из Европы. Которые внесли существенный вклад в развитие левой идеи. Несмотря на все эти формальные факторы в Великобритании не произошла социальная революция и не сложились основания для появления и развития мощного левого движения, но это не означает того, что среди английских историков отсутствовал интерес к данной проблеме.

В связи с этим американская исследовательница социальной истории Гертруда Химмельфарб ставит частично провокационный вопрос «Почему в стране, столь сопротивляющейся марксистскому социализму, было так много видных марксистских историков? И не одиночек, а членов уважаемой и влиятельной школы? И влиятельной как раз в области английской истории, предлагающей марксистскую интерпретацию истории,

подчеркнуто не привечающую марксизм как политическую идеологию?» [1, р. 90]. Несколькими годами ранее Э. Хобсбаум выражал в значительной степени сходную идею, указывая на то, что «в Британии не существовало традиции марксистской истории, хотя существовала мощная традиция радикальной истории, сфокусированной на изучении истории труда и рабочей силы» [2].

Эти историки входили в неформальную Группу историков Коммунистической партии [3]. Группа сложилась как объединение нескольких профессиональных историков, которые симпатизировали левым идеям, на определенных этапах своей деятельности они могли состоять в Коммунистической партии [4], а основной сферой их интересов была социально-экономическая и политическая история английского / британского общества [5], которую они стремились писать, отталкиваясь от собственной, творческой, интерпретации марксизма [6]. В состав Группы входило более десяти историков-профессионалов, включая Мориса Добба (1900 – 1976), Родни Хилтона (1916 – 2002), Чарльза Хобди, Виктора Кирнана, Стивена Финни Мейсона, Эла Мортонна, Джорджа Руде, Рафаэла Самуэла, Джона Сэвилла, Дороти Томпсон и Дону Торр. Самыми значимыми участниками Группы, которые внесли наибольший вклад в развитие английской исторической науки были Кристофер Хилл (1912 – 2003) [7] и Эрик Хобсбаум (1917 – 2012) [8].

По мнению Э. Хобсбаума, наряду с профессиональными занятиями историей, Группа консолидировалась вокруг идей марксизма. В связи с этим он подчеркивал, что «наша работа как историков была тем самым встроена в нашу работу как марксистов, что, мы верили, подразумевало членство в Коммунистической партии. Это было неотделимо от нашей политической веры и активности... Мы были бы так лояльны, деятельны и преданны, как любая другая группа коммунистов, только постольку, поскольку чувствовали, что марксизм подразумевает членство в партии. Критиковать марксизм означало критиковать партию и наоборот» [2]. Тем не менее, в теоретическом и концептуальном плане члены Группы демонстрировали значительную свободу в проводимых ими исследованиях. Историков Группы объединяло то, что они «имели четверичную общее прошлое – большинство знало друг друга еще с поздних тридцатых, они консолидировались общими политическими обязательствами, страстью к истории и регулярным интенсивным общением на встречах Группы историков, на которых они дебатировали марксистские интерпретации исторических проблем и делали все возможное для того, чтобы, на военном жаргоне, поддерживаемом в большевистских кругах, “вести войну идей” на “фронте”, наиболее подходящем для историков» [9, р. 3].

Группа сложилась к концу 1930-х гг., ее расцвет следует датировать второй половиной 1940-х – первой половиной 1950-х гг. В 1952 г. участниками группы был основан журнал «Past & Present», который позднее вошел в число наиболее авторитетных академических изданий по истории. Упадок Группы стал следствием событий 1956 г. в Венгрии, а последующая политика СССР, например в Чехословакии в 1968 г., содействовала ослаблению формальных связей с Коммунистической партией, хотя общая направленность, тематика и тональность исследований участников этого неформального объединения в значительной степени оставалась прежней. Тем не менее, члены Группы «сохраняли личные узы и приверженность марксизму» [1, р. 109].

Направления исследований Группы и вклад в историографию. В целом, Группа как неформальное сообщество и издаваемый ей журнал «Past & Present», который являлся более формальной структурой, привели к ряду методологически значимых событий в развитии британской исторической науки во второй половине 20 века. В рамках научной деятельности группы сложилось и практиковалось неформальное разделение труда, комментируя которое ее исследователи указывают на то, что «Хилтон берется за феодализм, Хилл – за Английскую революцию, Хобсбаум и Томпсон – за индустриализм. Добб избавил остальных от нужды разрабатывать детали марксистского анализа, в частности, такие как первоначальная аккумуляция капитала и концепт прибавочной стоимости, обеспечив их более утонченной и достойной версией марксистской экономики» [1, р. 112].

Во-первых, благодаря деятельности Группы в первой половине 1960-х гг. в историографии Великобритании были заложены основания для социального поворота и последующей институционализации социальной истории как междисциплинарного направления и ее различных производных как в историографии, так и в эпистемологии исторической науки. Начало социальному повороту положило издание в 1963 г. монографии Э.П. Томпсона «The Making of the English Working Class» («Становление английского рабочего класса») [10]. Социальная история в той версии, которой придерживалась Группа и связанные с ней издания, носила в значительной степени ревизионистский характер, так как отвергала более ранние интерпретации, основанные преимущественно на привлечении статистических источников для изучения истории формирования и развития рабочего класса. Э.П. Томпсон считал необходимым от такого одностороннего видения отказаться в пользу более широкой и междисциплинарной интерпретации. В этом отношении концепция социальной истории пересекалась с культуральной историей и исторической антропологией.

Во-вторых, усилиями Группы были предприняты шаги к ревизии представлений об истории 17 века, которые доминировали в предшествующей историографии. Участники Группы в рамках своего фактически ревизионистского видения предлагали отказаться от восприятия истории 17 века как исключительно политической, представленной внутренними и международными конфликтами. Концепция кризиса 17 века развивалась усилиями Хью Тревора-Ропера [11] и Эрика Хобсбаума [12], которые, указывая на значимость социальных и экономических трансформаций в европейских обществах [13], утверждали, что широкие перемены и изменения, запущенные в результате обострения политических, культурных и демографических проблем и стимулировавшие международные конфликты, фактически запустили конфликт элит, который и привел к началу модернизации.

В-третьих, Группа в лице Кристофера Хилла внесла существенный вклад в переосмысление истории Английской революции. Кристофер Хилл, подвергая ревизии более раннее восприятие истории революции, фактически предложил новое видение, основанное на синтезе новой социальной истории, интеллектуальной истории, культуральной истории и истории идей. С одной стороны, Кр. Хилл попытался деконструировать нарратив о революции как о политическом или религиозном конфликте, конструируя и продвигая ее новый образ как социального конфликта, основанного на классовой борьбе.

Такое видение было характерно для ранних исследований Кр. Хилла [14], в которых он утверждал, что революция институционализовала капитализм как основу английской экономики, полемизируя со своими оппонентам, склонными утверждать, что ранние формы капитализма в английском обществе возникли столетием ранее. К концу 1950-х гг. Кристофер Хилл свою концепцию в определенной степени пересмотрел [15]. Признавая важность социального фактора, он предпринял попытку интерпретировать социальную историю Английской революции с учетом ее не только общественно-политических [16], но и религиозных [17] и интеллектуальных контекстов [18], признанных им не менее важными чем социальные. Более того, К. Хилл предложил и новое видение характера революции. В дополнение к своим исследованиям, где революция воспринималась как социальная [19] и религиозная [20], К. Хилл предложил и новую интерпретацию революции как неудавшейся демократической [21].

В-четвертых, влияние Группы заметно и в рамках дебатов, связанных с публикацией в 1976 г. статьи американского историка Роберта Бреннера [22], который предложил новое видение поздней аграрной истории средневековья в контекстах социальных и экономических трансформаций обществ доиндустриальной Европы. Концепция Р. Бреннера носила в значительной степени ревизионистский характер и была сфокусирована на критике двух более ранних интерпретационных моделях – демографической и коммерческой – которые связывали генезис капитализма с изменениями в экономике и структуре населения позднесредневековых обществ [23].

Роберт Бреннер, критически интерпретируя эти подходы, полагал, что ни демография, ни коммерческая активность, ни классовые отношения и доступ к власти, основанный именно не классовых критериях, существенно повлияли на кризис феодализма и формирование капитализма, так как именно социальные признаки, связанные с формирующимися классами, оказались более устойчивыми и стабильными, чем демографические и торгово-экономические показатели и критерии позднесредневековых социумов. Концепция, предложенная Р. Бреннером, стимулировала дискуссии среди английских левых историков, которые сводились к обсуждению как правомерности классовой интерпретации средневековых социальных моделей [24], так и к дебатам относительно различных сословных групп [25], втянутых в эрозию феодальных отношений и кризис феодализма [26].

Комментируя этот аспект в деятельности Группы, Родни Хилтон указывал на то, что «как коммунист я интересовался способами сопротивления эксплуатации господствующих классов. Это выглядело рациональным – начать со средневековых крестьян и ремесленников, конечно, не выходя за пределы общего экономического и социального контекста времени. Я собрался было двигаться вперед к Новому времени, но обнаружил, что чересчур погряз в изучении средневекового общества как целого» [3, р. 71 – 72]. Поэтому критики Р. Бреннера в рамках обсуждения проблем кризиса феодализма и генезиса капитализма использовали «классовые» дефиниции для описания и анализа феодального общества, связывая именно классовые структуры с зарождением капитализма и указывая на роль формально традиционных (крестьянских) сообществ [27] в процессах классовообразования, что позволяло поднимать вопрос не только об аграрных группах [28] как участниках формирования новой модели, но и об «аграрном капитализме» [29], который возник в недрах позднего феодализма.

В-пятых, в 1983 г. усилиями историков, ранее входивших Группу и журнала «Past & Present» выходит сборник «The Invention of Tradition» [30], который положил начало инвенционистскому повороту в историографии, в рамках которого социальная, политическая, культурная и интеллектуальная история национализма начали интерпретироваться через призму социального конструирования и продвижения традиций и ритуалов, призванных как стимулировать лояльность в отношении того или иного проекта идентичности, так и гарантировать функционирования и воспроизводство последних в рамках нации как сообщества.

В-шестых, исследовательская активность Группы стала стимулом для развития медиевистики. В рамках интеллектуального влияния Группы следует интерпретировать развитие византийских исследований в Великобритании. В начале 1990-х гг. на страницах «Past & Present» выходят исследования Марка Виттоу (1957 – 2017), сфокусированные на социальной истории позднеримского и ранневизантийского города [31], которая интерпретировалась в категориях континуитета и генезиса феодальных институтов и отношений [32]. Более поздние тексты М. Виттоу византийского общества испытали явное влияние со стороны ранее предложенной историками Группы парадигмы социальной истории. В середине 1990-х гг. «Past & Present» временно стал площадкой для теоретических и методологических дискуссий, связанных с изучением феодализма. В 1994 г. выходит статья Томаса Биссона ««Феодальная революция»» («The "feudal revolution"») [33], в центре которой оказались проблемы социальной и экономической истории феодализации.

Комментируя исследования Группы, ее роль в развитии английской историографии Э. Хобсбаум суммировал достижения следующим образом: «наши достижения не были незначительными [...] нет никаких сомнений в том, что возникновение “социальной истории” в Британии как области изучения, и особенно “истории снизу” или “истории простого народа”, во многом обязано работе членов группы [...] серьезная озабоченность плебейской идеологией – теорией, лежащей в основе действий социальных движений – до сих пор во многом ассоциируется с историками этого происхождения, поскольку социальная история идей всегда была одной из наших главных забот [...] члены группы внесли очень

существенный вклад в развитие истории труда [...] изучение английской революции семнадцатого века было в значительной степени изменено нами [...] хотя сегодняшняя историография Английской революции ни в коем случае не является преимущественно марксистской [...] это немаловажные достижения» [2]. В этом контексте Группа историков Коммунистической партии и связанный с ней журнал, таким образом, оказали существенное влияние на развитие социальных и экономических исследований в рамках британской и частично американской (Р. Бреннер, Т. Биссон) историографии.

Выводы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые самым существенным образом влияли на развитие английского сообщества историков, на уровне его формальной или неформальной институционализации во второй половине 20 – первой четверти 21 века.

Большинство подобных объединений английских историков могли носить формальный или неформальный характер. Поэтому в деятельности таких групп четко прослеживается идеологическая направленность. Кроме этого, самым ярким примером подобного объединения является Группа историков коммунистической партии Великобритании, которая внесла существенный вклад в изучение социально-экономической и политической истории британского общества, содействуя радикальному пересмотру того методологического инструментария, который ранее использовался историками. В этом контексте деятельность подобных профессиональных объединений историков могла содействовать большей профессионализации и специализации английской историографии, актуализируя как ее междисциплинарный характер, так и содействуя ее постепенной фрагментации, выделению узкоспециализированных направлений в исследовательской деятельности, что и проявилось в развитии подобных объединений.

Функционируя преимущественно во второй половине 20 века, культивируя марксистскую методологию, английские левые историки, вовлеченные в изучение социальной истории, фактически основанное на ревизии опыта предшествующей историографии, оказалась независимыми от общей политической, идеологической и культурной конъюнктуры, что сделало адаптивными к тем вызовам, с которыми профессиональная историография столкнулась в контексте роста деструктивных идей подчеркнутого в публичных и академических пространствах мультикультурализма, политической толерантности и феминизма, начиная с 1990-х гг.

Подводя итоги, мы можем предположить, что деятельность институционализированных групп профессионального сообщества историков может содействовать как развитию историографии, так и выделять те вызовы и угрозы, с которыми профессиональное историческое знание сталкивается в современном мире, будучи вынужденным реагировать на фактически политически идеологически запросы общества потребления. Вместе с тем опыт Группы историков Коммунистической партии свидетельствует о том, что проведение научных академических исследований, стремление подвергать ревизии и пересмотру более ранние концепции и подходы, значительный вклад в формирование и определение тематики исследований и сами методологические принципы исторической науки вполне возможно при сохранении как самостоятельности научного сообщества, так и при следовании его членам нормам профессиональной этики.

Библиографический список

1. Himmelfarb G. *The New History and the Old: Critical Essays and Reappraisals*. L. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004. P. 90. 266 p.
2. Hobsbawm E. *The Historians' Group of the Communist Party // Rebels and Their Causes: Essays in Honor of A.L. Morton / ed. M. Cornforth*. L.: Lawrence and Wishart, 1978. P. 21 – 47. URL.: <https://www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/the-historians-group-of-the-communist-party>

3. Kaye H.J. *The British Marxist Historians: an introductory analysis*. Cambridge: Polity Press, 1984. 316 p.
4. Кірчанаў М.В. Да пытання аб ролі «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» ў фарміраванні новай сацыяльнай гісторыі Ангельскай рэвалюцыі // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки*. 2020. № 1 (118). С. 24 – 28.
5. Кирчанов М.В. Конструирова, изобретая и воображая социальную историю Английской революции // *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. 2019. № 2. С. 21 – 27.
6. Cronin J. *Creating a Marxist Historiography: the contribution of Hobsbawm* // *Radical History Review*. 1979. Vol. 19. No 1. P. 87 – 109.
7. Adamo P. Christopher Hill e la rivoluzione inglese: itinerario di uno storico // *Società e Storia*. 1990. Vol. XIII. P. 129 – 158.
8. Bounds Ph. From Folk to Jazz: Eric Hobsbawm, British Communism and Cultural Studies // *Critique: Journal of Socialist Theory*. 2012. Vol. 40. No 4. P. 575 – 593.
9. Hill Ch., Hilton R.H., Hobsbawm E. Past and Present: origins and early years // *Past and Present* 1983. No 100. P. 3. P. 3 – 14.
10. Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. L.: Victor Gollancz Ltd – Vintage Books, 1963. 960 p.
11. Trevor-Roper H. The General Crisis of the Seventeenth Century // *Past and Present*. 1959. No 16. P. 31 – 64.
12. Hobsbawm E.J. *The Crisis of the Seventeenth Century* // *Crisis in Europe 1560 – 1660* / ed. T. Aston. L.: Routledge, 1965. P. 5 – 58.
13. Hill Ch. *The Century of the Revolution*. L.: W.W. Norton & Company Inc., 1961.
14. Hill Ch. *The English Revolution, 1640*. L.: Lawrence and Wishart, 1940. 64 p.
15. Hill Ch. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. L.: Seeker & Warburg, 1964. 464 p.
16. Hill Ch. *Puritanism and Revolution: Studies in Interpretation of the English Revolution of the 17th Century*. L.: Secker & Warburg, 1958. 380 p.
17. Hill Ch. *Intellectual Origins of the English Revolution*. L.: Clarendon Press, 1965. 440 p.
18. Hill Ch. *God's Englishman: Oliver Cromwell and the English Revolution*. L.: Dial Press, 1970. 324 p.
19. Hill Ch. *A Nation of Change and Novelty: Radical Politics, Religion and Literature in Seventeenth-Century England*. L.: Bookmarks, 1995. 224 p.
20. Hill Ch. *The English Bible and the Seventeenth-Century Revolution*. L.: Penguin Book, 1992. 480 p.
21. Hill Ch. *The World Turned Upside Down: Radical Ideas During the English Revolution*. L.: Penguin Book, 1972. 432 p.
22. Brenner R. Agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe // *Past & Present*. 1976. Vol. 70. No 1. P. 30 – 75. DOI: <https://doi.org/10.1093/past/70.1.30>
23. Brenner R. The Agrarian Roots of European Capitalism // *Past & Present*. 1982. Vol. 97. P. 16 – 113.
24. Postan M.M., Hatcher J. Population and Class Relations in Feudal Society // *Past & Present*. 1978. Vol. 78. P. 24 – 37.
25. Wunder H. Peasant Organization and Class Conflict in Eastern and Western Germany // *Past & Present*. 1978. Vol. 78. P. 48 – 55.
26. Hilton R.H. A Crisis of Feudalism // *Past & Present*. 1978. Vol. 80. P. 3 – 19.
27. Croot P., Parker D. Agrarian Class Structure and the Development of Capitalism: France and England Compared // *Past & Present*. 1978. Vol. 78. No 37 – 47.
28. Klíma A. 'Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Bohemia // *Past & Present*. 1979. Vol. 85. P. 49 – 67.
29. Cooper J.P. In Search of Agrarian Capitalism // *Past & Present*. 1978. Vol. 80. P. 20 – 65.

30. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 322 p.
31. Whittow M. Ruling the late Roman and early Byzantine city: a continuous history // *Past & Present*. 1990. Vol. 129. No 1. P. 3 – 29.
32. Whittow M. *The Making of Orthodox Byzantium, 600 – 1025*. Basingstoke: Macmillan, 1996.
33. Bisson T.N. The "feudal revolution" // *Past & Present*. 1994. No 142. P. 6 – 42.

Воронежский государственный технический университет
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и истории
Д.В. Ливенцев
Россия, г. Воронеж,
e-mail: liva2006@yandex.ru.

Voronezh State Technical University
Doctor of historical sciences, PhD in law sciences, professor, professor of the department of philosophy, sociology and history
D.V. Liventsev
Russia, Voronezh,
e-mail: liva2006@yandex.ru.

Д.В. Ливенцев

**ПРИБРЕТЕНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ ЯХТЫ «ДЖИГИТ» ЧЛЕНОМ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ЯХТ-КЛУБА
ГРАФОМ И.И. ЧЕРНЫШОВЫМ-КРУГЛИКОВЫМ**

Во второй половине XIX в. начинается бурное развитие российских яхт-клубов и гребных водноспортивных обществ. Практически в любом губернском городе начинают функционировать яхт-клуб или гребное общество. В столичном Санкт-Петербурге работает Императорский яхт-клуб. Члены данной водноспортивной организации лица правящей императорской фамилии и самые обеспеченные аристократы Российской Империи. Именно упомянутый социальный слой русского общества мог себе позволить приобретение яхты за границей. Научная статья анализирует условия покупки зарубежом яхты «Джигит» членом Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба графом И.И. Чернышовым-Кругликовым. Одновременно характеризуется личный состав яхты «Джигит», купленной за границей графом И.И. Чернышовым-Кругликовым. Помимо этого, рассматриваются малоизвестные страницы становления во второй половине XIX в. водного спорта на территории Российской Империи.

Ключевые слова: водноспортивные общества, Санкт-Петербургский Императорский яхт-клуб, покупка яхты за границей, граф И.И. Чернышов-Кругликов, члены императорской фамилии, маломерные речные суда, Российская Империя, комитет общественной организации, шканечный журнал, высочайшее разрешение, развитие российского водного спорта, обеспеченные аристократы, дальнейшее плавание, аристократический яхт-клуб, губернские яхт-клубы, Варшавский яхт-клуб, Эстляндский Императорский яхт-клуб, Воронежский Петровский яхт-клуб, международный водный спорт.

D.V. Liventsev

**ACQUISITION OF THE YACHT «DZHIGIT»
BY A MEMBER OF THE ST. PETERSBURG IMPERIAL YACHT CLUB
ABROAD BY COUNT I.I. CHERNYSHOV-KRUGLIKOV**

In the second half of the 19th century, the rapid development of Russian yacht clubs and rowing water sports societies began. A yacht club or a rowing society is starting to function in almost any provincial city. The Imperial Yacht Club operates in St. Petersburg, the capital. The members of this water sports organization are members of the ruling imperial family and the wealthiest aristocrats of the Russian Empire. It was the mentioned social stratum of Russian society that could afford to purchase a yacht abroad. The scientific article analyzes the conditions for the purchase of the yacht «Dzhigit» by a member of the St. Petersburg Imperial Yacht Club, Count I.I. Chernyshov-Kruglikov. At the same time, the personnel of the yacht «Dzhigit», bought abroad by Count I.I. Chernyshov-Kruglikov, is characterized. In addition, little-known pages of the formation of water sports in the territory of the Russian Empire in the second half of the 19th century are considered.

Key words: water sports societies, St. Petersburg Imperial Yacht Club, purchase of a yacht abroad, Count I.I. Chernyshov-Kruglikov, members of the imperial family, small river vessels, Russian Empire, public organization committee, ship magazine, highest permission, development of Russian water sports, wealthy aristocrats, long-distance sailing, aristocratic yacht club, provincial yacht clubs, Warsaw Yacht Club, Estland Imperial Yacht Club, Voronezh Petrovsky Yacht Club, international water sports.

В последние десятилетия российские историки обратились к теме становления и развития дореволюционных водноспортивных обществ. Достаточно привести монографию А.О. Коробчука, в которой он исследует повседневную жизнь членов Воронежского петровского яхт-клуба [8].

В ряде научных публикаций А.Т. Девяткина обратилась к теме развития водноспортивных обществ на территории Варшавского генерал-губернаторства. Прежде всего, Варшавского речного яхт-клуба [3] и Варшавского гребного общества [2].

С.Н. Копылов исследовал следующие вопросы, связанные с историей Эстляндского императорского яхт-клуба:

- Развитие инфраструктуры водноспортивного общества [7].
- Организация спортивных мероприятий [6].
- Международные контакты членов водноспортивного общества [5].

Однако самое ключевое место в истории отечественного дореволюционного водного спорта занимал Санкт-Петербургский Императорский яхт-клуб. В него входили представители императорской фамилии и лучших аристократических родов Российской Империи. Здание Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба стало настоящим столичным центром политической и культурной жизни. (Рис. 1)

Истории дореволюционных водноспортивных организаций уделяли внимание такие современные ученые как С.Н. Копылов [2] [3], А.О. Коробчук [4] и Д.В. Ливенцев [5]. Все их научные труды затрагивали проблемы истории Воронежского Петровского яхт-клуба и Эстляндского императорского морского яхт-клуба.

Варшавский речной яхт-клуб являлся одним из самых популярных водноспортивных обществ Привислинского края Российской Империи. Ежегодно правление водноспортивной организации проводило различные состязания. Среди спортсменов Варшавского речного яхт-клуба существовал негласный список лучших гребцов и рулевых. (Рис. 1)

**Здание Санкт-Петербургского
Императорского яхт-клуба**

В состав комитета Санкт-Петербургского речного яхт-клуба входили:

- Великие князья.
- Представители аристократии.
- Высшие чиновники.
- Адмиралы и офицеры флота.
- Иностранные дипломаты.

Достаточно сказать, что первым почетным председателем Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба являлся великий князь Константин Николаевич. (Рис. 2)

Первый почетный председатель Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба, великий князь Константин Николаевич

Именно члены Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба могли себе позволить приобретать яхты за границей, для участия в морских дальних походах и водноспортивных мероприятиях.

Одним из таких членов элитного водноспортивного общества был граф И.И. Чернышов-Кругликов. Именно он запросил в 1867 г. помощи у председателя и командора Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба в приобретении за границей яхты «Джигит». В свою очередь, председатель и командор водноспортивного общества поддержали просьбу графа И.И. Чернышова-Кругликова и направили ходатайство на имя императора Александра II.

В результате 24 апреля 1867 г. (дата по старому стилю – Авт.) графу И.И. Чернышову-Кругликову по представлению на имя императора от Александра II от комитета Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба позволили высочайше приобрести за границей яхту «Джигит» [1, л. 1]. Естественно, в этом была большая заслуга председателя и командора элитной водноспортивной организации. (Рис. 3)

**Форма командора Санкт-Петербургского
Императорского яхт-клуба**

Надо отметить, что граф И.И. Чернышов-Кругликов приобретал мореходную яхту «Джигит» не только для спортивных соревнований в Санкт-Петербургском Императорском яхт-клубе, но и для дальних морских походов.

Практически сразу после покупки мореходной яхты 8 июля 1867 г. (дата по старому стилю – Авт.) комитет Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба уведомил графа И.И. Чернышова-Кругликова о разрешении на заграничное плавание для его частной яхты «Джигит». При этом последовала просьба к владельцу маломерного мореходного судна после завершения дальнего похода яхты «Джигит» предоставить комитету Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба шканечные журналы [1, л. 2].

В дальний поход яхта «Джигит» отправилась с экипажем в следующем составе:

- Владелец судна граф И.И. Чернышов-Кругликов.
- Официальный капитан судна на должности шкипера Ингвар Даревич.
- Штурман Петр Дунке.
- Матрос Христиан Борман.
- Юнга Иоганн Шеффель.
- Юнга Иоганн Даревич.
- Тиммерман (старший корабельный плотник – Авт.) Андрей Блюмберг [1, л. 3].

В итоге экипаж яхты «Джигит» в дальнем плавании включал шесть человек и владельца маломерного судна. Надо сказать, что яхта «Джигит» вошла в судовой состав Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба, в котором были:

- Мореходные яхты.
- Спортивные яхты.
- Прогулочные яхты.

- Спортивные гребные суда.
- Спортивные прогулочные суда. (Рис. 4)

**Суда Санкт-Петербургского
Императорского яхт-клуба**

Таким образом, Санкт-Петербургский Императорский яхт-клуб являлся во второй половине XIX в. настоящим центром столичной светской и политической жизни. Члены водноспортивной организации принадлежали к высшим слоям общества Российской Империи. Представители богатых аристократических фамилий могли себе позволить приобретать маломерные мореходные суда за границей.

Именно к такому обществу и при надлежал граф И.И. Чернышов-Кругликов. Нельзя не отметить, что приобретением судна за рубежом и своими морскими дальними походами русский аристократ пропагандировал развитие отечественного водного спорта во второй половине XIX в. (Рис. 5)

Граф И.И. Чернышов-Кругликов

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1713. Оп. 2. Д. 118.
2. Девяткина А.Т. Водносportивные общества Варшавского генерал-губернаторства (к постановке проблемы исследования) // Рубежи истории. – № 5(17). – 2021. – С. 11 – 15.
3. Девяткина А.Т. Спортивные соревнования в Варшавском речном яхт-клубе в сезоне 1891 – 1892 гг. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – № 4(37). – 2023. – С. 40 – 46.
4. Девяткина А.Т. Природные условия деятельности Варшавских водносportивных обществ во второй половине XIX – начале XX вв. // Аграрная история. – № 16. – 2023. – С. 19 – 26.
5. Копылов С.Н. Конфискация судов иностранных подданных у российских яхт-клубов во время Первой мировой войны // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 1 (66). – С. 60 – 65.
6. Копылов С.Н. Организация управления Ревельской гавани Эстляндского морского яхт-клуба // Рубежи истории. – 2020. – № 6(12). – С. 27 – 30.
7. Копылов С.Н., Ливенцев Д.В. Развитие Эстляндского морского яхт-клуба в конце XIX в. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 1 (57). – С. 63 – 67.
8. Коробчук А.О. Воронежский Петровский яхт-клуб (1875 – 1917 гг.). – Воронеж, 2014. – 96 с.

УДК 94 (470)

*Воронежский государственный педагогический университет
студент Гуманитарного факультета
А. С. Некрасова
Россия, г. Воронеж,
e-mail: molot.tora@mail.ru
Воронежский государственный педагогический университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
А. М. Ипатов
Россия, г. Воронеж,
e-mail: molot.tora@mail.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
student of the Faculty of Humanities
A. S. Nekrasova
Russia, Voronezh,
e-mail: molot.tora@mail.ru
Voronezh State Pedagogical University
PhD in History, Associate Professor of the Department of Russian History
A. M. Ipatov
Russia, Voronezh,
e-mail: molot.tora@mail.ru*

А.С. Некрасова, А.М. Ипатов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ПРОВИДИЦЫ (ВЕЛЬВЫ) В ГЕРМАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье предпринята попытка проанализировать трансформацию образа провидицы (вельвы) в германской традиции с языческих времен до принятия и утверждения христианства. На основании детального исследования ряда источников и историографических исследований авторы приходят к выводу о том, что в языческую эпоху вельвы занимали почетное место в древнегерманском обществе, их знания считались превосходящими знания верховного бога Одина, а предсказания вызывали доверие и внимательное отношение. Однако по мере христианизации германских племен постепенно происходит изменение образа провидицы с положительного в отрицательный. Чаще всего их деятельность начинают ассоциировать с колдовством, демоническими способностями, поэтому в христианскую эпоху авторитет провидиц окончательно со временем исчезает и они, напротив, воспринимаются как отрицательные фигуры в обществе.

Ключевые слова: вельва, провидица, германская традиция, почитание, демонизация, язычество, христианство.

A.S. Nekrasova, A.M. Ipatov

TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF THE SEER (VELVA) IN THE GERMAN TRADITION

The article attempts to analyze the transformation of the image of the seeress (velva) in the German tradition from pagan times to the adoption and establishment of Christianity. Based on a detailed study of a number of sources and historiographical studies, the authors conclude that in the pagan era, the Velvas occupied an honorable place in ancient German society, their knowledge was considered superior to that of the supreme god Odin, and predictions aroused trust and attention. However, as the Germanic tribes Christianized, the image of the seeress gradually changed from positive to negative. Most often, their activities begin to be associated with witchcraft and demonic abilities, therefore, in the Christian era, the authority of seers finally disappears over time and they, on the contrary, are perceived as negative figures in society.

Key words: velva, seeress, Germanic tradition, veneration, demonization, paganism, Christianity

С древнейших времен образ женщины-провидицы занимал важнейшее место в религиозной жизни германских народов, однако его историческая судьба является весьма сложной и неоднозначной.

Основная проблема исследования заключается в противоречии между изначальным сакральным статусом вельвы в германском языческом обществе и её последующей демонизацией в эпоху христианства, что привело к кардинальной трансформации образа. Это противоречие проявляется на нескольких уровнях: в изменении социального статуса (от уважаемой провидицы – к преследуемой ведьме), в трансформации религиозных представлений (от сакрального знания – к посланникам дьявола) и в культурном восприятии (от религиозного практика – к демоническому образу).

Изучение процессов адаптации древних образов в массовой культуре служит ключом к пониманию как ушедших эпох, так и культурных тенденций современности.

Цель настоящего исследования заключается в анализе трансформации образа провидицы (вельвы) в германской культурной традиции от эпохи язычества до христианизации. Объектом исследования выступает образ женщины-провидицы в его историческом развитии, а предметом – специфика и причины его трансформации в различные периоды.

В основе исследования лежит предположение, что трансформация образа вельвы представляет собой не просто следствие смены религиозных верований, а отражает более глубокий процесс изменения отношения к иным формам сакрального знания в ходе христианизации Европы. При этом исходный архетип сохранил свою культурную значимость в различных исторических контекстах.

В языческом обществе женщина-прорицательница – это сакральная фигура, стоящая над обычными людьми. Она являлась каналом связи с высшими силами, а её пророчества имели судьбоносное значение.

Вельва обладала даром всеведения, её знания были абсолютны. В одном из разделов «Старшей Эдды» под названием «Прорицание вельвы», в котором по авторитетному мнению одного из крупнейших отечественных скандинавистов А.Я. Гуревича, прослеживается не только генезис, но и конец мира [1, с. 150] указывается, что провидица существует вне времени, она дитя первозданных сил, которые были до богов: «Великанов я помню, рожденных до века, породили меня они в давние годы» [2, с. 183]. Ничто не способно укрыться от провидящего взора вельвы, даже тщательно скрываемые секреты верховного бога Одина: «Знаю я, Один, где глаз твой спрятан: скрыт он в источнике славном Мимира!» (Прорицание вельвы. 28.) Это демонстрирует, что её знания превосходят даже знания владыки Асгарда, мира богов. Она не просто пророчица, она – хранительница тайн, перед которой бессильны даже боги. Вельва видит прошлое, настоящее и будущее, для нее время – это единый поток. Она вспоминает первую войну между богами – асами и ванами, описывает состояние мира на данный момент, предвидит гибель всех богов в последней битве под названием Рагнарек [2, с. 185–189].

Таким образом, вельва предстаёт всеведущей провидицей, чьи знания превосходят даже мудрость Одина. Она является хранительницей всех тайн, видит прошлое, настоящее и будущее.

Вельвы проводили ритуалы (сейд), которые представляли собой организованное действие, где каждый элемент имел сакральное значение. «Сейд позволял определить участь человека и проконтролировать будущее; с помощью сейда можно было причинить другим несчастья и болезни, забрать у кого-то силу и разум и передать другому» [3, с. 131]. Одежда и инструменты провидицы были не просто элементами повседневного убранства и обихода, а магическими артефактами, обозначающими её статус и связь с потусторонними силами. В «Саге об Эйрике Рыжем» есть детальное описание образа пророчицы. Вельва Торбьерг была одета в синий плащ с поясом из трута; на нём висел большой кошель, в котором женщина хранила зелья, нужные для ворожбы; на шее у неё были стеклянные бусы, на голове черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом. Она была обута в мохнатые башмаки из телячьей кожи, а на руках были перчатки из кошачьего меха. В руке она держала посох с набалдашником, оправленным желтой медью и усаженным самоцветными камушками. [4, с.

110] Одежда вельвы часто была сделана из меха и кожи животных, что создавало некое единение провидицы с природой. Облачение отделяло её от обычных людей, сообщало о готовности к общению с высшими силами. Ритуальная практика вельвы требовала подготовки и участия помощников. Для начала провидицу нужно было правильно встретить, подготовить для неё почётное сиденье с подушкой, которая должна быть набита куриными перьями.

Во время трапезы у вельвы должны быть особые приборы – ложка из желтой меди и нож с обломанным острием и рукоятью из моржовой кости. Перед началом ритуала она просила женщин спеть вардлок, то есть песню, необходимую для ворожбы. Качество исполнения напрямую влияло на эффективность сейда [4, с. 111]. Ритуальная практика вельвы – от ее особого облачения до подготовки обряда с помощниками – представляла собой сложное сакральное действие, где каждый элемент служил для обозначения статуса провидицы и соединения с потусторонними силами.

Вельва в германском языческом обществе обладала высоким авторитетом и влиянием. Например, в «Саге об Эйрике Рыжем» провидица Торбьерг предстает почетным гостем на различных пирах, люди приглашали её к себе, существовал специальный ритуал приема таких женщин [4, с. 112]. Знаменитый древнеримский историк Тацит писал: «Германцы думают, что в женщинах есть нечто священное и вещее, они не отвергают их советов и не оставляют без внимания их прорицаний» [5, с. 462]. Они стали считать некоторых из женщин богинями, в частности некую Веледу, бывшую провидицей у бруктеров, одного из германских племен. При этом отечественный исследователь Н.А. Ганина указывает на существующие в историографии предположения, что Веледа – это не имя собственное, а скорее термин, который и переводится с кельтского языка как «провидица»; то есть германцы переняли его у кельтов и стали обозначать в эпоху поздней античности так своих пророчиц [6, с. 274]. Чтобы Веледа внушала еще большее благоговение, ее скрыли от людских взоров. Она жила в высокой башне, а задавать ей вопросы можно было только через одного из родственников [7, с. 733]. Якоб Гримм обращал внимание на важную деталь: «В присутствии Веледы заключались соглашения; она не только пророчествовала, но и разрешала народные споры, вводя принятые решения в действие» [8, с. 688].

С приходом христианства статус вельвы заметно изменился, так как церковь вела борьбу с пережитками язычества. Из почитаемой провидицы она превратилась в демоническую ведьму. Уже в «Саге об Эйрике Рыжем» показан конфликт между старыми и новыми верованиями. Гудрид отвечает на просьбу исполнить вардлок: «Это такая песня и такой обряд, в которых мне не пристало принимать участие. Ведь я христианка» [4, с. 111].

Трансформация образа вельвы от уважаемой пророчицы к демонизированной фигуре ярко отражена в «Саге о Людях с Песчаного Берега». В ней присутствует несколько женских персонажей, которые отражают трансформацию статуса провидицы и отношения к ней во времена христианизации. Гейррид имеет черты языческой вельвы, но уже в условиях зарождающегося христианского мира. Ей было ведомо многое, она была способна предвидеть опасность и читать знамения, к ней приходили за мудростью, что указывает на ее высокий статус. Несмотря на свою мудрость, Гейррид становится одной из первых жертв трансформации взглядов. Ее знания сразу же трактуются людьми как колдовство, которое в христианстве считается грехом.

Провидицу вызвали на тинг (народное собрание) и обвинили в том, что она ведьма, ночами рыщет по округе и навлекла беду на Гуннлауга [9, с. 36]. Гейррид являлась последней вельвой, чей дар еще был уважаем, но уже вызывал страх и подозрения у части общества.

Появление Торгунны демонстрирует конфликт между старой, языческой магией и силой христианства. Женщина обладала даром предвидения, ей был послан знак – кровавый ливень, который она растолковала как знамение своей скорой смерти. Так и случилось. Торгунна завещала похоронить себя по христианскому обычаю, так как осознавала греховность своей магии и желала очистить душу. Когда те, кто вез ее тело, остановились на

ночлег в хуторе Нижний Мыс, хозяин отказал им в гостеприимстве. Ночью Торгунна воскресла, ее обнаружили за приготовлением еды. Это событие было вызвано неуважением к погребальной процессии. После этого случая, когда тело Торгунны наконец доставили и похоронили в земле Палатного Холма, её дух обрёл покой, и она больше не беспокоила живых [9, с. 105]. Торгунна воплощает в себе могущество языческой магии, которое является источником хаоса и разрушения. Она олицетворяет судьбу язычества в христианскую эпоху – могущественное, но обречённое на исчезновение явление, которое может обрести покой только через принятие христианства и отказ от своей предыдущей жизни. В отличие от уважаемой Гейррид и мистической Торгунны, Торгрим и Катла представляют собой уже вполне сложившийся стереотип «злой колдуньи», чья магия носит исключительно вредоносный характер. Их образы лишены какого-либо намёка на почтение или связь с сакральным знанием.

Прозвище Торгрим – «Колдовская Щека» – прямо указывает на репутацию женщины. К ней обращаются для совершения конкретного злого деяния. Её колдовство – это товар или услуга, которую можно купить за деньги. После смерти Торгрим становится одной из восставших мертвецов, которые не давали жизни хутору [8, с. 108–109]. Это окончательно закрепляет за ней образ носительницы нечистой силы, не знающей покоя даже после смерти.

Образ Катлы развивает черты Торгрим. Она не только практикует вредоносную магию, но и активно использует её для обмана и сокрытия преступления. Катла владела силой создания иллюзий, она использовала её, чтобы спрятать своего сына Одда, виновного в нанесении увечья. Противостоять магии Катлы оказалась способна только Гейррид, благодаря которой колдунья была поймана. Приговорённая к казни Катла не раскаивается, а открыто признаётся в своих злодеяниях и насылает проклятие [9, с. 49].

Торгрим и Катла представляют собой следующий после Гейррид и Торгунны этап демонизации. Их образы окончательно лишены какого-либо положительного или сакрального содержания. Они уже не провидицы и не носительницы древней мудрости, а воплощение зла, которое подлежит суду и уничтожению в христианском мире.

В христианскую эпоху уважительный термин «вельва» постепенно исчезает, заменяясь уничижительными и демонизирующими понятиями. К примеру, в «Саге о Людях с Песчаного Берега», когда герои приходят с обыском к Катле, Гейррид называют уничижительным прозвищем «троллиха», которое подчёркивает её связь с нечистыми силами [9, с. 49]. В христианские времена вытеснялась и языческая терминология.

Трансформация общественного отношения к провидицам и магии привела к законодательному закреплению запрета на колдовство. В сборнике правовых обычаев, отредактированных королем Магнусом Исправителем Законов, которые действовали в области Гулатинга, в юго-западной части Норвегии, колдовство ставится в один ряд с такими преступлениями как воровство и убийство. «Все гадатели и все вызыватели троллей, тем самым служащие язычеству, а также люди, превратившиеся в летающих колдунов, чтобы убивать людей, с которыми у них нет никаких тяжб, и присваивать их добро. Все они расстанутся с жизнью...» [10, с. 50]. Иными словами, наказанием за колдовство становилась смертная казнь.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что трансформация образа женщины-провидицы в германской традиции представляет собой сложный, многоуровневый процесс. Кардинальное изменение статуса вельвы от почитаемой пророчицы до преследуемой ведьмы не было простым следствием смены религиозных верований, а отразило пересмотр отношения к сакральному знанию в ходе христианизации Европы. В языческий период вельва обладала высоким авторитетом – её всеведение превосходило даже мудрость Одина, а ритуальные практики представляли собой сложную систему взаимодействия с потусторонними силами.

Однако христианизация привела к демонизации образа вельвы: сакральное знание стало колдовством, связь с высшими силами переросла в служение дьяволу, а статус

трансформировался от почитаемой пророчицы до преследуемой ведьмы. Образ последовательно вытеснялся через законодательное запрещение и замену уничижительными понятиями («троллиха», «ведьма»). Этот процесс нашел свое отражение не только в литературных источниках, где мы наблюдаем трансформацию от еще уважаемой Гейррид через мистическую фигуру Торгунны к демоническим образам Катлы и Торgrim, но и в законодательстве, где колдовство было приравнено к тяжким преступлениям.

Таким образом, исследование демонстрирует как смена религии приводит к пересмотру отношения к альтернативным формам духовного знания. Христианская вера не могла допустить существования иных источников духовного авторитета, в результате чего древний архетип теряет свое сакральное содержание и становится символом враждебной, подлежащей уничтожению силы.

Библиографический список

1. Гуревич, А. Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов / Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 148–157.
2. Старшая Эдда / Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Вступ. статья А. Я. Гуревича. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 181–356.
3. Торп, Б. Нордическая мифология. – М.: Вече, 2008. – 560 с.
4. Сага об Эйрике Рыжем / Исландские саги. Ирландский эпос / Вступ. статья М. И. Стеблин-Каменского. – М. Художественная литература, 1973. – С. 105–127.
5. Тацит, К. О происхождении германцев и месторасположении Германии / Анналы. Малые произведения. История. – М.: АСТ, Ладомир, 2003. – С. 458–482.
6. Ганина, Н. А. Германские провидицы в эпоху Римской империи / Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – М: Индрик, 2005. – С. 270–281.
7. Тацит, К. История / Анналы. Малые произведения. История. – М.: АСТ, Ладомир, 2003. – С. 522–765.
8. Гримм, Я. Германская мифология: в 3 т. Том 1. – М.: Издательский дом ЯСК, 2019. – 928 с.
9. Сага о людях с Песчаного Берега / Исландские саги: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 23–129.
10. Панкратова, М. В. «Законы Гулатинга» в редакции короля Магнуса Исправителя Законов [Электронный ресурс] // URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/YsSPbIMfYvmqngKfN-rHamDzO_zSVSBv0dg1KDa8D4jGu0-MEr5UMYnHjvCoJQyprkQU54YOo3JPaFE_hApp948mqQcCXu3St57za8Je2jAHvrrwo_k/Landslov__Pankratova.pdf (дата обращения 21.01.2026).

УДК 93

*Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и историко-культурного
наследия
О.Г. Некрылова
Россия, г. Елец,
e-mail: nekrylova_80@mail.ru*

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History and
Historical and Cultural Heritage
O.G. Nekrylova
Russia, Yelets,
e-mail: nekrylova_80@mail.ru*

О.Г. Некрылова

РАБОЧИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОЛЕТАРИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР В 1920-1930-е ГОДЫ

В статье автор рассматривает основные этапы становления и развития рабочих факультетов в истории советского образовательного пространства. Рабфаки, созданные в первые революционные годы, стали очередной попыткой большевистского правительства в кратчайшие сроки решить проблему подготовки квалифицированных рабочих кадров, исключительно из пролетарской среды, что стало причиной падения уровня и качества подготовки в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: История России, советская система высшего образования, рабочие факультеты, пролетарская среда, «красный студент».

O.G. Nekrylova

WORKING FACULTIES AS AN INSTRUMENT OF PROLETARIANIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE USSR IN THE 1920-1930S

In the article, the author examines the main stages of the formation and development of working faculties in the history of the Soviet educational space. Rabfaki, created in the first revolutionary years, became another attempt by the Bolshevik government in the shortest possible time to solve the problem of training qualified workers, exclusively from the proletarian environment, which caused a drop in the level and quality of training in higher educational institutions.

Key words: History of Russia, Soviet system of higher education, working faculties, proletarian environment, "red student."

Системы высшего образования, как и все общественно-политическое и экономическое пространство России после событий Октября 1917 года, подверглась кардинальному реформированию. Лидер большевистского государства В.И. Ленин, после назначения А.В. Луначарского на пост Наркома просвещения, поставил перед ним задачу «расширить доступ в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодежи» [7, с.10]. 2 августа 1918 года был опубликован Декрет Совет Народных Комиссаров (далее СНК), который провозгласил право «поступления в число слушателей любого высшего учебного заведения всем лицам, достигшим 16-летнего возраста, независимо от пола, без предъявления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо другой школы» [11, с.56].

Взимание платы за обучение отменялось и предусматривалось введение стипендий, особенно обучающимся, из числа рабочих и крестьян. Однако, в первые годы советской власти, выплата стипендий всем обучающимся была в большей степени декларативным лозунгом, чем экономически обоснованным заявлением. Таким образом, приоритет при поступлении в высшие учебные заведения отдавался выходцам из среды пролетариата и крестьянства, что было юридически зафиксировано постановлением СНК. На практике в сентябре 1918 года желающих стать студентами высшей школы, без экзаменов и аттестатов о среднем образовании, при этом получить ещё и отсрочку от призыва в действующую Красную Армию, плюс стипендию, достигло невиданных масштабов. Например, в Московский университет до 2 августа 1918 года было подано 2.632 заявления от абитуриентов окончивших среднюю школу, а после указанной даты, количество заявлений увеличилось до 5.892, и преимущественно от тех, кто не имел аттестата об образовании.

Однако, как показала практика, уже в первые месяцы учебного 1918-1919 года, поступившие в высшие учебные заведения представители пролетарского класса оказались просто не подготовленными для учебы в ВУЗах. По этому поводу Нарком просвещения А.В. Луначарский отмечал: «Пока были лекции, ничего. Отдавят друг другу бока, но слушают, а когда дело дошло до лабораторий, анатомического театра, дело пошло хуже. Пришлось вернуться к тому, чтобы выбирать, потому что само-то лукошко российского высшего образования довольно мелкое и в него не насыплешь сразу всех желающих получить это образование. Стало быть, нужно было выбирать тех, кто нужнее, кто способнее, устраивать проверку» [7, с.44]. По мнению А.В. Луначарского, для всех остальных необходимо было создавать новые формы подготовки, следствием чего стало возникновение рабочего факультета, основанного исключительно на принципах классового приема и получившего в прессе название «кузнеца пролетарских кадров» [2, с. 89].

В начале 1919 года открываются первые факультеты для рабочих, а в сентябре месяце, уже всем руководителям ВУЗов приписывалось не позднее 1 ноября открывать рабфаки, согласно Постановлению Наркомпроса, опубликованному в «Известиях ВЦИК» [9, с.576]. В Постановлении определялись цель создания, права и внутренняя организация рабфаков. Слушатели рабфаков пользовались всеми правами студентов ВУЗов, а комплектование осуществлялось путем отправки на учебу рабочих и крестьян, достигших 16-летнего возраста. А.В. Луначарский происхождение рабфаков охарактеризовал так: «мы подставили к университету пожарную лестницу и сказали: ребята, берите на abordаж» [7,с.44]. Однако революционная инициативность приводила к тому, что еще до выхода указанных документов рабочие из Замоскворечья в количестве около 1000 человек, захватили бывший Коммерческий университет в г. Москве, объявив себя студентами. Охоты «грызть гранит науки», по меткому выражению Льва Троцкого было у них сколько угодно, однако на практике образовательный ценз, будущих «красных студентов», был в среднем ограничен уровнем школ I ступени (начальная школа), а порой и того ниже. Именно поэтому были определены следующие условия: поступающие на рабфаки могли быть приняты только при наличии рекомендаций от органов народного образования, производственных союзов, партийных отделов по деревне, фабрично-заводских комитетов, волостных, уездных и губернских исполнительных комитетов.

В 1920 году разворачивается сеть факультетов для рабочих и крестьян в провинции. В 1920 году занятия проводились уже на 32 рабочих факультетах с числом студентов – 17.000 человек, 60% из которых составляли рабочие, 15% - крестьяне, 10% красноармейцы, 15% - служащие [6, с.46]. Срок обучения в первый период составлял один-два года, но к 1920 году, в виду слабой подготовки и низкого качества получаемых знаний, был увеличен до 3 лет. Позднее создается вечерний рабфак, который стремительно вытесняет дневной, из-за необходимости пролетарской молодежи совмещать работу и учебу.

Окончательное, юридическое оформление рабфаков произошло 19 января 1924 года, когда было подписано «Положение о рабфаках», объединившее в себе все прежнее законодательство [3, Л.3]. 24 марта 1924 года вышло Постановление гласившее, что «приём

студентов во все высшие индустриально-технические учебные заведения РСФСР ограничить исключительно лицами, оканчивающими в 1924 году курс рабочих факультетов» [13, с.1]. Срок обучения, согласно документу, составлял четыре года, и на всех рабфаках вводилось два профессиональных уклона — технический и общественно-экономический. Возраст поступающих повышался до 18 лет, а стаж на производстве, должен был составлять не менее трёх лет. Но что самое важное, в документе законодательно определялся минимальный уровень знаний для будущих абитуриентов [3, Л.4].

В учебных планах рабочих факультетов значительный удельный вес занимали математика, физика, химия, черчение и др. предметы естественного цикла, необходимые для подготовки промышленных кадров. Однако учебные планы до 1921 года отличались пестротой, и, как правило, каждый рабфак имел свой учебный план, не было определенности и в организационных вопросах. Первый съезд рабфаков, в 1921 году утвердил единые учебные планы и определил основные профессиональные уклоны: технический, биологический, и общественно-экономический [14]. Программа рабфаков была достаточно обширная, и вскоре стало понятно, что осилить ее без общеобразовательной подготовки пролетарский студент, просто не сможет, поэтому в 1924-1926 учебных годах она подвергается сокращению. Курс русской литературы, был просто сведен к изучению основ грамматики, биологию и географию свели к ознакомительному курсу, дисциплину «Историю» заменили «Историей классово-борьбы». В 1926 году была введена выпускная проверка знаний для оканчивающих рабфаки.

Правилами приема на рабфаки в 1924-1925 году уже предусматривался обязательный минимум знаний в объеме начальной школы и стаж работы от 3 до 5 лет. В 1926 году ЦК ВКП (б) разослал всем партийным организациям циркулярное письмо «О предстоящем приеме в вузы, рабфаки и техникумы» [8, с.8], в котором указывалось, что зачисляться на них будет наиболее подготовленная в учебном плане молодежь и сам факт командирования не гарантирует поступление на рабфак, так как абитуриенты должны будут пройти академическую проверку.

В январе 1925 года в РСФСР было образовано 64 рабфака, на которых обучалось 30.044 студента (на дневных отделениях – 24.433, на вечерних – 5.611) [8, с.233]. В 1925-1926 учебном году рабфаков было 61, из них 41 – дневных, 6 – вечерних, 14 – объединенных. По социальному составу: рабочих – 17.617, крестьян – 13.221, прочих – 2.400. Как уже отмечалось выше, основным направлением подготовки рабфаковцев было техническое, что отвечало требованиям времени и задачам по подготовке квалифицированных рабочих кадров. Что касается пединституты, то в них, согласно опубликованным источникам, поступало незначительное количество выпускников, например в 1924-1925 учебном году поступило всего 885 человек из 7.400 окончивших рабфаки [5, с.131]. В 1925-1926 учебном году в педвузы было принято 15,8 % выпускников рабфаков [4, с. 166]. По состоянию на 1 сентября 1926 года из 33.438 рабфаковцев на педагогических уклонах (курсах) дневных рабфаков училось всего 1.591 человека [13]. Все эти данные свидетельствуют, что большинство рабфаковцев обучалось на технических уклонах.

В таблице приведены данные о количестве рабфаков и обучающихся в них студентов на протяжении 1920-1927 годов, а также цифры соотношения принятых выпускников рабфаковцев в сравнении с общим приемом в ВУЗы.

Количество рабочих факультетов и обучающихся в них в 1920-1927 гг. и процент поступивших в ВУЗы в сравнении с общим приемом абитуриентов

Учебный год	Количество рабфаков	Количество обучающихся тыс.	Всего принято рабфаковцев в ВУЗы	% по отношению к общему приему в ВУЗы
1920/21	54	18	-	-
1921/22	85	27	-	-
1922/23	108	39	-	-

1923/24	130	46	3870	11
1924/25	113	43	6500	43,3
1925/26	108	47	7320	38,5
1926/27	109	46	5750	28,3

Таким образом, основываясь на выше приведенных данных, можно сделать вывод, что быстрый рост рабфаков в первые три года сменился падением цифр, что свидетельствует о разочаровании как в доступности, так и в предлагаемом профессиональном образовании данных образовательных учреждений. Необходимо отметить, что на протяжении 1920-х годов рабфаковцы сохраняли за собой право первоочередного зачисления в студенты без экзаменов и «классовой» проверки.

В заключение необходимо отметить, что, новая или как принято называть в советской историографии «красная молодежь» получив в годы революции и Гражданской войны немалый боевой опыт, чувствовала себя подлинным гегемоном в новом пролетарском государстве и с подлинной ей революционной решимостью решила получить высшее образование. Из воспоминаний Даниловой А. преподавательницы рабфака при Уральском госуниверситете: «Председатель профкома студент Анфилофьев в ответ на моё замечание по поводу орфографических ошибок в его работе сказал, смотря на меня с сожалением: «И чего Вы, Агния Ивановна, напрасно беспокоитесь: ведь орфографию-то в апреле отменяют».

До 1930 года рабфаки находились в ведении Наркомпроса, а в 1930 году в соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) «О перестройке рабфаков» они были переданы в ведение отдельных наркоматов. Постепенно на базе существовавших ранее отделений рабфаков стали создаваться самостоятельные рабочие факультеты (индустриально-технические, экономические, медицинские, педагогические и т.д.), прикреплявшиеся по «родственному признаку к соответствующим ВУзам. Рабфаки просуществовали до 1940 года и сыграли определенную роль в решении проблемы подготовки кадров советской интеллигенции из пролетарской среды, а также важную роль в политике советского правительства по пролетаризации ВУЗов.

Библиографический список

1. Андреев Д.А. "Красный студент" и политика пролетаризации высшей школы/ Д.А. Андреев // Новое литературное обозрение.- №2 (90).- 2008 - С.45-61
2. Вихирев Н. Итоги и перспективы развития рабфаков/ Н. Вихирев // Красная молодежь. - 1924.- № 2.- С. 89-91
3. ГА РФ Ф. А.-1565. Оп.12. Д. 130.Л.3; Л4
4. Касаткин В. О приеме в вузы в 1925 г. / В. Касаткин // Народное просвещение.- 1925. -№ 10-11.- С. 166-179
5. Нестеров С. О распределении оканчивающих рабфаки по ВУзам / С. Нестеров // Красная молодежь. -1925.- №5.- С.128-134
6. Краткий отчет. Наркомпрос. 1917-октябрь 1920. –М.: Гиз.1920, с.46
7. Луначарский А.В. Ленин и народное образование : Сборник статей и выступлений/ А.в. Луначарский. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. - 167 с.
8. Народное образование в Р.С.Ф.С.Р. [за 1923-24 год] (по данным годовой статистической отчетности местных органов Народного комиссариата по просвещению на 1/VI 1924 года) / Нар. ком. по просвещению. – М.: Долой неграмотность, 1925. - 336 с.
9. О предстоящем приеме в вузы, рабфаки и техникумы // Известия ЦК ВКП(б).- 1926. №23.- С.8-10
10. О Рабочих Факультетах. Ст.381 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР - М.: Управление делами Совета Народных комиссаров СССР .- 1943. -С. 576

11. РСФСР. Народный комиссариат просвещения. Учебно-методический сектор. Типовые учебные планы для рабфаков. – М.; Л. : Учгиз, 1932 - 19 с.
12. Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию / Народный Комиссариат по Просвещению. – М. : Изд. Народного Комиссариата по Просвещению, 1919-1920.- 236с.
13. Статистический сборник по народному просвещению РСФСР. - М. : Нар. ком. по просв. : Гос. изд-во, 1927.- 206с.
14. Циркуляр НКП № 43 «По поводу приема в ВУЗы в 1924 году» // Еженедельник народного комиссариата просвещения. -1924. -№ 8 (29). - С. 1.
15. Ярошевский Т. Учебно-воспитательная работа на рабфаках / Т. Ярошевский // Народное образование.- 1957.- №10.- С. 56-89.

Воронежский государственный технический университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия
П. А. Попов
Россия, г. Воронеж,
e-mail: pavelpopov3000@mail.ru

Voronezh State Technical University
PhD in History, Associate Professor of Composition and Preservation of Architectural and Urban Heritage Chair
P. A. Popov
Russia, Voronezh,
e-mail: pavelpopov3000@mail.ru

П. А. Попов

КАК РАСШИФРОВАТЬ СЛОВО «МОСКВА»?

Данная статья является второй частью исследования, посвященного этимологии топонима *Москва*. В продолжение первой части, где были рассмотрены версии, не принятые топонимикой, далее осуществлен критический анализ «балто-славянской версии», которую топонимика ранее расценивала как наиболее совершенную. Также во второй части историко-археологические и историко-лингвистические данные дополнены доступными историко-географическими сведениями, которых не хватало для комплексного топонимического анализа. Это позволило автору статьи выдвинуть новую гипотезу на славянской языковой основе: слово *Московь* (*Москва*) отражало особенности размывавшегося грунта – глины – и означало «река с глинистыми, вязкими, липкими берегами».

Ключевые слова: топонимика России, историческая топонимика, историческая география, топонимия, комплексные топонимические исследования, слово «Москва», происхождение названия *Москва*.

Р. А. Попов

HOW TO DECIPHER THE WORD «MOSCOW»?

This article is the second part of a study devoted to the etymology of the toponym *Moscow*. Following on from the first part, which examined versions rejected by toponymy, further, a critical analysis of the «Balto-Slavic version», which toponymy had previously regarded as the most perfect, was carried out. Also in the second part the historical and historical-linguistic data are further supplemented by available historical and geographical information, which was lacking for a comprehensive toponymic analysis. This allowed the author of the article to advance a new hypothesis based on Slavic linguistic basis: the word *Moskov* (*Moscow*) reflected the characteristics of the eroded soil – clay – and meant «a river with clay, viscous, sticky banks».

Key words: toponymy of Russia, historical toponymy, historical geography, comprehensive toponymic research, the word «Moscow», the explanation of the name Moscow.

В предыдущей статье была показана главная причина, по которой оказываются несостоятельными многие этимологические версии: несоблюдение комплексного подхода в топонимических исследованиях, а именно игнорирование или неполный учет совместных данных истории, лингвистики и географии, а также невыполнение всех требуемых методик исследований. Именно из-за этого не удавалось расшифровать и топоним *Москва*. Топонимикой не принята «финно-угорская» версия и не полностью принята «славянская» гипотеза, в ее недоработанном виде. Также в первой части нашего исследования были проанализированы летописные первоисточники, в которых упоминается слово «Москва». Полнота и корректность использования летописей – неперемное условие для разгадки слова [1]. Продолжим разработку этой животрепещущей темы не столько ради собственного «нового слова» в топонимике, сколько ради приближения к истине.

**Балто-славянские контакты – на вооружении у топонимики:
доказаны или домыслены?**

Напомню, что типичные научные представления топонимики хорошо отражены в справках, составленных известным топонимистом-лингвистом Г.П. Смолицкой. Она рассматривала в качестве кульминации московской топонимической темы балтскую гипотезу. Точнее, эта гипотеза представлена как балто-славянский путь поиска. *«Наиболее убедительной, но не окончательной, является версия, основанная на балто-славянских языковых контактах»* [2, с. 215].

Основным разработчиком гипотезы был академик В.Н. Топоров – автор обширных исследований по балтским лингвистическим вопросам. На московскую тему у него две главные публикации в специализированных балто-славянских научных сборниках. В 1972 г. вышла первая статья, которая во многом носила сенсационный характер [3]. В 1981–1982 гг. тема получила развитие [4]. Вполне понятно, почему именно эта версия была одобрена традиционной топонимикой. Она отвечала (в прошедшем времени отвечала, ибо сейчас уже не отвечает) на вопрос, у кого славяне могли заимствовать, перенять название в I тысячелетии н. э. Именно такой вариант обожаем нашей топонимикой. В то же время она рисовала компромиссную ситуацию, в которой топонимы вырабатывались совместно балтами и славянами в их контакте. Та же версия позволила удачно отречься от сомнительных финно-угорских этимологий, объявить их устаревшими, ибо был обрисован ареал расселения балтов после финно-угров, взамен них.

При обращении к оригиналам статей Топорова обнаруживается масса материала, не отраженная в топонимических словарях. Любого читателя впечатлит объем проделанной работы, что, безусловно, сказывается и на уважительном отношении к гипотезе. Помимо названия реки *Москва*, представлена обширная группа гидронимов Подмосковья (в их числе – даже микротопонимы внутри города *Москвы*), а также соседних уездов трех бывших губерний: Смоленской, Калужской и Тверской. Даны краткие комментарии: с какими западными гидронимами созвучны наши российские.

Можно увидеть, что В.Н. Топорова вдохновляли на исследование его предшественники, в том числе такой сильный историк и археолог, как В.В. Седов: тот в 1971 г. тоже искал балтские корни русских топонимов по внешней форме слов [5].

Тем не менее, пусть простят меня приверженцы таких исканий, имеем ярко выраженный гадательный способ поиска этимологий – то, чего постоянно не приемлю в своих публикациях. Неудачи, постигающие топонимистов, убеждают: всегда можно найти сходство со словами из многих языков. По существу, обе работы В.Н. Топорова продолжают его широко известную книгу, написанную в соавторстве с О.Н. Трубачёвым: *«Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья»* (1962) [6]. То был труд фундаментальный, но сразу получивший критику современников за формальный подход (сегодня можно с полным основанием сказать: труд лишен комплексного анализа, оторван от других наук). В то же время книга 1962 года подала могучий пример лингвистических гаданий, и именно после нее занялся поиском балтских топонимов В.В. Седов, как бы подтолкнув В.Н. Топорова к продолжению исследований. Таким образом, Топорова и Седова можно считать соавторами балтской гипотезы, хотя они и работали порознь.

Вторая балтская публикация В.Н. Топорова отличается от первой тем, что проведены параллели с археологическими находками и даны карты расселения народов и распространения схожих топонимов. В 1981–1982 гг. была конкретизирована граница, по которой как бы остановилось распространение балтских названий с запада на восток. По Подмосковью эта граница проведена следующим образом: на севере – примерно по линии, соединяющей *Волжское (Иваньковское) водохранилище*, *Истринское водохранилище* и город *Москву*, на юге – по течению *Москвы* до ее впадения в *Оку*. На более восточной территории, по мнению автора, выражен финноязычный компонент, а балтийские следы *«немногочисленны, разрозненны и нередко вообще вызывают сомнение в их надежности»* [4,

с. 4.] Здесь в союзнические работы как раз взяты публикации В.В. Седова; тот устанавливал для топонимов Волго-Окского междуречья примерно такие же рамки.

При этом скорректировано отношение автора к некоторым топонимам: насколько продвинулись на восток «балтские» названия. Он сам назвал «перехлестом» свои первые попытки, а также попытки В.В. Седова причислить к балтоязычным большее число названий.

Симптоматично, что во второй статье Топорова из балтского списка исчезла, например, река *Хатилровка*, поскольку исследователи предложили русскую этимологию. Тем не менее, автор существенно расширил список гидронимов Подмосковья и смежных губерний: в балтоязычности заподозрены 400 (!) названий на основании только лишь гадательного способа поиска. Сюда перешло и большинство топонимов из предыдущего списка 1972 г.

По существу, Г.П. Смолицкой и М.В. Горбаневским уже сразу, в 1982 г., были опровергнуты некоторые этимологии из данного списка. Так, В.Н. Топоров уповал на то, что имя реки *Неглинной* встречается в некоторых документах в виде *Неглимная*, и сходу сопоставлял его с похожим (не идентичным!) балтским корнем *gilm*. Г.П. Смолицкая и М.В. Горбаневский показали, что на самом деле вариация звуков *nn – mn* – исконно древнерусская, присущая не одной губернии, что она происходит при проговаривании именно таких слов, как *глина*, *глиняный*. К *Неглинной*, к этой знаменитой исторической спутнице *Москвы*, мы еще вернемся. Далее, название речки *Пресня* теми же учеными трактовано по-русски как «река с пресной водой» (другие исследователи добавляли: *вкусная, несоленая, чистая вода*, ибо гидроним повторяется на других территориях). *Чечора (Чечёра)* – тоже достаточно распространенный народный географический термин, он расшифрован по-русски как «старое русло реки, ставшее болотом» [7, с. 19, 52]. В дальнейшем славянские этимологии перешли в работы Р.А. Агеевой.

Добавлю: топоним *Чечёра* употреблялся также в *Воронеже* и *Подворонежье*. В самом городе *Чечёры («Чичёры», «Чечёра», «Чичёра»)* – урочище с озером-болотом, а также одноименная улица; за городом *Чечёры* – озера в пойме *Дона*, в его старице. В Воронежском крае дублируются также и названия рек *Матрёлка*, и есть древние аналоги – гидронимы *Мотырь, Матыра* – на славянских территориях. Так рушатся не только предположения об отдельных названиях – рушатся составляющие ареала, обозначенного как балтский.

Получается, принцип помещения названий в балтский ареал был элементарен: сначала отбирались все непонятные слова (которых нет в нынешнем русском языке), а затем внимание уделялось словам, где корни схожи не с финскими основами, а с балтскими.

Какие слова были непонятны? Явно те, которые не представлены в толковом словаре В.И. Даля и в этимологическом словаре М. Фасмера. Но ведь очень многие гидронимы, наподобие «Чечёра», являются совершенно забытыми древнерусскими терминами, давно исчезнувшими из лексикона. Оттого они и кажутся непонятными и чужими.

Уверен: если бы задаться целью, целый ряд других балтоподобных гидронимов также можно было бы давно исключить из списка. Сомнения вызывают, например, названия *Бутень* (по древнерусски «бутить» – значит заваливать), *Вилейка* и *Вилия* (не проверено: возможно, реки попросту виляли?), *Ендова* (в русском языке «ендова» – впадина), *Мошонка* (уменьшительное от «Моховая»?), а также *Боринка, Ворсинка, Ворча, Колоча, Курица, Лосьмина, Осенка, Полея, Репенка, Стеблянка, Чермянка, Чертолино* и многие другие. Нет ни малейшей историко-географической подоплеки. Нет даже попыток найти похожие слова не только на смежном западе, но и на картах других регионов.

Тем не менее, в 1986 и 1987 гг. В.Н. Топоров в сборниках «Балто-славянские исследования» продолжил искать балтские названия в бассейне *Оки*. Была попытка выдать за «балтизм» и гидроним *Ока* (версию не поддержала Г.П. Смолицкая).

Так порождалась та опасность для топонимики, о которой я уже писал в предыдущей статье: имеем огромные пласты не реальных, а смоделированных исходных слов-топонимов,

на которые ориентируются как на устои науки следующие поколения топонимистов. Но они были смоделированы в вопиющем отрыве от комплексного подхода.

И опять повторяю для читателей, убеждаю их: всё «вопиющее» – с точки зрения сегодняшнего этапа топонимики. Это не значит – промахи тех или иных топонимистов, это значит – их находки, их достижения, которые соответствуют прошлым этапам. Но мы должны понимать, что сегодня все достижения требуют аргументированного и дифференцированного пересмотра, а не механического перемешивания.

С одной стороны, В.Н. Топоров явно ориентировался на суждения одного из своих предшественников – историка М.Н. Тихомирова, на его книгу «Древняя Москва (XII–XV вв.)». Сегодня можно уверенно сказать: книга не только замечательная, но и замечательно устаревшая. Первое издание этой книги состоялось еще в 1947 г. – к 800-летию первого упоминания о *Москве* [8]. В начале книги историк разделил названия всех московских рек на непонятные и понятные. Непонятными оказались имена почти всех значительных (длинных) притоков *Москвы*: *Гжелка*, *Иночь*, *Истра*, *Коломенка*, *Колоча*, *Моча*, *Нерская*, *Нудыль*, *Озерка*, *Пахра*, *Пехорка*, *Руза*, *Яуза* и других. По мнению Тихомирова, из 24 названий только 5, может быть, удастся объяснить по-славянски: *Озерна*, *Десна*, *Сходня*, *Северка*, *Городенка*. А если остальные неясны – значит, они дославянские. Вот и весь «метод» отбора, который оказался очень живучим. При этом мелкие реки, напротив, в большинстве своем называются понятно или почти понятно. Например, притоки *Рузы*: *Становка*, *Малиновка*, *Глинка*, *Мутня*, *Рудановка*, *Медведовка*, *Мошонка*, *Хованька*, *Озеранька* и другие. Стало быть, заключил историк, славяне дали им заново свои названия. Конечно же, он заблуждался. И те, и другие названия могут быть славянскими, а насколько они понятны – зависит от времени получения имен. Более ранние гидронимы (не попали в XIX в. в словарь В.И. Даля) могут оказаться самыми древними, давно забытыми словами первых славян. Мелкие реки названы при окончательном освоении местности более поздними людьми, которые говорили на более понятном нам языке, приближенном к языку Даля.

С другой стороны, во второй работе В.Н. Топорова под лингвистические догадки подводится археологическая база (сначала она кажется тщательной). Это достаточно редкое и достойное уважения событие своего времени. Имеем, по существу, интересный дискуссионный фрагмент комплексного анализа, в целом не выполненного. В результате к топонимике были привязаны мнения и результаты исследований таких известных археологов, как П.Н. Третьяков, А.В. Арциховский, Х.А. Моора, Р.Л. Розенфельдт и других. Названо открытие *Троцкого городища* в Подмоскowie, где в нижнем слое нашли финно-угорский материал, а в верхнем – балтский. Этому городищу и был посвящен в 1971 г. научный сборник, где опубликована статья В.В. Седова.

Особое внимание обращено на выводы Р.Л. Розенфельдта, ибо они связаны с приходом славянского населения в бассейн *Оки* на рубеже I и II тысячелетий н. э., то есть примерно за два столетия, которые предшествовали основанию *Москвы* (X–XI века) [9]. Главное, что археология признала появившийся до славян «балтийский фон» древних градов в Подмоскowie. Далее топонимист делает очень значимые выводы, но, к сожалению, именно их не подкрепляет ссылками на должные археологические факты. Автор полагает, что балты не покинули регион после прихода славян, а оставались здесь жить некоторое время, сохраняя свою культуру. Два этноса «сосуществовали». В культурном слое не обнаружено следов «немирной» смены населения, то есть пожаров или разгромов селений.

Такие наблюдения, согласимся, очень важны! Это то, чего не хватает очень многим исследованиям, в которых передача топонимов от одного народа к другому рисуется абстрактно, без указаний, как могли контактировать этносы. Очень хотелось бы увидеть здесь логическое завершение сюжета: что балтские названия реально присутствуют. Да и как автор, много раз опровергавший в своих публикациях домыслы о передаче топонимов от народа к народу, надеялся порадовать читателей случаем, когда передача состоялась.

Увы, я был разочарован, когда внимательнее изучил доводы топонимистов, а также непосредственно труды археологов. Археология придавала балтскому влиянию гораздо меньшее значение, чем топонимика. А ныне, как мы увидим далее, она и вовсе отреклась от этого значения.

Оченьстораживает, что изначально не были названы конкретные датировки (века), необходимые для стыковки балтского и славянского этносов. Да и выражение «балтийский фон» было симптоматично, ибо на городищах получили как бы примесь балтской составляющей к финно-угорскому материалу (к дьяковской культуре), но не отдельную культуру с каким-либо названием. Читатель не найдет в представленных топонимикой аргументах каких-либо фактов насчет того, чтобы балты и славяне жили одновременно и вместе, в кровном родстве, не сменяя друг друга и вырабатывая некий усредненный балто-русский язык.

В.Н. Топоров не приводит не удобные ему выводы Р.Л. Розенфельдта, например, о том, что «подавляющее большинство славянских селищ X–XI вв. в Подмоскowie размещается на новых необжитых местах, в их основании не лежат напластования железного века» [9, с. 11]. Даже если в некоторых многослойных городищах и селищах нижние слои – финно-угорские, а верхние – балтские, эволюционировавшие в славянские, то это должно означать, что некие оставшиеся здесь балты ассимилировали, постепенно приняли культуру славян. И в итоге состоялось утверждение одного доминирующего языка – славяно-русского, а народная речь, рождавшая топонимию, входит в состав языка органически, ни в коем случае не механически. Но и такое допущение делаем на основе старых археологических выводов 1960–1970-х гг., которые к настоящему времени уже скорректированы совершенно не в пользу, а в пику балтской версии.

В.Н. Топоров использовал результаты исследования Р.Л. Розенфельдта, чтобы показать, что славяне пришли в регион гораздо позднее балтов. Но тот прежде всего устанавливал факты поселения именно славян, а не совместного проживания славян с балтами. Если считать *Оку* своеобразным рубежом в славянском освоении местности, то курганы вятичей, насыпанные до 988 г. (есть трупосожжение), обнаружены археологом только к югу от реки, на ее правом побережье, включая юг современной Московской области. К северу от *Оки*, то есть на ее левобережье, подавляющее большинство курганов вятичей и кривичей датируются временем после 988 г. (нет трупосожжения).

Далее встречаем топонимический вывод, сделанный как бы «наоборот»: по топонимии недоказанного происхождения судят о расселении народов. После прихода славян балтийское население будто бы «осталось на своих местах» потому, что «без этого условия сохранение огромной массы балтийских гидронимов <...> было бы совершенно невозможно» [4, с. 4].

Балтская версия обращает особое внимание на балтоязычное племя «голядь». Оно достаточно загадочное. Принято считать, исходя из русских летописей, что оно осталось жить где-то в верховьях реки *Протвы* (левый приток *Оки*), то есть, возможно, между кривичами и вятичами. Кстати, исток *Протвы* находится вблизи истока *Москвы*, на соседнем болоте. Слово «Голядь», мы знаем, стоит на почетном месте в Ипатьевской летописи: упоминается одновременно с *Москвой* под 1147 г. Святослав Ольгович, посланный Долгоруким, пошел в поход на Смоленщину и, очевидно, взял людей из этой группировки. Дословная запись такова: «...и шедъ Святославъ и взя люди Голядь, верхъ Поротве...» [10, с. 240]. Ранее тот же неприятель упоминается под 1058 г.: киевский князь Изяслав Ярославич «побъди Голядь». Стало быть, не такие уж и «мирные» отношения случались у русских с соседями.

А вообще сведений об этой общности чрезвычайно мало. Этноним традиционно считают тождественным названию прибалтийских галиндов по созвучию слов. Археологические следы спорны. В.Н. Топоров находил многочисленные топонимические следы в названиях типа *Голятино*, *Галятино*, *Голяжье*, *Голожье* и других, причем разбросанным по нескольким бывшим губерниям. В Подмоскowie до сих пор есть деревня

Голяди. В каталоге окских рек Г.П. Смолицкой (1976) обнаруживаются *Голядь, Голядянка, Голядинка, Голединыя*.

Этимология каждого ойконима и гидронима требует проверки, изучения. Но, если все они указывают на «голядь», то их происхождение, безусловно, славяно-русское, ибо они розданы для отличия, выделения неславянских объектов от славянских. Таких самоназваний «голяди» не могло быть. И тогда получается, что балтская версия проходит мимо невыгодного ей наблюдения: славяне на достаточно обширной территории дали множество своих имен даже мелким объектам, не «переняв» их подлинные балтские имена у этой самой «голяди».

Кстати, историк И.Е. Забелин считал запись «*взя люди Голядь*» явной опiskeй, так как в некоторых других летописях место «*люди*» стоит слово «*град*» (в Никоновской – «*градъ Голеди*») [11, с. 3]. Со своей стороны выражу сомнение в правильности падежного написания (надо бы «людей Голядь»?). Опять имеем случай, когда летописец, в принципе, мог «споткнуться» о топоним. Впрочем, в настоящее время общепринята другая точка зрения, и не в последнюю очередь – благодаря топонимике.

Версия В.Н. Топорова считает «достойным внимания» «*средоточие балтийских названий в бассейне самой Протвы*». Но список открывает... русская *Чичёра*, что сразу подрывает доверие и к другим гидронимам. Здесь же содержится восхищение тем, что найдены «довольно точные параллели» между московскими названиями и гидронимией *Галиндии* – исторической области Пруссии. Но вот обнаруживаем в списке, например, пару *Lubano – Лубянка* [4, с. 21]. Крепко задумываемся. Ведь Г.П. Смолицкая и М.В. Горбаневский по-другому, по-простому, менее сомнительно истолковывали имя московской площади *Лубянка*: есть новгородский аналог *Лубяница (Лубянка)*, а по-русски луб – «внутренняя кора деревьев», а по словарю В.И. Даля «лубянуть» – значит «твердеть» [7, с. 107].

Не подлежит ни малейшему сомнению, что в балтских названиях и в русских очень много схожего – вплоть до возможности совпадения корней. Что и демонстрируют нам статьи В.Н. Топорова. Невозможно пропустить совпадения *Auzas – Ауза (Яуза), Lamasila – Лама, Ugra – Угра* и т. д. и т. п. Но перед нами иной вопрос, который до сих пор оставлен без качественного ответа. **Как случились эти совпадения? Может быть, дело все-таки в общих индоевропейских корнях,** как это давно утверждал Г.А. Ильинский? [12]. В тех корнях, которые объясняют и головоломку со словом «Дон», рассмотренную нами в 2025 г. [13].

Оттого и счел В.П. Нерознак решенным вопрос о слове «Москва», что он заключил: «*Соответствия же с балтийскими языковыми данными лишь подтверждают общий источник топонимических изоглосс, восходящих, по-видимому, к периоду позднеиндоевропейской общности и времени древних интенсивных славяно-балтийских языковых контактов*» [14, с. 115]. Здесь имеются в виду контакты гораздо более древние, чем предположенное подселение славян к балтам в бассейн *Оки* и итоговое вытеснение славянами соседей.

Категорически не соглашусь со следующим положением балтской гипотезы: якобы в нашем Подмосковье славянский элемент «*внедрялся в уже готовую гидронимическую номенклатуру, занимая свободные ячейки и частично трансформируя, «осваивая» уже имевшийся инвентарь названий*» [4, с. 7]. **Ведь речь не идет об «инвентаризации» славянского языка, о подстраивании его под язык соседей, о его трансформации. И топонимия как живая часть языка, как порождение бытовой речи, как ее важнейшая оболочка, призванная обеспечить повседневное обитание в осваиваемом пространстве, не может быть отделена от всего языка. Повторю, что исключение ее из языка – заблуждение. Если даже славяне были соседями балтов, то их не связывали никакие административные узы. Причины для подчинения соседской географической «номенклатуре» отсутствовали. У себя дома, во дворе, на улице, на лугу, в лесу славяне**

были вольны называть реки так, как хотелось в их семейном кругу или общине и как это было веками принято в их собственном языке.

Отрекаясь от догмы об обязательной «передаче» названий, мы должны признать: **славяне должны были давать многие параллельные названия.** Но и это касательно только того случая, когда славяне реально подселились бы к сильной «номенклатуре» соседей. Увы, они подселились только в допущении топонимистов, а зыбкое допущение цеплялось за прежние, уже устаревшие археологические данные...

В любом случае давайте признаем чрезмерной примитивизацией ситуации тезис о локальном и частичном внедрении славянского языка в сложившуюся иноязычную структуру. На самом деле процесс взаимодействия языков был несравненно более сложным и происходил значительно раньше за счет многочисленных культурных связей народов. Следует обратить более пристальное внимание хотя бы на исследования тех самых археологов, которые давали балтский материал.

П.Н. Третьяков в монографии «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (1966) писал: *«Очевидно, славяне в середине и второй половине I тыс. н. э. отдельными ручейками все дальше и дальше проникали на север. Возможно, что наперерез их движению с запада шла другая, сравнительно незначительная волна славянского расселения <...> В этих условиях целостность территории верхнеднепровских балтов повсеместно была нарушена. В третьей четверти I тыс. н. э. балтийское население в северных областях Верхнего Поднепровья сохранялось в виде отдельных, в большинстве случаев изолированных друг от друга «островов».* Далее автор пишет и о случаях смешения там балтийского и славянского населения: на Смоленщине в славянских курганах в VIII – начале IX в. находят остатки ярко выраженных западных, прибалтийских костюмов. Все же группировка восточных балтов была оттеснена или разгромлена славянами, пришедшими с запада и северо-запада. *«Таким образом, северные области Верхнего Поднепровья были заняты славянами, пришедшими из разных областей – из более южных частей Поднепровья и с запада, от западных славян. О западном происхождении кривичей не раз писали лингвисты...»* [15, с. 280, 283].

Он же о населении Волго-Окского междуречья. Там оставался один из балтских «островов»: *«вплоть до начала II тыс. н. э. (то есть до XI–XII вв.) жили «люди голядь, в которых справедливо видят балтийское племя».* Однако в целом картина была очень сложной и поэтому спорной в деталях. Несомненно, что в первых веках нашей эры из-за расселения на Десне раннеславянских (зарубинецких) племен пришли в движение восточные балты, и была нарушена прежняя граница ареалов балтийских и финно-угорских племен. А после нарушения *«в центральных областях междуречья балтийское влияние охватило среднее течение Москва-реки»*, другие балты спустились *«по течению Волги далеко на восток».* Итак, балты были оттесняемы еще в преддверии окончательного прихода славян в Москворечье. *«Трудно сказать, конечно, насколько велика была роль балтов в этнической истории этих частей Волго-Окского междуречья».* Но в целом не только славяне перенимали что-либо от балтов: *«При этом балты несли с собой в глубины междуречья усвоенные ими отдельные элементы раннеславянской (зарубинецкой) культуры»* [15, с. 286].

В.В. Седов как археолог детально рассматривал взаимодействие дославянских культур, в том числе и на нынешней российской территории, в первые века нашей эры. Так, тушемлинско-банцеровская культура, распространившаяся с конца IV в., состояла из местных днепровских балтов и пришлых славян. Она частично занимала земли Белоруссии и Смоленщины. *«Начался медленный процесс славизации аборигенов, который, по-видимому, не всегда был прямолинейным и завершился только в период древнерусской государственности»* [16, с. 347]. К переселенцам черняховской культуры на Дунае примешивались славяне. Одна из групп черняховцев мигрировала в бассейн Оки, в результате в IV–V вв. тамошняя мощинская культура (частично выявленная и в Москворечье) преобразилась под сильным влиянием нового населения. В.В. Седов считает, что *«вопрос об этнической принадлежности мощинских племен ныне можно считать*

решенным» и называет «голядь, известную по древнерусским летописям», то есть последних легендарных балтов. В то же время он полагает, что археология не имеет возможности определить, «были ли носители черняховской культуры, расселившиеся в бассейне верхнего течения Оки, славянами, или это было полиэтничное население» [16, с. 352].

Когда в остатках той или иной материальной культуры нет письменности, вопросы о языке культуры остаются спорными. Приведенные цитаты тоже, видимо, неоднозначны: в одних случаях выводы неизбежно устарели, в других – находятся в процессе постоянной корректировки. Но я привел их с другой целью: показать, насколько сложны были в древности процессы взаимодействия народов в принципе. Балты и славяне не раз контактировали на других территориях, их языки влияли друг на друга, а не односторонне. И балтская версия еще в 1970–1980-х гг. имела возможность не упрощать ситуацию так, как она ее упростила.

Наконец, посмотрим, каково мнение археологов XXI в. В 2011 г. Н.А. Кренке посвятил монографию одному из самых известных московских памятников – городищу *Дьяково*. Напомню, что оно дало название дьяковской археологической культуре, которую связывают с финно-угорским населением. Ныне городище размещается в черте города. Автор книги сопоставляет последние данные здешних раскопок с материалами, полученными в верховьях *Москвы-реки* – на *Троицком городище*, вокруг которого было так много шума в связи с балтским материалом. В результате в монографии уточняется датировка раннего слоя *Троицкого городища*. Сначала на его месте было небольшое поселение с текстильной керамикой V–III вв. до н. э. Потом после перерыва создается городище. Керамика и стрелы из нижнего слоя сходны с материалом из основания верхнего слоя *Дьякова городища*. Начало *Троицкого городища* датируется не IV–III вв. до н. э., как считалось ранее, а II–I вв. до н. э. Рубеж II–I вв. и означает приход в московский регион с «ближнего запада» нового населения – балтского, ибо непрерывно-эволюционного развития прежней культуры не видно. Но «складывается впечатление, что была не смена населения, а приток мигрантов, который катализировал на месте процесс новой этнической консолидации, выработки новой «культурной нормы».

Далее в I–III вв. новой эры наблюдался благотворный процесс «этнической консолидации населения *Москворечья*». «Однако является большим вопросом, можно ли жителей познедьяковских городищ *Москворечья* считать балтами. В первые века н. э. опять появляется текстильная керамика...». Специфика ювелирных украшений «заставляет думать о каком-то смешанном балтско-финском характере этнической группировки, сформировавшейся на *Москве-реке* в эпоху римских влияний» [17, с. 223–224].

А теперь, читатели, принимайте ключевой для нас финал:

«В финальный период существования дьяковских памятников в Подмосковье (V–VII вв. н. э.) имеются достоверные данные о функционировании поселений в среднем течении Москвы-реки (реперные памятники – городища Успенское, Кунцево, Дьяково) и в бассейне Пахры (городища Кузнечики, Луковня, Щербинское, Борисоглебское). Троицкое городище в верховьях Москвы-реки, по-видимому, не доживает до этого времени».

«В «темные VIII–X вв.» московской предыстории территория не могла быть совершенно обезлюдившей. Дославянская топонимика была бы в таком случае утрачена, а она сохранилась. Однако падение численности населения, видимо, было очень сильным, и предстоят сложные поиски археологического следа жителей края этого времени» [17, с. С. 223–224].

Вот как! Топонимика тешится тем, что археология якобы признала совместную жизнь балтов и славян, а на самом деле археология только собирается вести сложные поиски размытых следов этого времени! Археология фактически кивает на топонимику: мол, это вы сказали нам, что сохранились дославянские названия, а не мы вам!

То же самое и насчет прихода балтов на рубеже II–I вв. до н. э. По существу, Н.А. Кренке имел возможность лишь сослаться на догму топонимики: «вероятно, именно с этой

миграцией связано распространение в Подмоскowie балтской гидронимии, о чем писал В.В. Седов» (1971) [17, с. 223–224]. Позвольте, но как именно могла до нас гидронимика с прошлой эры, если даже в новой эре мы, оказывается, не нашли явных точек соприкосновения?

Тот же Н.А. Кренке еще более определенно высказался насчет периода «темных веков» в справке, опубликованной в «Большой российской энциклопедии». Электронный вариант энциклопедии актуализировался в течение 2004–2017 гг., в результате имеем: «**Преемственность поселений Дьяковской культуры, жизнь на которых прекратилась в 5–7 вв., и славянских памятников, известных в регионе с 10–11 вв., не прослеживается**» [18]. Еще более вольно высказались археологи в популярных видеороликах, размещенных на канале YouTube. Хотя в первые века нашей эры на дьяковскую культуру (то есть на финно-угорский пласт) накладывался балтский элемент, но к моменту прихода славян земля Подмоскowie уже более 300 лет находилась в относительном запустении. По словам Николая Кренке, поля дьяковцев вновь заросли лесами, а, по выражению Александра Сыроватко, если здесь кто-то и жил, то «очень хорошо прятался»!

Выражаясь словами Г.А. Ильинского, сегодняшние заключения археологии наносят «смертельный удар» балтской (балтско-русской) версии вкупе вместе со всеми финно-угорскими. Откуда же мнимая «гидронимическая номенклатура», если на самом деле на дьяковских городищах – интервалы в два-три «темных» века перед славянами? Получается, что в теме соседства балтов и славян в X–XII вв. остается опора лишь на пару летописных упоминаний о «голяди»? С которой славяне враждовали? Что есть лишь предположения насчет наследования «голядь» мощинской культуры, которая официально завершается VII веком, да и то в южной части Подмоскowie, а не в верховьях *Москвы-реки* и *Протвы*?

Не будучи археологом, однозначные ответы на эти вопросы давать все-таки не рискну. Буду доволен, если кто-то поставит другие вопросы и даст на них ответы. Только выполняю свой долг: проверяю надежность аргументов, приводимых топонимикой, а они не выдерживают проверки.

По своей привычке не упускаю никаких вероятностей. Если балтоязычные люди и москвичи-славяне все же местами жили по-соседски и по-дружески, тогда у нас возникает не один очередной вопрос, а несколько. Поскольку топонимы балтов и славян явно похожи, может, соседи по Москворечью находили словесный контакт благодаря многим общим словам, которые издревле были в их языках? Может, отчасти продолжали вырабатывать новые, понятные обеим сторонам, прозвища рек? А может, некоторые названия принадлежат тем балтам, которые ассимилировали в Поочье, вернее, тем потомкам балтов, что превратились в славян, ибо переняли славянскую речь? Но в этих случаях так называемая балто-славянская этимология – она же и есть славянская. А в ином случае – москвичи-славяне порождали большинство гидронимов без оглядки на соседей, пусть даже и зная, что в обоих языках немало общего.

Подчеркну, что случай видоизменения, трансформации некоего названия, похожего на «Москва», в слово «Москва» («Московь») – исключается в силу существования аналогов. Местонахождение аналогов: *Мозгава* в бассейне *Вислы*, *Москава* в бассейне *Одера*, несколько *Московок* в бассейне *Днепра* и т. д. – подтверждает, скорее всего, истину, знакомую еще по «Повести временных лет» – об общем направлении расселения славян с запада на восток. Это генеральное направление (если не вникать в более мелкие перемещения) полностью согласуется с археологическими данными, в том числе и находками, совершенными уже в последние десятилетия. В VIII–IX вв. славяне пришли на территории от *Днепра* до *Оки* и *Дона*, а в X–XII столетиях продолжили там колонизацию земель, совершая **повторы** топонимов.

Теперь понятно, что В.В. Седов излишне доверялся топонимике, которая пыталась (в пределах возможностей того времени) сопоставлять территорию мнимых балтских названий с данными археологии. Но в целом он верно заметил, как топонимика может оказать большую помощь истории, – если отслеживается «*систематическая повторяемость водных*

и иных географических наименований в определенных направлениях». Бесспорной оказывается опять-таки картина общего расселения славян в Восточной Европе. И еще одно замечание В.В. Седова, сделанное, казалось бы, по другому поводу: «Частота славянских названий вод вовсе не говорит о древности заселения славянами этого региона, последние обычно часты для территории бесспорно позднего расселения» [16, с. С. 96–98]. То есть косвенно указывается на важную для нас истину: обычно итоговое славянское население дает большинство собственных названий, а не заимствует чужие.

* * * * *

Посмотрим теперь, какова же лингвистическая модель слова «Москва» у В.Н. Топорова.

Как и в финно-угорских версиях, берется элемент *-ва (-ава)*, опять он трактуется как речной, но уже балтийский. От *Москвы* до *Днепра* отыскиваются гидронимы *Протва*, *Смедва*, *Болва* и другие на *-ва*, а далее к западу наблюдается их переход в типичные для Прибалтики *Даугава*, *Сесава*, *Абава* и др. В основе слова усматривается дублетность (двойственность) *моск* и *мозг (моц)*, а также общность с балтскими *mazg*, *mask*, *mast*.

Сразу возникают очередные каверзные вопросы. Почему же летописный вариант *Московь*, то есть на *-овь*, а не на *-ва* или *-ава*, не рассматривается в качестве третьего основного варианта? Он лишь вынесен в сноску, где, ища выход из положения, автор домысливает: могла существовать исходная форма **Москъва*, из которой вытекали бы *Московь* и *Москова* (помимо *Москва*) [4, с. С. 29]. Разумеется, о пресловутой славянской форме «Москы» здесь речь не идет. Но далее (уже не в сноске) автор предполагает, что главная форма *Москва* стала и осталась славянским вариантом вятичей, ибо именно они окончательно утвердились в районе города *Москвы*, а летописная *Москова* (близкая к некоторым иноязычным формам) принадлежала кривичам [4, с. С. 32]. Что ж, такое разделение на диалекты мне представляется весьма интересным. Но почему разветвление не могло произойти от исходного слова вятичей или кривичей, рожденного без помощи балтов? Любопытно также, отчего варьируются другие подобные слова: *морковь* – *морква*, *церковь* – *церква* – тоже из-за диалектов кривичей и вятичей? Но тогда в русском языке стали основными варианты кривичей, а не вятичей?

Следующий вопрос – от топонимиста А.Л. Шилова. Он касается корня слова: почему в Прибалтике почти нет топонимов на *Mosk-* (*Mask-*), за исключением одного спорного примера? [19, с. 98]. Действительно, почему там определяются только словесные аналогии на *Mazg-* (*Mazgi*, *Mazgeliskiu*), а примеры на *Mosk-* (*Mask-*) приводятся в основном из бассейнов *Днепра* и *Вислы* (то есть они самим автором гипотезы искусственно причислены к балтским, а не славянским, на основании древних балто-славянских контактов)? Кстати, названы такие интересные примеры из польского исследования, как *Moskiew*, *Moskwina*, *Moskowo*.

Как видим, тезис о возможном балтском происхождении слова «Москва» – недостаточно сильное звено в балтской гипотезе! Более сильный здесь – общий гипотетический балтский фон, он и был главным аргументом для причисления к нему слова «Москва». Если разрушить фон, то выдать главное слово за балтское станет невероятно трудным делом.

Конечно, многие «фоновые» названия из четырехсот по-прежнему кажутся балтскими, именно кажутся. И мне как читателю, знакомящемуся с работами столь уважаемых исследователей, тоже кажется это. Но как историка меня совершенно не удовлетворяет факт: не имеем ни одной балтской этимологии, не в теории «гаданий» рожденной, а доказанной на основе исторических фактов, то есть данных, полученных из науки истории. Историк обязан отделить «кажется» от «имеем исторический факт».

Значит, нам потребуется дальнейшее, еще более цепкое углубление в «балтский фон», а именно – проверка непосредственных притоков *Москвы-реки* на балтоязычность их имен.

А в чем видит В.Н. Топоров значение корней *моск-* и *мозг?* Любопытно, что одинаковое значение обоих корней видится и в балтских языках, и в славянских: это нечто «жидкое, мокрое, слякотное, гнилое»; во второй статье добавляется «топкое, вязкое» и в широком смысле – всё «неупорядоченное» (так как корни дают близкие глаголы «ударять, постукивать, убегать»). В итоге касательно *Москвы* автор останавливается на двух предположительных значениях: или «связь с топью, грязью», или «обозначение извилистой, извивающейся реки». Славянские этимологии берутся из словаря В.И. Даля, а также работ М. Фасмера и Г.А. Ильинского. Кроме того, найдены прибалтийские аналогии со значением «узел» в смысле «вязать» (в том числе делать извилистое): литовское *mazgaz*, латышское *megzis*. Здесь же идет отсылка и к русскому названию реки и города *Вязьма*, однако его происхождение опять выходит двояким: то ли от извилистости, то ли от вязкости реки [4, с. 30–31].

Автору делает большую честь, говорит о его настоящей научной добросовестности то, что все его выводы о слове «Москва» сделаны исключительно в предположительной, не окончательной, форме. Вполне очевидно, что он и сам ломал голову над вопросами, заданными выше. Особенно показателен его собственный комментарий к гипотезе в первой статье: «*В свете до сих пор сказанного (то есть балтийского фона гидронимии) балтийские ассоциации названия Москва, возможно, не покажутся излишне смелыми*» [3, с. 230].

Словарь Е.М. Пospelова в оценке этой гипотезы по существу, опять вторил словарю Г.П. Смолицкой: «*В настоящее время широкое распространение получила балтская гипотеза...*». Признавалось право В.Н. Топорова одновременно связывать слово «Москва» с понятиями «топь, грязь» и «извилистость»: «*Обе мотивировки вполне реалистичны: река и начинается в болоте (Москворецкая Лужа или Старьково болото); и напротив Боровицкого холма, где возник город, лежат известные урочища Болото и Балчуг <...> велика и извилистость реки, особенно на участке Лужники – Нагатино*» [20, с. 297].

Выходит, без опоры на географические исследования остается большая двусмысленность в этимологии – и слова «Москва», и абсолютно всех перечисленных аналогов, на каких бы территориях они ни зафиксированы. Каждый россиянин волен выбирать, «пятьдесят на пятьдесят», и понимать, что название столицы разгадано не более чем наполовину. А мы с вами, читатели, понимаем, что в такой составляющей топонимики, как историческая география, не сработал сравнительно-исторический метод – не в полную силу запущена его работа.

Постойте, но тут географические данные еще и банально не стыкуются. У Г.П. Смолицкой *Москворецкая Лужа* – это нынешнее *Михалёвское озеро*, у Е.М. Пospelова – *Старьково (Старьковское) болото*. Даже если вы никогда не бывали в Подмосковье, вам легко убедиться по картам, что это два разных болота. Как же так? С недоразумением будем пристально разбираться ближе к концу исследования.

* * * * *

Прежде чем проверить балтоязычность гидронимов из ближайшего окружения *Москвы-реки*, должен еще сообщить о попытке выдвижения этимологической версии в продолжение балтских работ В.Н. Топорова.

Об этой версии напрочь не упоминают словари Пospelова и Смолицкой. Вполне очевидно, что она сочтена неудачной. Тем не менее, и в ней можно найти рациональные зёрна. Любая несостоявшаяся версия работает в пользу состоявшихся.

Речь идет об обширной статье, которую в 1991 г. опубликовал инженер и член краеведческого клуба «Москва» Б.М. Тюльпаков в престижном журнале «История СССР» [21]. Она привлекает внимание подробным изображением исторической картины: как взаимодействовали в районе будущего города *Москвы* различные этнические группы. Автор, вдохновленный анализом В.Н. Топорова, попробовал сделать собственный уклон в детализацию археологических данных.

Опять-таки опираясь на публикации Р.Л. Розенфельдта (его фамилия указана неточно: Розенфельд), автор сообщает, что в западном Подмоскowie в целом было выявлено около 130 городищ раннего железного века. В представлениях тех лет, их можно было разделить на три группы: дьяковской культуры (финно-угорский материал), двухслойные дьяково-балтские и трехслойные, где в третьем слое есть славянская культура (об интервале между слоями, разумеется, умалчивается). В целом около 60% процентов городищ содержало «балтский материал». Б.М. Тюльпаков полагал, что к концу V в. население дьяковской культуры было насильственно вытеснено балтами. Понятно, что использованные археологические данные уже безнадежно устарели (см. статью Н.А. Кренке). Но это не самое страшное.

Хуже, что делались выводы, так сказать, «наоборот». Немирное оттеснение балтами дьяковских племен якобы подтверждается ареалом распространения балтских топонимов и исчезновением там финно-угорских. А почему *Москва* для балтов играла более важную роль, чем для дьяковского населения? В этом тоже якобы «убеждают дошедшие до нас многочисленные балтские топонимы...». Надо бы доказать на основе известных фактов о жизни населения, что топонимы сохранились. Вместо этого из недоказанной, мнимой топонимии вытекают суждения о жизни населения. Но мы уже увидели, что современная археология допускает даже смешанную балтско-финскую этническую группу.

Краевед подмечал, что к VIII в. из-за вторжения славянского племени кривичей в Верхнее Поднепровье западный ареал обитания балтов оказался отрезанным от восточного. На востоке, в районе Подмоскovie, автор указал «реликтовую» группу – «голядь». Он разместил ее в верхнем течении *Москвы-реки* и по *Протве*. Опять на примерах из летописей продемонстрированы недружественные отношения русских князей и «голяди» и сделано предположение, что именно после похода Святослава Ольговича голядь перестала существовать как самостоятельный этнос.

Удачно наблюдение, что большинство дославянских городищ выявлены в среднем течении *Москвы*. Стало быть, именно туда (а не в низовья реки) в первую очередь стекалось население из-за удобств жизни. Однако явно устарел схематический рисунок, на котором автор очертил расселение неких балтов, соседей голяди, в XII в. Балты показаны уже попавшими в зону влияния Ростово-Суздальского княжества. Автор был вынужден слишком смело предположить, что они платили дань русскому князю.

Далее на основе археологических трудов Т.Н. Никольской, А.В. Арциховского, Е.И. Горюновой показаны колонизационные потоки славян. Допустим, что кривичи, пришедшие с запада, в IX–XI вв. оставили курганы в северной и восточной части нынешнего Подмоскovie. Пусть их курганы как бы дугой обогнули с востока современную территорию города *Москва*, не зайдя в город. По той же версии вятичи двигались с юга и заняли бассейн *Оки* в два этапа. Земли Верхней *Оки* (вне пределов нынешней Московской области) – в VIII–IX столетиях. Западную часть Подмоскovie – лишь с XII в. Что из этого вытекает?

Описание славянской колонизации оборвалось как бы на самом интересном месте. Так в каком же течении *Москвы-реки*, в верхнем, среднем или нижнем, обосновались славяне раньше всего или больше всего? Что случилось с тем местом в среднем течении, где создан одноименный город?

Автор почему-то не использовал капитальный труд В.В. Седова «Восточные славяне в VI–XIII вв.» (1982) [22], где даны подробные карты с детальным показанием всех славянских археологических памятников, включая бассейн *Оки*. Оттуда видно, что примерную границу, отделявшую кривичскую и вятическую территории, лучше проводить не по дуге, а по реке *Москве*, как и указывал А.В. Арциховский. Однако к картам В.В. Седова вернемся позже, ибо сейчас они, в общем-то, не пригодятся. Оказывается, сложная картина этнических процессов дана Б.М. Тюльпаковым не столько для детализации, собственно, картины, сколько для показа большой роли реки *Москвы* во всех процессах. Из этой роли он пытается вывести смысл слова «*Москва*», принимая, однако, как аксиому, что оно балтское, то есть безраздельно веря в балтскую теорию.

Автор отвергает такие предложенные до него объяснения корня, как нечто «жидкое», «топкое», «слякотное», ибо они достаточно безадресны и не могут определять, отличать крупные реки и их притоки. Что ж, соглашусь с этим!

В результате у краеведа остаются значения «гнилая, болотистая река», и он недоумевает, как могло быть присвоено такое название (пусть даже по реке) знаменитому городу. Здесь автору уже можно возразить. Во-первых, названия рек банально просты (с этого я и начал исследование). Во-вторых, смысловые оттенки названия, даже связанного с болотом, теоретически могли быть положительными. Нельзя исключать, например, ориентацию рек на болота (значение будет не «гнилая и болотистая», а «связанная с болотом»). Болотные заросли были для древних славян местом охоты и сбора ягод. А сказочный мир болот, без которого трудно представить народный эпос, с детства знаком каждому человеку.

Далее Б.М. Тюльпаков предлагает этимологию исходя из того, что река *Москва* служила «связующим звеном <...> системы водных путей для этнического расселения, передвижений и освоения междуречья *Оки* и *Волги*». Он выбирает значение из балтийской лексики: литовские понятия *mazg* – «узел», *mezg* – «вязать», латышское *mezg* – «узел», но не в смысле извилистости, как у В.Н. Топорова, а применительно к связующей, объединяющей функции водной артерии. Завершение *-ва* будто бы происходит из *van* в значении «вода», и в целом получается «узловая вода», «связующая вода». А затем Юрий Долгорукий перенес название на город, но уже с политическим смыслом «опорный узел», «узловой город» [21, с. 48]. Вот это уже совершенно невероятная этимология!

Во-первых, первопоселенцы или первопроходцы еще не могли осознать значение реки, с какой бы стороны ни начали ее осваивать. Во-вторых, «узел» – понятие локальное, а река – протяженный объект. В-третьих, реки вообще не называли с таким смыслом.

И, в-четвертых, город первоначально закладывался как небольшой оборонительный, вовсе не как особо значимый и тем более столичный. Вообще-то вскоре после закладки *Москвы* главным городом княжества стал *Владимир*, некоторое время претендовавший и на роль главного города Руси.

Теперь понятно, почему эта версия (как и некоторые другие) осталась лишь в кулуарной топонимике. Но она хорошо подсказывает нам: надо привязывать происхождение топонимов к реальным местам обитания народов и к местам их контактов, учитывая поправки, вносимые археологией.

Балтский фон: есть ли он?

Как мы убедились, для понимания того, перспективна или нет балтская (балто-славянская) гипотеза, важно понять, насколько состоятельны доводы о многочисленных второстепенных балтских гидронимах, окружающих главный гидроним региона – *Москва*. Подчеркну, что происхождение всех названий до единого, на все сто процентов, истолковано только гипотетически, и только на основании похожести слов.

Мы обязаны обратить отдельное внимание хотя бы на имена основных рек-спутниц *Москвы*. В черте города в нее впадают *Неглинная*, *Яуза*, *Сходня*, *Химка*, *Пресня*. В *Яузу* впадает *Хатиловка*. Из остальных притоков возьмем наиболее крупные, длинные: *Руза*, *Истра*, *Северка*, *Пахра*, а к *Пахре* присовокупим также речку с похожим названием *Пехорка*. Рассмотрим также значимую подмосковную реку *Протва*, которая имеет исток вблизи *Москвы*, а впадает в *Оку*. Понятно, что если основное имя *Москва* вдруг не балтское, то вероятность балтского происхождения всех остальных гидронимов крайне мала.

В.Н. Топоровым были заподозрены балтские корни большинства перечисленных названий. Его версии впоследствии комментировали, дополняли, частично опровергали Г.П. Смолицкая, М.В. Горбаневский, Р.А. Агеева, Е.М. Поспелов [2; 7; 23; 24; 25; 26].

Мы опять должны четко представлять, что в основе любого гидронима могут лежать слова, давно выпавшие из языка итогового населения (в данном случае – славяно-русского). Я уже приводил в пример название *Чечёра* (*Чечора*), ранее распространенное на территории

России в отношении речек, превращавшихся в озера (болотца). Так назывались и три крошечные московские речки: две на территории города и одна на его современной границе. Видимо, В.Н. Топоров нашел абсолютно верное сравнение с созвучными литовскими и латышскими словами. Но где доказательства того, что не имеем единый корень, вошедший в язык и славян, и балтов еще до заселения ими Подмосковья? Как выясняется, более ранних контактов было достаточно. Добавлю в примеры также термин *рыкань*, от которого происходят очень многие российские топонимы. Слово еще не получило объяснения, но, по первичным наблюдениям, большинство сел (деревень, слобод, окраин) расположены в глухих местах. И таких слов было очень много.

Итак, перейдем к списку.

Неглинная. О ней уже была речь, а продолжение еще следует в конце статьи. Вероятность балтского происхождения крайне низкая. Опровержение Г.П. Смолицкой и М.В. Горбаневского очень существенное. Ныне основная версия: от русского слова *глина* (невзирая на то, что Википедия и здесь смешала в клубок все версии).

Яуза – первое летописное упоминание под 1156 г. (в связи с закладкой града *Москва*) в форме *Ауза*. Начиная с публикации В.Н. Топорова и донныне делаются сопоставления с названиями рек в Латвии: *Auzes*, *Auzas* и др. и с латышскими словами *auzajs*, *auzaine* в значении «стебель овса, солома». Замечают также, что вблизи Яузы течет речка *Стебелька*. Но при чем тут стебель и каков истинный смысл слов, никто еще не понял. Есть и другие реки с названием *Яуза*, в том числе в Смоленской области.

Сходня. В XVI в. – *Всходня*, *Входня*, *Сходня*. Балтское происхождение даже не предполагалось из-за явно русской формы слова. Историк И.Е. Забелин считал, что первоначально речка называлась *Восходня* (*Всходня*) из-за того, что в древности на ней начинался «всходный» путь вверх от *Москвы* – как начало водно-волокового пути в сторону города *Владимира* [11, с. 12]. Другие варианты до сих пор не предложены.

Химка. Более раннее название – *Хинка*, обнаруженное в документах XVI в. Проводилась балтская аналогия с недостаточно тождественным словом «киминас» в значении «мох», при этом не выяснялось, отличались ли берега речки мхом. В русскоязычной версии название переводится как «незначительная, пустяковая, бесполезная речка», ибо предполагается связь с устаревшим словом «хинь», зафиксированным В.И. Далем: «чепуха, пустяки, вздор». *Хинка* (*Химка*) – менее значимая в сравнении с *Неглинной*, *Яузой*, *Сходней*?

Пресня – причислялось к балтским, были попытки найти аналогии в прусском гидрониме *Персес* и других подобных. Р.А. Агеева признала более вероятным славянское происхождение в связи с пресной, то есть несоленой, вкусной или чистой водой. Есть и славяно-русские аналоги.

Хатиловка – ныне течет в подземной трубе. Образуется слиянием *Сосенки* и *Серебрянки*. По мнению Р.А. Агеевой, названа по *Хатиловской* деревне, а та получила имя по прозвищу владельца двора с плотиной. У плотины был *Хатиловский пруд*. Однако на самом деле существование человека с именем или прозвищем *Хатила* или *Хатило* документально не подтверждено. Только высказано мнение, что прозвище, если оно было, должно означать «хапуга» [27]. Значит, не исключена распространенная в топонимике ошибка: пытаться объяснить непонятные слова через антропонимы, минуя поиски забытых географических терминов. Сейчас нами разрабатывается славяно-русская версия, основанная на природных особенностях самой речки.

Руза – причисляют к балтским, разумеется, из-за сопоставления опять-таки с прибалтийскими словами. В литовском языке *ruseti* – «течь, протекать». В латышском *ruosa* – «ручей с узкой луговой поймой, расположенный между полями и лесами». (Корректна ли формулировка? Луга, поля, леса – слишком много признаков требуется для отличия ручья.) В Прибалтике в бассейнах *Днепра* и *Вислы* много похожих названий типа *Рауза*, *Рузка*, *Рузица*. Но причины похожежности – не те ли, что и у подобия корней *моск* и *мозг* в разных языках?

Истра – истолкования более чем спорные. Большинство исследователей видят индоевропейскую основу *sr*, в нескольких языках развитую в *str*, со значением «течь», «река». Имею смелость сказать (как и в случае со словом «Дон»), что такое значение не может отличать ни одну реку. Необходимо прояснять, какие именно реки названы таким сочетанием звуков, – быстрые ли, широкие ли и т. д. Г.П. Смолицкая одобрила предположение Е.М. Пospelова о собственнорусском развитии *str* в *Истра*: начальное *И* могло быть добавлено для облегчения произношения, и тому есть фонетические аналоги. Однако сам Е.М. Пospelов все-таки заявил, что вероятно балтское происхождение оттого, что... вероятны балтские названия других рек региона. Он сравнивает гидроним с литовскими и латышскими словами, означающими «поток», то есть быстрые или большие течения. Но тот же смысл могли вложить и славяне.

Северка – никто не осмелился предположить неславянский смысл! Е.М. Пospelов предполагает, что слово «север» было родовым этнонимом, принесенным вятичами.

Пахра. В XVI в. называлась также *Пехра*, *Похра*. От «Пехра» происходит уменьшительное название другой речки: *Пехорка*. Р.А. Агеева склонялась к финно-угорскому происхождению, но точный смысл не могла выяснить. Г.П. Смолицкая остановилась на славянской этимологии, предложенной Е.С. Отиным. Тот находил древнеславянский корень *пъх* в значении «пихать», «толкать» [28]. Е.М. Пospelов писал, что название неясно, но и он приводил версию Отина. А нам совершенно неясно, почему древний народ мог узреть некое толкание воды, глядя на течение спокойной, медленной *Пехры* (*Пахры*). Выскажу здесь свое предположение (разумеется, для будущего, еще не состоявшегося, комплексного исследования). *Пахре* больше подходит значение «отпихиваемая река». В сторону устья резко изгибается *Москва-река*. Этот выгиб русла как бы отпихивает приток, подпирая его течение.

Протва – впервые упоминается, как мы помним, в 1147 г. в несколько иной форме: «...и шедь Святославъ и взя люди Голядь, верхъ *Поротве*...». В.А. Никонов не исключал славянского происхождения, ссылаясь на смоделированную А.И. Соболевским древнюю форму именительного падежа *Пъръты* (ведь, как и для слова *Москва*, здесь имеем родительный падеж *Поротве*, а не *Поротвы*). М. Фасмер, просто принимая форму Соболевского (не проверяя ее, как и в случае с *Москвой*), проводил также аналогии с латинскими *portus* – «гавань, убежище», *porta* – «ворота, дверь», видимо, имея в виду индоевропейскую общность.

Г.П. Смолицкая сочла предпочтительным мнение В.Н. Топорова о балтийском характере гидронима, но тут же написала, что его значение не установлено. Е.М. Пospelов указал наиболее вероятным «балтийское происхождение названия от исходной формы *Pratuva, Pratava*», предположив индоевропейский корень, опять-таки со значением «проход, ворота» (а почему только балтийское, а не славянское происхождение от того же корня?).

Сделаем еще несколько добавлений. Сначала проверим ранние формы падежей.

В летописях и других документах есть аналогии, когда называется направление вверх по рекам. Так, в Разрядной книге под 1569 г. упоминается придонская река *Потудонь* (*Потудань*): «...видел вверх Котла и Потудони <...> многих людей» [29, с. 234–235]. Таким образом, оборот «вверх (вверх, вверху) такой-то реки» был привычен для летописцев. Падеж в любом случае родительный.

Надо бы «верх *Поротвы*», но записано «верх *Поротве*». Да, так же непривычно склоняли летописцы и слово *Москва*. Но заметьте, что в именительном возможно не только *Поротва*, но и *Поротовь* – как и в случае *Московь*. Можно сразу усмотреть древнерусский уклон речи, минуя труднодоказуемое *Пъръты* (точно так же, как удаётся миновать *Москы*).

Теперь об этимологии. Почему именно эта река должна открывать «ворота» или «проход» с *Оки* (?) или в *Оку* (?), ведь все притоки всех рек делают то же самое в устье? Поиск славянских этимологий не проводился. Как один из вариантов: можно проверить, нет ли в слове славяно-русского корня в значении «пороть, разрезать». Если в народном

понимании несколько рек «раскалывали» берега (*Калитва* и др.), то реки в принципе могли и что-либо «разрезать». В общем, до полного анализа гидронима еще очень далеко.

Читатели, у меня совершенно не было намерений «разрушить» балтский фон. Я искренне верил в него, приступая к написанию этой статьи, и надеялся порадовать вас интересной топонимией, полученной славянами от предшественников, и не где-нибудь, а в будущем сердце нашей страны. Как видите, я вынужден констатировать даже против своей воли: **ни в одном рассмотренном случае балтская этимология не доказана. Не доказана и наибольшая вероятность балтской этимологии.** И качественных доказательств вообще не может существовать без проведения комплексного топонимического анализа.

Путь к истине: откроют ли его болота?

Пора сформулировать очередную значимую причину затянувшейся «загадочности» слова «Москва». Собственно, она напрямую вытекает из самой главной причины – из отсутствия комплексного исследования.

Из всего прочитанного выше читатель, конечно, уже понял: совершенно не выполнена одна из обязательных составляющих такого исследования, а именно – **скрупулезные историко-географические изыскания. Не просматривается должное применение сравнительно-исторического метода, и он не был заказан лингвистами специалистам по исторической географии.** Нет, были намерения топонимистов, были попытки указания географических фактов, но они привели не к необходимому пакету знаний, а, наоборот, к географическим ошибкам или к запутыванию исследований.

А.Л. Шилов оказался единственным топонимистом, кто обратил внимание: и славянская, и балтская версии *«недостаточно подкреплены собственно москворецкими реалиями»* [19, с. 98]. Но и москворецких реалий будет недостаточно.

Требуется провести такие изыскания, которые ответили бы на следующий решающий вопрос. **Какие существенные и бросающиеся в глаза географические особенности рек – именно они стали первой приметой для первопроходцев, создателей гидронима – совпадали на всех реках, подозреваемых в аналогии, а именно: на *Москве, Мозгаве, Московнице, на нескольких Московках* и так далее, не забудем также про озеро *Москово*, овраг *Московищи* и прочие гидрологические объекты.** Ведь перед нами – народный, разговорный термин, повторенный на обширных территориях по-какому-то одному принципу.

Все приемлемые, отобранные топонимикой этимологические версии (путем отсеивания неприемлемых или ошибочных) связаны с похожими понятиями: сыростью, болотистой и (или) грязной местностью, топкостью, вязкостью, липкостью и, наконец, неупорядоченностью в более широком или переносном смысле. Перечислил здесь то, что предлагалось главными авторами славянской и балтской (балто-славянской) этимологий.

Значит, надо получить соответствующие исчерпывающие сведения о реках. **Все они заметно вытекали из болот? Текли через болота? Имели сильно болотистые берега? Образовывали вокруг себя много сырости? Грязи? Все они почему-то топкие? Или что-то в них было другое вязкое или липкое? Или все текут как-либо одинаково неправильно – слишком заметны изгибы, резкие повороты, перемены русла и так далее?**

Может быть, реки объединяет и какой-то другой фактор, здесь не названный? Ведь, по большому счету, предложенные варианты славянской и балто-славянской этимологий взяты в основном из словарей В.И. Даля и М. Фасмера. Так, у Даля «москоть» – красильные и другие снадобья (понятно, что жидкие); «моск(зг)отать» – долго стучать; «мозг» – мозглявая, то есть мокрая, погода; «мозглый» – гнилой, порченный [30, т. 2, с. 877, 913]. Если какое-то из значений корня *моск (мозг)* не дошло до словарей – не значит, что не существовало.

Напомню, что для людей, которые осваивались на новом месте, всегда были значимы низовья рек. Люди чаще всего начинали с плавания по более крупной реке, а оттуда заглядывали в притоки. Даже если *Москва-река* была наименована в другом течении (среднем или верхнем), всё равно нужно проверить ее низовья и устье при впадении в *Оку*. Во всяком случае, предыдущие исследователи забывали об этом. Если получим отрицательный результат, он тоже будет важен. А может, наиболее значимой окажется география того участка реки, где состоялось не первое, а наоборот, итоговое, окончательное заселение людей, сказавших и решающее слово в топонимии?

На все эти вопросы можно ответить, только поставив соответствующие вопросы перед специалистами: географами широкого профиля, гидрологами, геологами, почвоведом, ботаниками, знатоками общей биологии. В каждой из отраслей требуется обращаться не только к нынешнему, но и к древнему состоянию ландшафтов. Следовательно, особый вес будут иметь палеогеография, палеогеоморфология, палеогеология, палеобиология и т. д.

Получив полные природно-географические данные, можно отобрать самый вероятный смысл гидронимов и далее уточнить и их этническое происхождение – смотря в какой форме они употреблялись, смотря на какой территории, а также смотря когда и кем заселялись выбранные территории (а не только Подмосковье). Детальное сравнение качественных географических данных с достоверными археологическими может иметь решающее значение для итогового вывода. Но до сих пор в огромном массиве археологических данных, разбросанных по научным статьям, схемам и таблицам, в сотнях и тысячах фактов о раскопках, городищах и селищах, трудно ориентироваться без наводки: какие же факты отобрать, чтобы они соответствовали гипотезе наиболее состоятельной, то есть отвечающей **всем (не некоторым) требованиям комплексного топонимического анализа**.

Так мы сможем сформулировать пусть не стопроцентную истину, но гипотезу, которая уже не будет сопровождаться словами «не известно», «не установлено». Удовлетворительную гипотезу со временем можно совершенствовать, получая новые данные от различных наук. И достижение истины (то есть максимально возможной вероятности этимологии), несомненно, рано или поздно произойдет, если, конечно, нас не устраивает нынешнее положение вещей, когда все этимологии свалены в общую кучу, и – выбирай любую, читатель!

Разумеется, каждый ученый вправе иметь свое субъективное мнение. Однако предмет топонимики, то есть топонимы и их свойства, абсолютно объективны, то есть истина всегда только одна. А любая наука стремится только к истине. И большинство ученых признают истиной результаты своего коллеги только тогда, когда его исследование будет выполнено с полным соблюдением должной методики, с недопущением ошибок и с демонстрацией упущений, случившихся при альтернативных исследованиях.

* * * * *

А пока гидронимы-аналоги с такой же степенью безуспешности разгадывают местные авторы, не всегда интересуясь, как те же самые слова разгадывают в других регионах, не всегда узнавая историю изучения главного топонима *Москва*. Кстати, некоторые из похожих названий небольших селений и ручьев на самом деле могут и не быть аналогами. Случается, что поздние топонимы уже производны от имени города *Москва* и зависят, например, от дорог на *Москву* или от переселения жителей Московской губернии. Такие случаи надо отсеивать. Вообще, дабы быть уверенным, что какое-либо название является аналогом, надо начинать каждое исследование с истории заселения местности, с датировок.

А пока вместо тщательного историко-географического исследования *Москвы-реки* можно встретить на сайтах интернета потрясающее предложение. Он опубликовано, в частности, в 2013 г. на портале МК.RU. Бывший военный топограф В.В. Гусарский утверждает, что река *Руза*, которую веками считают притоком *Москвы*, не впадает в нее, ибо... *Москва* впадает в *Рузу* и, стало быть, город *Москва* стоит на *Рузе*. Значит, надо

«восстановить справедливость», то есть дать «главной реке» имя *Руза*. И письма были направлены в соответствующие органы [31]. Разумеется, здравый смысл торжествует, и *Москву-реку* не переименовывают – не пойдут дальше тех первых советских администраторов, которые меняли имена сотням населенных пунктов и несчетному числу городских улиц. Даже они никогда не замахивались на названия рек. Но посмотрим, каковы всё же были аргументы в пользу *Рузы*. Ведь многие москвичи продолжают читать эту «сенсацию».

Там, где сливаются два речных потока, русло *Рузы* шире. Оно делает плавный изгиб, а русло *Москвы* «впадает в него под прямым углом». Действительно, такие спорные географические случаи иногда встречаются. Но, если вести речь исключительно о геометрии, то прямой угол как раз уравнивает в правах обе реки. Если же на картах посмотреть на геометрические оси двух рек в целом, легко убедиться, что длинная продольная ось *Москвы* хорошо объединяет все ее течение, а ось *Рузы* примыкает сбоку под острым углом.

В «союзники» берется версия А.П. Афанасьева, который в основе гидронима «Москва» увидел термин «моск» в значении «приток». Однако несостоятельность версии была показана в первой части нашего исследования. Кроме того, у Афанасьева *Москва* названа притоком *Оки*, а не *Рузы*. Далее, новая идея сопровождается утверждением, что на карте Московии, составленной путешественником С. Герберштейном в 1546 г., «река Москва впадает – прямо-таки втыкается под прямым углом в реку *Рузу*». Позвольте, но любой читатель может убедиться, что на этой карте *Рузы* нет совсем. Я уже пояснял, что река, на которой стоит столица Московии, подписана именно как *Москва (Mosqua)*, а в нее впадает под острым углом *Яуза (Iausa)*. Между прочим, Герберштейну позволительно было бы и ошибаться. Но как мог ошибиться Юрий Долгорукий, четырьмя веками раньше назвав город по реке?

Видимо, в наше время человек все больше привыкает к тому, что в его жизни регламентирован и запротоколирован каждый шаг. Трудно, может, проникнуться древними вольностями человека: истинные названия рек были такими, какими они звучали в устной речи местного населения, а не в записи или на чертеже. Если бы в названиях притоков ошиблись картографы XVIII в., – то следующее поколение чертежников, безусловно, внесло бы поправки в соответствии с представлениями населения.

* * * * *

Возвращаясь к *Москве-реке*, определимся: какие природно-географические характеристики реки нам уже известны (пусть немногие) и каковы были мнения ученых на сей счет. Распутаем, где надо, путаницу. Те же сведения будут востребованы и касательно аналогов.

Начнем с исторических источников.

В «Книге Большому чертежу» (1627) записано: «...А река Москва вытекла по Вяземской дороге за Можайском верст с 30 и больше» [32, с. 55]. Здесь ничего не сказано о болоте (вопреки приведенной цитате, в статье С.Г. Халипова утверждается: «А река Москва вытекала из болота...» [33, с. 142]).

Следующие источники, обязательные для исследований, – картография генерального межевания земель конца XVIII в. Подробные планы уездов и сел хранятся в РГАДА. К большому сожалению, в XX в. они не были востребованы исследователями.

В дореволюционное время крайняя западная территория нынешней Московской области, где находится исток *Москвы*, относилась к Смоленской губернии, к Гжатскому уезду. Поэтому прежде всего обращаюсь к «Геометрическому плану Гжатского целого уезда» 1780 года [34; 35] и к «Генеральному плану Гжатского уезда», 1-й части (конец XVIII в., точной даты на карте не имеется) [36]. Планы составлены в один период, но в разном масштабе, в разном стиле и разными чертежниками. Значит, если данные, полученные различными путями, совпадают, то они достаточно верны.

Река *Москва* однозначно подписана как вытекающая из большого болота. Южная, на карте нижняя, часть болота выглядит на планах как озеро, а более широкая северная – как водоем, покрытый болотными зарослями. С востока к озеру примыкала деревня *Старкова*. С юго-восточной стороны от *Старковой* тек ручей, отделяя ее от соседних деревень *Поповки* и *Коноплёвой*. На западном берегу верхней половины болота показаны деревни *Дьякова* (*Дьяконова*) и *Сычики*, на восточном – *Боброва*. После *Сычиков* *Москва* текла к северу, к деревне *Твердики* (*Твердини?*) и селу *Дровино* (*Дровнино*), потом отклонялась к западу и возле деревни *Меренищевой* разливалась в небольшое озеро, у которого видим деревеньку *Михайлёву*. С обратной, южной стороны большого болота в него не впадала никакая речка. Наоборот, с юга из здешнего озера вытекала река *Воря*, ибо болото находилось на водоразделе.

Руслу рек и ручьев на обеих картах совпадают. Трудно судить, менялись ли они в дальнейшем в XIX столетии. Однако перемены советского времени, коснувшиеся болота, станут ощутимо видны, если обратиться к поздней картографии. Водоем пересекла дамба Минского шоссе, так что водостоки теперь идут в трубопроводах под трассой. По краям болота прорыты мелиоративные каналы.

Как бы то ни было, планы XVIII в. показывают, что исток реки, которую ныне называют *Коноплянкой*, находился к востоку от болота, в лесу. Река обозначена на плане 1780 г. как безымянный ручей, а на втором чертеже – как речка *Бобровка*. Русло оказывалось в окружении деревень *Старковой*, *Поповки* и *Коноплёвой*, затем попадало на край болота. Однако далее оно исчезало с болота возле деревни *Бобровой* (и там на северо-восток отклонялось течение, превращавшееся в реку *Лусось*). Так как одна из деревень уже называлась *Коноплёвой*, нельзя исключить, что бытовало и такое же параллельное имя этой загадочной речки – *Коноплёвка* (параллельно имени *Бобровка*). Тем не менее, планы не дают возможности отождествить эту речушку с истоком *Москвы*.

Нет сомнений, что гидроним *Коноплёвка* вошел в круг топонимистов из словаря географа П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Согласно словарю, изданному в 1867 г., река *Москва* «берет начало в *Гжатском уезде*, под именем *Коноплёвки* <...> из леса, растущаго по откосу возвышенности, на которой расположена дер. *Поповка*. Сначала река (более 2 вер[ст]) течет в узком, но глубоком русле по болоту при дер. *Твердини*, известному под именем *Москворецкой лужи*, а по выходе из этого болота принимает название *Москвы*. В верхнем течении река имеет направление к с[еверу]-с[еверо]-з[ападу], у дер. *Меренищевой* образует озеро в 150 саж[еней] дл[ины] и 120 шир[ины], далее постепенно поворачивает к ю[го]-в[остоку] и, после 39 вер[ст] течения, вступает в *Московскую г[уберн]ию*» [37, т. 3, с. 317].

В этом описании находим соответствие планам XVIII в. только для начала течения у *Поповки*. Далее словарь направляет *Коноплёвку* совершенно по-другому – на север по восточному краю болота, в обход истока *Москвы*, начерченного на обеих картах. Скорее всего, дело здесь не в том, что природа могла измениться в течение нескольких десятилетий, а в том, что люди по-разному воспринимали течения воды в заросшей заболоченной местности. Думается, однако, что такое восприятие или невосприятие не может оказать существенного влияния на прояснение этимологии слова «Москва». Вполне можно считать, что *Москва* брала и берет начало сразу в двух ручьях, которые сливались воедино возле *Твердики*. В любом случае, в словаре П.П. Семёнова-Тян-Шанского, получается, есть неточность: он упускает первый ручей. В то же время словарь хорошо свидетельствует, что *Москворецкой Лужей* называли именно это болото. Ныне оно официально именуется *Старьковским болотом* – по бывшему соседнему селению – и является особо охраняемой природной территорией.

Сверимся также со знаменитым «Энциклопедическим словарем» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Там краткое описание *Москвы-реки* дано в 1896 г. профессором географии Д.Н. Анучиным. Река «берет свое начало из болота, площадью приблизительно в 157 дес[ятин],

в 1/2 в[ерсты] к с[еверо]-з[ападу] от дер. Старьковой, Мокровской вол., в 29 в[ерстах] к з[ападу] от гор. Гжатска, Смоленской губ.» [38, т. 19а, с. 944].

Значит, исток *Москвы* верно сопоставлен со *Старьковским* болотом в словаре Е.М. Поспелова, а в словаре Г.П. Смолицкой допущена ошибка: там *Москворецкая Лужа* отождествлена с *озером Михалёвским*. Возможно, ошибка появилась из-за того, что ныне озеро настолько иссохло, что тоже смахивает на болото. Под охраной состоит даже не озеро, а «Котловина озера Михалёвское». Следовательно, ошибку допускают и те интернет-публикации, в которых *Михалёвское* считается альтернативным истоком *Москвы-реки*. Если указывается, будто сюда впадает река *Коноплянка* как верхняя часть *Москвы*, – значит, *Коноплянкой* неверно называется большой участок *Москвы* от реального устья *Коноплянки* до озера (он именовался *Москвой* всегда).

И опять приходится ревизовать версию С.Г. Халипова, которая уравнивает *Москву* (якобы мерянское название) и прежнюю *Коноплёвку* как единый исток. В оригинале статьи читаем, что «*славяне перевели на свой язык название истока, а восточнее оставили мерянское название*» [33, с. 143]. Нет, если *Коноплёвку* (или верховье нынешней *Коноплянки*) считать одним из истоков, то будем иметь второй параллельный исток под названием *Москва*, причем западный, а не восточный.

В данной запутанной географической ситуации удастся сделать интересное наблюдение, ранее не отраженное в литературе. Оба настоящих ручья-истока фактически не только вытекали из *Москворецкой Лужи*, но и протекали по северной части болота, образуя видимые русла. Русло «*Москва*», как уже было сказано, прорисовано на планах XVIII в. Данные о втором, альтернативном русле содержатся в любопытном отчете современных путешественников, которые специально задались целью обследовать истоки. Бывшее обширное болото у них распадается на несколько болот: «...*Через 100 метров ручей продолжается и впадает он в болото с запада. Здесь по лесу хорошо выработанное русло. Течение просматривается хорошо, вода чистая и вкусная. Через 200 метров выходим на другое болото*» [39]. Таким образом, **река в ее начале болотная в том смысле, что течет непосредственно в болоте**, а не в том, что вода по-болотному плоха. Что ж, **если поселенцы** («голядь» ли, первые ли кривичи или абстрактные «балто-славяне»?) **отсюда начинали знакомство с рекой, то в принципе могли дать ей прозвище по такому признаку. Могли, однако, только в тех случаях, если «Москвой» в их языке действительно было принято обозначать «болотную реку», и если они действительно пришли отсюда, и если... действительно было болото.**

Увы, **отыскиваются доводы не в пользу этимологии «болотная река»**. Во-первых, А.П. Афанасьевым был приведен существенный географический аргумент против балтской версии. Он указал на исследование Е.Д. Смирновой (1958), из которого следует, что болото стало болотом «совсем недавно» – около тысячи лет назад, а ранее (в том числе и во время прихода балтов) здесь было «*большое озеро ледникового происхождения, окруженное высокими моренными холмами*» [40, с. 95]. Во-вторых, археологические данные безжалостно свидетельствуют, что в IX–XIII вв. ареал расселения смоленско-полоцких кривичей не распространялся на верховья *Москвы* и ее ближайшие окрестности. Карта кривичского ареала представлена в труде В.В. Седова [22, с. 160–161].

Изучая дальнейшее течение *Москвы*, вплоть до нижнего, не обнаруживаем значительных болот на планах конца XVIII в. Очевидно, здесь требуется не упустить план генерального межевания Коломенского уезда Московской губернии (часть 1), где хорошо прорисована долина реки возле устья [41]. Хотя есть заливные озера, но между ними показаны, в условных обозначениях топографов, луга, всё-таки не болота.

О том же свидетельствует и словарь П.П. Семёнова-Тян-Шанского: «*Долина реки вообще суха и только при устьях рр. Пехорки, Гжелки и Нерской болота, сопровождающая течения этих рек, выходят в долину Москвы*» [37, т. 3, с. 317].

Конечно, мы не знаем гидрологическую ситуацию тысячелетней давности. Тем не менее, имеем возможность хотя бы сравнить ситуацию XVIII столетия на *Москве*, с одной стороны, а с другой – на таких, например, реках, как на притоке *Воронежа* – *Усмани* (по планам Воронежского уезда Воронежской губернии) или на *Сейме* с притоками (картография Курской губернии). В обоих других примерах имеем существенные болота в долинах рек. Названия обеих рек, *Сейма* (ранее *Семь*) и *Усмани*, ныне удастся связать с общим исходным праславянским компонентом *см*, которым помечены реки, сильно увлажнявшие местность (в частности, славянское *Усмань* – от слов «смачивать», «усма») [42, с. 131–140; 43, с. 236–238].

Перейдем к **среднему течению**. Е.М. Поспелов указывал, что напротив *Боровицкого холма*, где возник город *Москва*, лежит урочище *Болото* (отсюда – городские микротопонимы *Болотная набережная*, *Болотная площадь*). Здесь затапливался участок низкого берега. Но такие **отдельно взятые болота есть на очень многих реках, и не они определяют названия**. Соглашусь с А.Л. Шиловым: «...такие найдутся на любой реке, зачастую более выразительные и размером, и количеством» [19, с. 99].

Впрочем, известно, что раньше в черте города болот было гораздо больше. Существовали и верховые болота, с ними нещадно боролись, но следы их еще оставались в не очень отдаленные века. Частично сохранились бывшие обширные низинно-верховые болота в Лосином Острове и Измайлове. **Болотистость местности несомненна. Были ли болота самой-самой определяющей чертой местности в XII и в предыдущих очень далеких столетиях?** В этом случае как раз и востребованы палеогеографические исследования.

Посмотрим теперь на извилистую сущность *Москвы*. Река действительно извилиста, но не везде. В среднем течении, в том числе и на территории столицы, очень заметны большие изгибы. В нижнем течении особенных поворотов нет. А в случае, если «авторы» названия расселялись начиная с западной территории, то есть с верхнего течения, они заметили бы, что в целом река делает лишь один огромный поворот в западную сторону, затем возвращаясь к восточному направлению. Но мелкие извилины здесь обычные, присущие опять-таки многим рекам, не названным исходя из подобной «неупорядоченности».

Стоит сразу обратить внимание и на «дублирующее» название, которое носит подмосковная речка *Московка* – приток *Нары*, впадающей в *Оку*. У *Московки* извилины слабые, заурядные. Есть небольшие болота. Проверим также, каковы были здешние болота на планах генерального межевания Серпуховского уезда конца XVIII в. Никаких выдающихся болот не показано. Какую же, так сказать, «москоть», мы сможем предположить на этой небольшой речке, ничего не зная о ней толком?

Забывтая глина. Москва – «река с глиняным руслом»?!

Основные ответы на вопросы «почему?» и «как?» уже были выделены по тексту статей жирным шрифтом. Знаю, читатель ждет и большего: чтобы я высказался, хотя бы предположительно, на тему заветного вопроса «что?». Что же значит слово «Москва»? Пусть еще не выполнен полный комплексный анализ, но, может быть, удастся оценить: поиск какой этимологии будет самым перспективным?

Да, уже вполне возможна оценка, даже новая гипотеза. Вначале, оглянувшись на весь предыдущий текст исследования, кратко подытожим: какие отправные точки поиска уже вскрылись.

1. Топоним *Московь* – *Москва* подтверждается как типично славяно-русское слово исходя из более полного анализа первых летописных упоминаний названия (достаточно аналогий *морковь* – *морква*, *церковь* – *церква* и т. д., и не требуется моделировать исходный апеллятив *москы, который нигде не зафиксирован).

2. Факт типично славяно-русской формы устанавливается только с момента упоминания слова в 1147 г. Однако полностью отсутствуют факты того, что ранее слово имело некую иную балтскую или тем более финно-угорскую форму. Факты, которые

свидетельствовали бы о большой вероятности таких форм, также отсутствуют. Напротив, археологией скорректирована такая картина установленных и неустановленных событий I тысячелетия н. э., которая не позволяет заявлять о заимствовании славянами названия у балтов. Под предположениями о заимствовании остается очень шаткая опора: только формальные созвучия ряда топонимов.

3. Не имеется доказательств для подтверждения балтского гидронимического окружения названия «Москва». В то же время остаются актуальными предположения о том, что славянские и балтские языки имели сходство благодаря контактам народов, совершенным еще до заселения славянами нынешнего Москворечья.

5. Предложенные значения корня *моск* (*мозг*) как нечто «жидкое» или «мокрое» идут вразрез с правилом «различительности» топонимов и совершенно не могут быть применимы к реке *Москве* в силу ее географического расположения – не среди обширной безводной пустыни, а в ряду других подобных «жидких» и «мокрых» рек, в том числе имевших болота.

6. Не имеется географических фактов, исходя из которых можно предположить порождение гидронима *Москва* в низовьях реки (каким бы то ни было народом) в значениях чего-то «болотистого» (или «болотного»), «грязного», «топкого», «вязкого», «липкого», «извилистого».

7. Для верховьев реки теоретически применимо значение «болотная река», ибо начальное русло располагалось в болотах. Однако вероятность такого события низка. Во-первых, если допустить, что название появилось до новой эры или в первых веках новой эры, то тогда болото еще было озером. Во-вторых, во второй половине I тысячелетия н. э. как кривичи, так и вятичи пришли в верхнее течение реки в последнюю очередь.

8. Среднее течение, напротив, было густо заселено и дьяковской культурой, и пришедшими на ее место славянами. Данное течение «болотистое» и «извилистое». Но, во-первых, таковыми являются многие реки, не получившие названия по извилинам или болотам. А во-вторых, на реках, носящих аналогичные названия с корнем *моск* (*мозг*), пока не удастся заподозрить бывших или нынешних значимых болот или извилин. Кроме того, в среднем течении переход названия от балтского населения (или от балтско-финской этнической группы) к славянам категорически недоказуем. Между уходом носителей дьяковской культуры и приходом славян имеем более чем 300-летний «вакуум».

А теперь – внимание! – поставим вопрос-задачу, словно в психологическо-детективных «практикумах». Если исключить все факторы, которые нам не подходят, что тогда остается: какое течение реки, какой этнос и, наконец, какое значение корня в слове?

Остается только один вариант: нам надо выбрать среднее течение и связать его со случаями, если этимология славянская и если значения корня *моск* (*мозг*) – «вязкий, липкий». Формулировку значения пока даю такую, какова она у моих предшественников в перечнях главных значений.

Именно такое значение Г.А. Ильинский соединял со смыслом слов «москоть», «москотильный», которые, по существу, остались единственно близкими к «Москва» и «Московь».

Но, если «вязкий» или «липкий», – тогда для определения этимологии топонима первоочередное значение надо обратить на грунт, чего раньше топонимисты не делали.

Заметьте, что **чрезвычайно липкой бывает мокрая глина.**

Признаюсь, я намеренно не приводил до сих пор одно значение корня – оно осталось словно в неглавной, забытой топонимической работе, а именно в книге В.П. Нерознака «Названия древнерусских городов» (1983). Важно, однако, что лингвист-топонимист усмотрел тот же апеллатив *моск в созвучном географическом термине *мозг* в значении «глина». Он сослался на «Словарь местных географических терминов» супругов Э.М. и В.Г. Мурзаевых (1959), где «мозг» – «глинистая земля в твердых комьях» [44, с. 148]. И почему, спрашивается, такое значение не присутствует в топонимических справках о *Москве* в начале XXI в.?

Видимо, потому, что понятие «комья» неважно сочетается со славянской этимологией, которую далее давал Нерознак применительно к реке: «*влажное, мокрое, низинное место*» [14, с. 114].

Что ж, пора сообщить читателям, что известный географ-топонимист Э.М. Мурзаев повторил термин «мозг» в «Словаре народных географических терминов (1984). Вообще, на мой взгляд, этот капитальный труд, этот словарь остался до обидного недооцененным, словно полузабытым, топонимикой. Причина, конечно, в том, что он вышел немного позже других основополагающих книг и статей по топонимике, изданных в 1960-х – начале 1980-х гг. Он был издан и после словаря В.П. Нерознака, и после статей В.Н. Топорова с балтскими версиями на московскую тему. И кто бы что ни писал сейчас о происхождении слова «Москва» – он идет напрямик мимо словаря Мурзаева, не заглядывая в него. Правда, и сам Э.М. Мурзаев даже не пытался связать с московской темой свои формулировки 1984 года:

Мозг 1 – «*глинистая земля в комьях*».

Мозг 2 – «*мокрая, слякотная погода*» [45, с. 372].

В общем-то, Э.М. Мурзаев почти ничего нового здесь и не открыл. Формулировка о глине перенесена из его словаря 1959 г., только «комья» уже не «твердые». Более того, оба значения слова «мозг» взяты из словаря В.И. Даля, на который Мурзаев и ссылается.

Интересно, однако, что Даль писал несколько по-другому. Откроем и его словарь.

Каменный мозг – «*глинистое ископаемое, рыхловатое и мягкое*».

Мозг – «*мозглявая погода*». Мозглявая, или мозгляя, или мозгливая, погода – «*мокрая, слякоть и дождь*» [30, т. 2, с. 876, 877].

Видите разницу между формулировками первого значения? Похоже, Э.М. Мурзаев не вполне понял В.И. Даля, решив, что понятие «каменный» лучше заменить на «комья». Но смысл получился едва ли не противоположный: у Даля это нечто рыхлое и мягкое, а «комья» Мурзаева ассоциируются, конечно, только с твердым, хотя он и убрал во втором издании слово «твердые» (и не случайно убрал). Между тем В.И. Даль не случайно поставил оба смысла слова «мозг» в один столбец – это и «глина», и «слякоть». Слово «каменный» у Даля употреблено скорее для отличия грунта от мозга человека или животного или от мокрой погоды. Ведь Даль не был географом или геологом. И, тем не менее, далевское понятие «ископаемое» удачно, и оно должно быть особенно востребовано в нашем случае, дабы мы пытаемся найти палеогеографические характеристики реки!

Всё это очень существенно. Во многих случаях гидронимы характеризуют грунт – каменистый ли, песчаный ли, «грязный» ли (то есть темный вязкий), скалистый или «колотый». Напомню, что однокоренные гидронимы с основой *кол (кал)* выстроены мною в отдельной статье в значениях «скалистый» либо «раскалывающий грунт». Опять же *Калитва* – значит «колющая», «раскалывающая» (по отношению к меловым берегам) [46].

Не было ли слово «московь» другим типичным термином, обозначавшим объекты в вязких глинистых условиях? В таком случае гидроним воспринимали бы как нейтральное, без отрицательного оттенка, название, при звучании которого возникали ассоциации с привычным грунтом, а не с дурным грязным местом.

Для начала прочитаем старинные описания Москвы-реки с характеристиками грунта на берегах. У П.П. Семёнова-Тян-Шанского: «*Берега долины вообще высоки, но редко скалисты <...> От поворота М[осквы] к ю[го]-в[остоку] долина реки расширяется, высокие берега спускаются к реке пологими скатами, но при всех изгибах река подмывает один из берегов, делая его крутым и обрывистым <...> Береговья обнажения вдоль Москвы состоят из горных известняков, **юрских глин** и песчаников. Особенно богаты окаменелостями **юрские глины** при с. Хорошове и горные известняки...*» [37, т. 3, с. 317].

В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: «*Почвы, из которых образованы берега и ложе р. Москвы и ее притоков, состоят из разного рода песков и **глин**, отличающихся друг от друга и по физическим признакам, и по своему происхождению. Далее идут **меловья и юрския осадочныя образования**; затем горный известняк <...> Большая часть масс, лежащих сверху древнейших морских осадков <...> в сущности есть продукт постепенных*

<...> растворения, отмучивания и промывки тех же самых осадков <...> (так назыв. аллювиальные породы). Но, кроме их, есть и другие образования: наносные пески и пресноводная глина <...> Песчаной почвой объясняются, между прочим, многочисленные излучины, образуемые течением р. Москвы...» [38, т. 19а, с. 944].

Сегодняшние наработки геологов и почвоведов в емкой форме отражены в «Большой российской энциклопедии» (2012), а в соцсетях они подвергались актуализации в 2018 и 2023 гг.

Почвы Москвы и Подмосковья – во многом подзолистые. Они называются так, поскольку, в отличие от чернозема, похожи на золу – имеют серый цвет. Подзолистые почвы легко размываются, если нарушен природный, исконный покров растительности, как это и произошло на территории столицы и в окружении нее. Ниже *«на поверхности размыва каменноугольных отложений залегают юрские тёмные глины и пески, перекрытые песчано-глинистыми отложениями мела, которые сохранились от размыва только на водоразделах (например, на Воробьёвых горах)»* [47].

Многовековая хозяйственная деятельность человека привела здесь к такому сильному размыву грунта, что древняя картина природы оказалась прочно скрыта от науки топонимики. Кстати, следы человеческого варварства застал в середине XVI в. Сигизмунд Герберштейн: *«По пням больших деревьев, существующим еще и поныне, очевидно, что вся страна еще не так давно была очень лесистой»* [48, с. 86]. Дорогой ценой Москва стала столицей.

Но, кроме того, московская поверхность земли издревле размывалась рекой! Значит, именно на ее берегах древние поселенцы уже наблюдали картину, которая отличала реку Москву: размывались и смешивались, скапливаясь на дне, как осадок, глина с мелом. Или только в среднем течении была такая картина? Это особенно важно.

Берега среднего течения подвергнуты гигантским изменениям. Спуски к реке москвичи начали адаптировать к городским условиям с первых веков существования достоячного и столичного поселения. Впоследствии строился Водоотводный канал (в 1780-е гг.), прокладывались прочные набережные (с конца XVIII в.). Москвичи осушали болота, а также упрятывали ручьи в подземные трубы, что существенно изменило общую гидрологическую картину. В 1930-е гг. сооружался канал Москва – Волга. Русло спрямлено не в одном месте. Ныне сток зарегулирован системой гидроузлов.

Однако в достаточном удалении от города среднее течение, оказывается, всё-таки сохранило свою незыблемую особенность! Мне прежде всего бросилось в глаза краткое описание реки, сделанное с участием географов в популярном издании: в путеводителе И.Ф. Петровой, Н.И. Коронкевича, С.А. Буланова и других авторов «Речные круизы» (2000, 2002). Ныне оно размножено на нескольких сайтах: *«Ниже Звенигорода дно Москвы-реки становится более вязким, почвы – глинистыми, склоны долины – положе, повороты – менее круты. На подмываемых рекой высоких берегах часто происходят оползни. Участки суши сползают вниз вместе с травой и кустами. На оползших склонах деревья стоят косо, как бы зависая над рекой, образуя так называемый пьяный лес»* [49, с. 3].

Согласитесь: в словах, выделенных жирным шрифтом, вдруг оживают идеи топонимистов, которые ранее не удавалось привязать ни к какой конкретике.

Но действительно ли глинистость была присуща среднему течению (ниже Звенигорода) в древности?

Блестящий ответ получаем в палеогеоморфологическом исследовании профессора МГУ, географа А.В. Чернова «Морфология и история развития долины реки Москвы в позднеледниковье и голоцене». Именно в среднем течении по-особенному блуждало извилистое русло реки. *«...Ниже г. Звенигорода, по мере замещения в бортах долины карбоновых известняков более податливыми к размыву юрскими глинами и водноледниковыми супесями и песками, наметилась тенденция сохранения активности горизонтальных русловых деформаций и в более поздние периоды позднеледниковья, а*

также в раннем и среднем голоцене. В это время в долине стали происходить крупные перестройки русла реки в пределах всей ширины пояса макромандрирования, которые хорошо сохранились на пойме этого участка» [50, с. 87]. Здесь описаны многие другие интересные подробности из процессов глубокой древности, даны также графические иллюстрации к блужданию русла.

Как видим, не случайно на здешнем участке сталкиваемся и с размытой глиной, и с извилистостью, и с заболоченностью. Все процессы природы влияли друг на друга.

Убедимся, что в нижнем течении *Москвы* глина уже не играет такой роли. Да, там «морфометрические характеристики меняются кардинально». Глина не фигурирует в активных процессах. «В сужениях долина оказывается врезанной непосредственно в среднекарбоновые известняки; пойма выклинивается или становится узкой и односторонней, русло приобретает относительно прямолинейную форму» [50, с. 87].

А каков же характерный грунт на реках-аналогах? На нескольких *Московках*, на *Мускувице* или *Мозгаве*? Если бы удалось получить утвердительные ответы о глине или глине с мелом...

Подключим пока другие данные, постоянно пользуясь такой силой топонимики, как комплексность.

Э.М. Мурзаев рассмотрел применительно к топонимике и понятие самой глины. По его выражению, географические названия, производные от *глина*, «бесконечны» [45, с. 144]. Есть урочища *Глиници* в *Москве* и *Глиница* в Подмосковье, *Глинице* в Подворонежье, река *Глинка* на Орловщине и так далее. На планах конца XVIII в., изображающих Гжатский уезд Смоленской губернии, в верхнем течении *Москвы* видим село *Глинки*.

Похоже, что в сравнении с этими топонимами слово *Москва* (*Мозга*) было древним, более давним, славянским (или праславянским или славяно-балтским или индоевропейским) аналогом, отражавшим глинистые условия. Причем не просто глинистые, а мокро-глинистые, липко-глинистые, что более точно, более метко различало реки в повседневной речи человека. Кстати будет провести аналогию: понятие «вороной», присущее древнеславянской топонимии, впоследствии было заменено в русском языке на привычное нам «чёрное» (чернолесье, Чёрные реки).

В этом свете наконец-то пора вспомнить и о том, что град *Москва* был поставлен при впадении в *Москву* реки *Неглинной*, а ранее там же существовало одноименное негородское селение. Природно-географическую судьбу *Неглинной* можно назвать трагичной. Вытекала она, кстати заметить, тоже из болота, но не получила «болотного» названия. Длительное время москвичи укрепляли ее берега, тем самым борясь с природой. В конце XVIII в. построили систему каналов и прудов. Затем в XIX в. речку упрятали в широкую кирпичную подземную трубу стараниями известного архитектора и градостроителя О.И. Бове. Не повезло реке и в плане расшифровки ее имени современными людьми. Так как в источниках начиная с XV в. добавилась непривычная нам альтернативная форма *Неглимна*, то корень слова, разумеется, искали в балтских и финно-угорских языках по формальным созвучиям слов.

И Википедия пытается дать нам понять, что *Неглинная* упоминается в источниках якобы с 1401 г. – в звуковом облике «Неглимна». Ничего подобного. В Тверской летописи под 1156 г., как мы убедились, название такое же, как и сейчас: *Неглинна*. Г.П. Смолицкая и М.В. Горбаневский еще в 1982 г. смело заявили о вероятности русской этимологии. «...В русских народных говорах, например в рязанских, наблюдается расподобление звуков *nn* в *mn* именно в данном случае: *глимяный* вместо *глиняный*». Стало быть, *Неглинная* – банально означает «река с неглинистыми берегами и дном» [7, с. 19]. Далее Р.А. Агеева в статье о гидронимии *Москвы*, а также в книге «Имена московских улиц» подтвердила, что русскоязычная версия имеет свои права [24, с. 70; 25, с. 340]. Правда, боязливая оглядка на иноязычие, смоделированное лингвистикой, не исчезает.

Добавлю, что противопоставление глинистых объектов – неглинистому, причем не в ойкониме и не в названии сухопутного урочища, а именно в гидрониме, обретает здесь

большой смысл. Реку должны были назвать *Неглинной* в знак того, что на ней не было глины, не просто констатируя отсутствие данного грунта, а делая противопоставление окрестностям. Возможно, что приток противопоставляли реке, из которой она вытекала, то есть *Москве*. И выбор места для первого поселения именно у *Неглинной*, где глина не мешала, также мог быть сделан с учетом именно такого удобства.

Обидно, что Википедия пересказывает «сомнения по поводу образования названия через отрицание того, чего нет». А на самом деле в имени «Неглинная» отрицается важнейшее то, что **было!**

Остается уточнить, какие именно славяне и когда могли дать имя *Московь* – *Москва* среднему течению основной реки. Самое время свериться с археологическими картами В.В. Седова (1982), которые демонстрируют ареалы расселения вятичей и кривичей, а также их предшественников – носителей последнего этапа дьяковской культуры [22, с. 145, 147, 160]. Некоторые датировки памятников, очевидно, устарели, требуют небольших поправок, но факты местоположения славянских могильных курганов остались незыблемы. И археологическая разведка к 1982 г. уже была достаточно полной.

Главный признак вятичских курганов: среди находок есть семилопастные височные кольца. Карта расселения вятичей в VIII–X вв. показывает концентрацию таких курганов лишь в южной части бассейна *Оки*, то есть в ее верховьях (не на землях Москворечья). Только единичные курганы есть на *Пахре* – в бассейне *Москвы*, к югу от нее. В среднем течении самой *Москвы* присутствуют одни лишь поздние поселения дьяковской культуры. Но мы уже знаем, что нынешняя археология позволяет исключить их с карты. К VIII столетию они уже исчезли.

Карта ареала вятичей XI–XIII вв. демонстрирует кардинальные перемены. Ситуация особенно интересна в сопоставлении с ареалом кривичей того же времени. Граница между кривичской и вятической территориями шла в основном по реке *Москве*. Кривичи жили к северу от реки, ибо пришли с северо-западной стороны, вятичи – к югу, так как пробрались сюда с юго-запада. Однако исключение составляло среднее течение *Москвы* как раз в районе будущего города. Здесь вятичи не только заступили с правого берега на левый, к кривичам, но и образовали крупное, самое плотное скопление поселений во всем бассейне *Москвы* (у кривичей таких скоплений нет).

Собственно, это давно известный факт, что вятичи стали доминирующим итоговым населением в районе древней Москвы. Остается только прочно привязать его к топонимике и ясно соотнести его со средним течением реки.

По книге главного археолога Москвы Л.В. Кондрашева (2018) можно судить, что даты пришествия славян скорректированы незначительно. В целом славяне проникали на территорию будущих *Москвы* и Московской области начиная с IX–X вв. Количество славянских селищ увеличилось в XI столетии, но большинство памятников этого типа датируется XII–XIII вв. [51, с. 32, 40, 41]. У других авторов за начало славянской колонизации принимаются X–XI вв. или один X в. Так как мы ищем датировку не какого-либо поселения или кургана, а гидронима, обобщим ее всё же до IX–X вв. Мне невозможно судить, кто первым проложил путь в среднее течение – вятич или кривич. Поэтому обозначу гидроним как **вероятный вятичско-кривичский, бытовавший в языке утвердившихся вятичей.**

До XII–XIII вв. вятичи продолжали насыпать здесь курганы, следуя древнему устоявшемуся обряду уже тогда, когда была основана княжеская усадьба *Москва*. Значит, именно их и застали сородичи по языку Рюриковичи – князь Юрий Долгорукий и его окружение. А впоследствии вятичи и кривичи растворились в населении, которое мы привыкли называть древнерусским.

Историки по-разному истолковывали возможные отношения между князьями и местными славянскими «старшинами» («вождями», «предводителями»). Л.В. Кондрашев именно здесь пробует выстроить параллель с легендарным Стефаном Кучкой. Но нас

интересует в первую очередь судьба слова «Москва». Рюриковичи, как и любые другие поселенцы, не были обязаны перенимать чьи бы то ни было названия, даже родственные вятичские или кривичские. Но в данном случае невозможно представить, что они не приняли гидроним, уже вырисованный из природных реальностей итоговым населением – вятичами и кривичами.

Уже должны были называть реку *Москвой* (*Московью*) и те москвичи, чей грунтовый могильник конца XI – первой половины XII в. открыт под Манежем.

Для всех было очень желанным еще не столичное, а надежное пограничное укрытие на возвышенности – в окружении глиняной вязкости-липкости и болотистой топкости, но не в самой этой вязкости, липкости, топкости.

Не исключаю, что в XII в. понятие *Московь* (*Москва*) долго сливалось для поселенцев воедино: как название и местности, и большого глинисто-вязкого участка реки, и княжеской усадьбы. Возможно, именно по этой причине в летописях нет прямых, дословных указаний на реку или селение. Как, заметьте, и в случае с первыми упоминаниями слова *Воронеж*. Не надо приписывать поселенцам действий, которые впоследствии совершали пытливые географы и картографы: протоколировали все русла и их названия от истоков до устьев.

Также есть вероятность, что название *Кучково поле* существовало параллельно топониму *Москва* для отличия луга от соседних заболоченных участков.

* * * * *

По существу, в конце исследования мы воспользовались сравнительно-историческим методом для всего комплекса топонимики: истории, лингвистики, географии. Мы впервые применили этот метод касательно тех направлений исторической географии, которые в данном случае востребованы историей и лингвистикой, – уточню: именно теми направлениями, на которые комплексно выводят все другие полученные данные. Решающими оказались историко-типологические сравнения в таких направлениях, в таких смежных науках, как палеогеология и палеогеоморфология.

Итак, вероятен вариант славяно-русской этимологии: *Московь* (*Москва*) – означает «река с глинистыми берегами» или «река с вязкими, липкими глинистыми берегами». Вероятно, что название было порождено в IX–X и окончательно закреплено в XI–XII вв. в среднем течении, что связано с его итоговым освоением вятичами и кривичами. Освоение увенчалось основанием княжеского селения.

Читатель, наверное, скажет, что в этом выводе не хватает еще одного или двух слов? Он ждет моего заключения о том, что версия – **самая** вероятная, **наиболее** перспективная? Он спросит: «Это и есть та самая удовлетворительная гипотеза, о которой автор твердил выше как о желанной и которую он выдал досрочно?».

Но я проявлю научное упорство и не подам ожидаемого. **Не будет окончательного вывода до тех пор, пока не состоится такое полное комплексное исследование, к каким я призываю во всем исследовании.** У нас пока нет палеогеографических данных о большинстве рек-аналогов.

И пусть читатель сам определит, какие события в топонимике дальше произойдут. Пусть концовка получится, может быть, схожей с некоторыми традициями отечественного кинематографа: не сказано, что свершится в финале, а зритель догадывается, ибо не зря смотрел весь фильм (не зря читал пространные статьи, в которых, очень надеюсь, уже положено хотя бы скромное начало комплексному анализу).

Тем самым еще раз хочу показать, что главная моя цель – вовсе не версию очередную оставить в топонимике, дабы она считалась моей версией, и не увеличить число этимологий такого-то уклона, а по-настоящему приблизить всех нас к исторической правде.

Библиографический список

1. Попов П. А. Почему не расшифровано слово «Москва»? / П. А. Попов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2025. – № 4 (45). – С. 54–76.
2. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России : Географические названия / Г. П. Смолицкая. – М. : Армада-пресс, 2002. – 416 с.
3. Топоров В. Н. «Baltica» Подмосковья / В. Н. Топоров // Балто-славянский сборник. – М., 1972. – С. 217–280.
4. Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе / В. Н. Топоров // Балто-славянские исследования. – 1981. – М., 1982. – С. 3–61.
5. Седов В. В. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья / В. В. Седов // Древнее поселение в Подмосковье : [(Троицкое городище)] : [сб. статей]. – М. : Наука, 1971. – С. 99–113.
6. Топоров В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В. Н. Топоров, О. Н. Трубочёв. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 271 с.
7. Смолицкая Г. П. Топонимия Москвы / Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский ; АН СССР. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
8. Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII–XV вв.) / М. Н. Тихомиров. – М. : МГУ, 1947. – 224 с.
9. Розенфельдт Р. Л. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам) / Р. Л. Розенфельдт // Русский город : историко-методологический сборник. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1976. – С. 5–16.
10. Летопись по Ипатскому списку / Изд-е Археогр. комис. – СПб., 1871. – IX, 616, 33, 28, 12 с.
11. Забелин И. Е. История города Москвы / И. Забелин. – 2-е изд. – М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1905. – Ч. 1. – XXVI, 652 с.
12. Ильинский Г. А. Река Москва / Г. А. Ильинский // Известия Российской академии наук. – [Б. м.] : [б. и.], 1922. – VI серия. – Т. 16. – С. 601–604.
13. Попов П. А. О происхождении названия реки Дон / П. А. Попов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2025. – № 2 (43). – С. 76–87.
14. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. – М. : Наука, 1983. – 208 с.
15. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. Н. Третьяков. – М., Л. : Наука, 1966. – 308 с.
16. Седов В. В. Славяне в древности / В. В. Седов. – М. : Академический проект, 2019. – 378 с.
17. Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Н. А. Кренке. – М. : ИА РАН, 2011. – 548 с.
18. Кренке Н. А. Дьяковская культура / Н. А. Кренке // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/1972130>.
19. Шилов А. Л. «Москва! Как много в этом звуке...» / А. Л. Шилов // Русская речь. 1997. – № 2. – С. 93–102.
20. Поспелов Е. М. Географические названия России : топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М. : АСТ; Астрель, 2008. – 523 с.
21. Тюльпаков Б. М. Топоним Москва в свете этнических процессов в западном Волго-Окском междуречье / Б. М. Тюльпаков // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 36–56.
22. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов // М. : Наука, 1982. – 328 с.
23. Смолицкая Г. П. История формирования топонимии Москвы / Г. П. Смолицкая // Вопросы географии. – М. : Мысль, 1985. – Сб. 126: Географ. названия в Москве. – С. 12–23.

24. Агеева Р. А. Гидронимия Москвы / Р. А. Агеева // Вопросы географии. – М. : Мысль, 1985. – Сб. 126: Географ. названия в Москве. – С. 60–73.
25. Имена московских улиц : топонимический словарь / [Р. А. Агеева, Г. П. Бондарук, Е. М. Поспелов и др. ; предисл. Е. М. Поспелова]. – М. : ОГИ, 2007. – 608 с.
26. Поспелов Е. М. Географические названия Московской области : топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М. : АСТ; Астрель ; Хранитель, 2008. – 603 с.
27. Коробко М. Царство Хапилы: пруд, которого нет / М. Коробко // Восточный округ. – 2008. – № 5. – С. 14–15.
28. Отин Е. С. Хопёр / Е. С. Отин // Русская речь. – 1973. – № 1. – С. 144–146.
29. Разрядная книга 1475-1598 гг. / АН СССР, Институт истории СССР; подготовка текста, вводная статья и редакция В.И. Буганова. – М. : Наука, 1966. – 614 с.
30. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1903–1909.
31. Добровольский А. Карту региона переписут по-руски? : Пишем «Москва», подразумеваем «Руза» / А. Добровольский // МК.RU. – 2013. – 29 окт. – URL: <https://www.mk.ru/daily/nashe-podmoskove/interview/2013/10/29/938038-kartu-regiona-rerepishut-poruzski.html?ysclid=machjt576e747328813>.
32. Книга Большому Чертежу / Подг. к печ. и ред. К.Н. Сербиной; Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. – М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 229 с.
33. Халипов С. Г. Что значит Москва? / С. Г. Халипов // Советское финноугроведение. – 1984. – № 2. – С. 141–143.
34. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5342.
35. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5343.
36. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5345.
37. Семёнов-Тян-Шанский П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи : в 5 т. / П. П. Семёнов-Тян-Шанский. – СПб. : Тип. Б. Безобразова и К^о, 1863–1885.
38. Энциклопедический словарь : [в 86 т.] / Под ред. И. Е. Андреевского; Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1890–1907.
39. Браташов В. А. Река Москва от истока до устья: состояние, проблемы, предварительные выводы и предложения / В. А. Браташов // Экспедиция «Великие реки России от истока до устья». – URL: <https://rivers-russia.ru/expedition/2019/01/22/reka-moskva-ot-istoka-do-ustya-sostoyanie-problemy-predvaritelnye-vyvody-i-predlozheniya.html?ysclid=mb7rxx70k263-2631286312>.
40. Афанасьев А. П. Финно-угорская гипотеза топонима Москва / А. П. Афанасьев // Вопросы географии. – М. : Мысль, 1985. – Сб. 126: Географ. названия в Москве. – С. 90–99.
41. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2326.
42. Рогалёв А. Ф. Назвы Бацькаўшчыны (тапанімія Беларусі) / А. Ф. Рогалёў. – 2-е выд. – Гомель : Барк, 2011. – 216 с.
43. Попов П. А. Воронеж: древнее слово и древние города, а также древние леса и древние реки России / П. А. Попов; послесл. Н. Ю. Хлызовой. – Воронеж : Кварта, 2016. – 608 с.
44. Мурзаев Э. М. Словарь местных географических терминов / Э. М. Мурзаев, В. Г. Мурзаева. – М. : Географгиз, 1959. – 303 с.
45. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1984. – 653 с.
46. Попов П. А. Локализация летописных битв на реках Каяле и Калке на основе комплексного топонимического анализа однокоренных гидронимов от Дона до Днепра / П. А. Попов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2024. – № 4 (41). – С. 75–93.
47. Тишков А. А. Москва. Природа / А. А. Тишков // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/moskva-priroda-87379a?ysclid=mbxf20zrjl169990238>.
48. Герберштейн С. Записки о московитских делах / С. Герберштейн // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л. : Лениздат, 1986. – 544 с.

49. Речные круизы : путеводитель / И.Ф. Петрова, Н.И. Коронкевич, С.А. Буланов [и др.]. – М.: Симон-Пресс, 2002. – 245 с. – URL: <https://k.twirpx.link/file/1052277/grant/>.

50. Чернов А. В. Морфология и история развития долины реки Москвы в позднеледниковье и голоцене / А. В. Чернов // Геоморфология. – 2021. – Т. 52 – № 4. – С. 79–96.

51. Кондрашев Л. В. Археология Москвы: Древние и современные черты московской жизни / Л.В. Кондрашев. – М. : Изд-во «Э», 2018. – 256 с.

*Воронежский государственный университет
Зональная научная библиотека
реставратор
В.Н. Ряполов
Россия, г. Воронеж,
e-mail: ryapoloff.v@yandex.ru*

*Voronezh state University
zonal scientific library
restorer
V.N. Ryapolov
Russia, Voronezh,
e-mail: ryapoloff.v@yandex.ru*

В.Н. Ряполов

НЕСКОЛЬКО УПОМИНАНИЙ О ПРЕБЫВАНИИ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО В ТОЛШЕВСКОМ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Статья посвящена кратковременному пребыванию Святителя Тихона епископа Воронежского, Задонского Чудотворца после его ухода на покой в Толшевском Спасо-Преображенском монастыре. О его отношении к монастырю и о том, как хранили память о Святителе монахи монастыря в XIX-начале XX века.

Ключевые слова: Монастырь, Святитель, монахи, часовня.

V.N. Ryapolov

A FEW REFERENCES TO THE STAY OF ST. TIKHON OF ZADONSK IN THE TOLSHEVSKY MONASTERY OF THE TRANSFIGURATION OF THE SAVIOUR

The article is devoted to the short-term stay of St. Tikhon, Bishop of Voronezh, Wonderworker of Zadonsk, after his retirement to Tolshevsky Transfiguration Monastery. About his attitude to the monastery and how the monks of the monastery preserved the memory of the Saint in the 19th and early 20th centuries.

Key words: Monastery, Saint, monks, chapel.

3 февраля 1763 года, после кончины епископа Воронежского и Елецкого Иоанникия (Павлуцкого), Святитель Тихон получил назначение – возглавить Воронежскую кафедру. В высшей степени требовательный к себе и окружающим, Святитель положил все свои силы, как духовные, так и физические на преобразование Епархии. Еще сильны были в народе языческие традиции, часто проявлявшиеся на ярмарках, особенно в праздничные дни, когда народ вместо храма, шел смотреть балаганные представления, посещал трактиры, пил, дрался, ругался и пр. Кроме того, смущали народ и представители различных толков и староверческих согласий, скрывавшиеся на Дону от властей. Владыке необходимо было навести порядок в монастырях, церквях, создать систему духовного образования. И все это требовало отдачи больших сил, переживаний и подрывало некрепкое здоровье. Считая себя вправе занимать епископскую кафедру из-за опасения хотя бы малейших упущений по службе, которые могли быть вызваны его болезненным состоянием, Святитель неоднократно обращался к властям с прошением удалиться на покой. Как указывалось в Житие Святителя: «Надобно вспомнить при этом, что больной приехал в Воронеж, так что в самый год, приезда вынужден был, по болезни, просить себе увольнения от должности. Болезненные припадки не оставляли его и в последующее время, и в марте 1766 г. он вновь доносил Святейшему Синоду, что в той же болезни находится и в крайнюю слабость пришёл, так что, и отправлять дел, которых много, и трудные, не может»[1, с.622]. И 17 декабря 1767 года он наконец-то получил разрешение уйти на покой. Ему была назначена пенсия и дозволено жить там, где он пожелает. Сначала Святитель поселился в Толшевском Спасо-Преображенском монастыре (в 40 верстах от Воронежа).

Как указывал известный воронежский краевед профессор В.П. Загоровский, это был «один из старинных небольших православных монастырей Воронежского края. Возник в первой половине XVII века как «Константиновская пустынь» в лесной глуши в 40 км. северо-восточнее Воронежа. В советские времена в зданиях монастыря размещалось управление Воронежского заповедника»[2, с.221].

Конечно, надо понимать, что период проживания в Толшевском монастыре был самым коротким в жизни Святителя Тихон, он занял чуть больше года, но, тем не менее, опустить его, и как бы не заметить, не хотелось бы. Публикаций, связанных с этим периодом тоже очень мало. В житийной литературе, он упоминается как бы вскользь, в исторической, за XIX век, мне удалось обнаружить три публикации, две из которых в «Воронежских Епархиальных Ведомостях» (далее «ВЕВ») и посвящены они не самому Святителю, а монастырю. Вот ими мы и воспользуемся.

Первая публикация появилась в №6 «ВЕВ» от 15 марта 1873 года в авторстве Задонского Богородицкого монастыря иеромонаха Геронтия под названием «Толшевский заштатный общежительный монастырь», где автор, посетив монастырь, описывает его историю, местоположение, храмы, здания, хозяйство, в том числе и периода жизни в нем Святителя Тихона.

И так: «Толшевская обитель основана в начале XVII века, что подтверждается историческими фактами о Воронежской Украине. По народному преданию основателем ее был некто Константин, который, желая подражать прежним святым мужам в подвижничестве, поставил для себя столб, на котором совершал свои подвиги по примеру Симеона Столпника. Этот столб сохранился до сих пор, и служит подтверждением предания. Вскоре, по основанию, на содержание обители, подарены были земли от Угрянских дворян и боярских детей, а в 1677 г. пожалована ей Федором Алексеевичем денежная руга, подтвержденная 1685 года, указами царей Иоанна и Петра Алексеевичей. Этот монастырь назывался в выписях "Константиновой пустыней", а по храму во имя Спаса Преображения Господня Спасовский монастырь. <...> Название же Толшей, получил по случаю толстого леса, росшего в местности, где ныне стоит обитель». Далее иеромонах Геронтий кратко дает рассказ о жизни Святителя в монастыре: «За тем история этого монастыря тесно связывается с именем святителя Тихона, который в 1768 году, оставив Воронежскую кафедру, по любви к безмолвию удалился в эту безмятежную обитель, где и полагал начало своему высокому подвижничеству, но сырость воздуха и вообще влажность местности, производили на его организацию и без того слабую, лихорадочную болезнь. Почему святитель по прошествии двух лет решил оставить эту обитель и перейти в Задонский монастырь, где и провел остальные дни своей жизни»[3, с.185-186]. На момент посещения монастыря отцом Геронтием, в нем хранились реликвии, вещи, непосредственно принадлежавшие Святителю: «Повыходи из кельи настоятельской, я начал осматривать достопримечательности монастыря. Между ними главный предмет составляет киновия св. Тихона, построенная на месте бывшей кельи его, близ святых ворот у северной стены колокольни. Взойдя в эту киновию, я ощутил в душе моей умиление, и, при виде здесь висевшего портрета Св. Тихона пал на колени, произнося в уме тропарь новоявленному угоднику: "От юности возлюбил еси Христа блаженне". Тут же видел я кресла, незатейливой, старинной работы и Псалтирь собственной библиотеки святителя, читанную им при жизни в часы досуга»[3, с.184-185].

Теперь перейдем ко второму изложению, упоминающему о жизни Святителя Тихона в Толшевском монастыре. Опубликовано оно было в №15 «ВЕВ» за 1883 год под названием «Описание Толшевского Спасо-Преображенского монастыря». К сожалению, автор данного текста не указан, да и текст немного отличается от предыдущего.

И так, что пишет неизвестный автор об основании монастыря: «Первоначальным своим существованием монастырь обязан одному благочестивому пустынно-пчелинцу Константину, – именем коего он прежде и назывался Константиновой пустыней.<...>

Старец и пчелинец (*добывающий мед диких пчел. – В.Р.*) Константин поселился не далее как в полуверсте на юго-запад, выше настоящего места монастыря у источника и до сих пор называемого "Константиновским" и жил, как гласит народное предание, в дупле громадных размеров дуба. На источнике, вода коего по канаве, изливается в реку Усмань, где жил св. Старец Константин, водружен крест. Прекрасное и весьма удобное во всех отношениях место избрал Старец Божий Константин для уединенной своей молитвы и Богомыслия!.. По обеим сторонам довольно рыбной реки Усмани (с татарского языка – Красавица) огромный и разнородный лес, разные плодовые деревья и кустарники, различного рода ягоды и грибы. Невозможно праведнику, стоящему на высоте добродетелей Христианских, укрыться от людей, ищущих просвещения и руководства в жизни духовно-нравственной. Его найдут и в лесах, и в пустынях и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных. Так случилось и со старцем Божиим Константином. Слыша о строго-подвижнической жизни старца Константина, мало по малу начали стекаться к нему люди с разных сторон для такого же молитвенного подвига, коих он принимал и, таким образом, собралось малое стадо Христово, – составилась монастырь»[4, с.624-625].

Конечно такое намоленное, отдаленное от городской суеты место не могло не привлечь к себе Святителя Тихона. А потому автор продолжает: «Толшевский монастырь, по удобствам своим для подвигов жизни иноческой, привлёк внимание Святителя Тихона, который в 1768 году, по добровольном увольнении своем от управления Воронежскую паствою, избрал местом для молитвенных подвигов своих Толшевский монастырь и прожил в нем один год и два месяца.

К сожалению, в то время в монастыре был воздух сперт окружающим лесом и нездоровый от множества болот и гнилых берегов реки Усмани, – что повлияло на слабое здоровье святителя и он в 1769 году великим постом, оставил этот монастырь и переселился в Задонский Богородицкий монастырь.

Впрочем, и из Задонского монастыря св. Тихон два раза посещал Толшевский монастырь в 1771 и 1776 годах и неоднократно говаривал: "вот здесь на монастырь подходит, – самая монашеская и уединенная жизнь!.. Ах, когда бы не вода здесь гнилая, тогда я никогда и не подумал бы жить в другом монастыре!"

Св. Тихон был как то покойнее и веселее в Толшевском монастыре. Всякий день ходил в церковь, читал и пел на клиросе, ходил в трапезу с монахами, – чего он не делал в Задонском монастыре. Ночью ходил около церкви и пред всеми дверями совершал колено-преклоненные молитвы, с горячими слезами, читал "Слава в вышних Богу" и пел псалмы; далее останавливался перед западными дверями, где стоял иногда по получасу.

Память св. Тихона в Толшевском монастыре сохраняется достоительно, между настоятелями и братией. Так, над кельею, где жил святитель, еще в 1832 году 2 мая, была воздвигнута каменная киновия при игумене Амвросие. Эта киновия в настоящее время расписана живописью, изображающею разных угодников Божиих. В киновии хранятся: 1) деревянный небольшой крест святителя, обложенный медью; 2) изображение св. Тихона, при жизни его каким-то живописцем снятое и 3) старинное деревянное кресло. Приходящие богомольцы служат в киновии молебны угоднику Божию Тихону»[4, с.631-632].

Нельзя не упомянуть и о коротком очерке, посвященном Толшевскому монастырю в известной книге архимандрита Димитрия (Самбикина) «Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии». Будучи ректором Воронежской Духовной семинарии в начале 80-х годов XIX века отец Димитрий объездил всю Епархию, и обо всех монастырях и храмах составил небольшие исторические очерки, которые вошли в 4-х томное издание выше указанной книги. К тому, что рассказали выше упоминаемые нами авторы, можно добавить, что со слов отца архимандрита небольшая часовня, освященная во имя Святителя Тихона в Толшевском монастыре была построена стараниями Св. Антония (Смирницкого) архиепископа Воронежского и Задонского, который много сил приложил к тому чтобы были обретены мощи Святителей Митрофана и Тихона епископов Воронежских и они причислены к лику святых.

Ну а что касается Святителя Тихона, то, как уже указывалось, в марте 1769 года (из-за неблагоприятных климатических условий) он переехал в Задонский монастырь, где и жил до самой своей кончины.

Толшевский Спасо-Преображенский монастырь был закрыт в 1932 году и разорен. В сохранившихся зданиях, как указывал профессор В.П. Загоровский, располагалась дирекция Воронежского биосферного заповедника. В 1994 году монастырь был возрожден, но уже как женский[5, с.195].

Библиографический список

1. Св. Тихон 1-й епископ Воронежский и Елецкий // Воронежские Епархиальные Ведомости №15 от 1 августа 1883 года (прибавление). С. 589-622.
2. Загоровский В.П. Воронежская историческая энциклопедия / В.П. Загоровский. – Воронеж: Издательство «Истоки», 1992. – 251 с.
3. Геронтий, иеромонах. Толшевский заштатный общежительный монастырь // Воронежские Епархиальные Ведомости №6 от 15 марта 1873 года (неофиц. часть). С. 184-189.
4. Описание Толшевского Спасо-Преображенского монастыря // Воронежские Епархиальные Ведомости №15 от 1 августа 1883 года (прибавление). С. 623-634.
5. Ряполов В.Н. Храмы, часовни и приделы церквей во имя Святителя Митрофана Воронежского в России и за рубежом / В.Н. Ряполов. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2023. – 280 с.

*Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и историко-культурного наследия
Д.В. Щукин
Россия, г. Елец,
e-mail: dionysios@yandex.ru
Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
студент институт культуры, истории и права
А.Р. Пирогова
Россия, г. Елец,
e-mail: shadowperetss@vk.com*

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
PhD in History, Associate Professor of the department of
history and archaeology
D.V. Shchukin
Russia, Yelets,
e-mail: dionysios@yandex.ru
Yelets State University named after
I.A. Bunin
student of the Institute of Culture, History and Law,
A.R. Pirogova
Russia, Yelets,
e-mail: shadowperetss@vk.com*

Д.В. Щукин, А.Р. Пирогова

СТУДЕНЧЕСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1950 - 1960-Х ГГ.: ПРАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ, ДОСУГА И БЫТА

В статье рассматривается феномен советского студенчества 1950–1960-х гг. в контексте процессов социальной трансформации периода «оттепели». На основе анализа мемуарных свидетельств, архивных данных и научных исследований реконструируются особенности образовательных практик, бытовых условий и форм досуга студентов. Показано, что в указанный период формируется особая модель студенческой повседневности, сочетающая идеологическую ангажированность, коллективизм и зарождающиеся элементы личной автономии.

Ключевые слова: история, студенчество, повседневность, СССР, оттепель, образование, досуг, молодежь, идеология.

D.V. Shchukin, A.R. Pirogova

STUDENTS IN THE SPACE OF SOVIET EVERYDAY LIFE IN THE 1950s AND 1960s: PRACTICES OF EDUCATION, LEISURE, AND LIVING CONDITIONS

The article examines the phenomenon of Soviet students in the 1950s and 1960s in the context of the processes of social transformation during the Thaw period. Based on the analysis of memoirs, archival data, and scientific research, the article reconstructs the features of educational practices, living conditions, and leisure activities of students. It is shown that during this period, a special model of student everyday life was formed, combining ideological engagement, collectivism, and emerging elements of personal autonomy.

Key words: history, students, everyday life, USSR, thaw, education, leisure, youth, ideology.

Проблематика повседневной жизни советского студенчества середины XX века на протяжении последних десятилетий вызывает устойчивый интерес в отечественной исторической и культурологической науке. Это объясняется тем, что студенчество является не только социальной группой, но и особым феноменом культурной эпохи — отражением трансформаций идеологических, экономических и нравственных ориентиров общества.

В 1950–1960-е гг. Советский Союз переживал один из самых динамичных периодов в своей истории. Послевоенное восстановление сменялось новой индустриализацией, массовым жилищным строительством, экономическими и политическим преобразованиями, реформами в сфере образования, новыми научными открытиями и достижениями.

На фоне этих процессов формировалась и новая социальная категория - студенчество как массовый слой советской интеллигенции, призванный воплотить в будущем некий идеал «советского человека».

В 1960 г. в СССР было 753 высших учебных заведения с числом студентов в них 2 267 тыс. человек (по всем видам обучения) [5, С. 46]. При этом понятно, что за сухой статистикой стояли конкретные судьбы — повседневный мир молодых людей, для которых университет становился пространством не только учёбы, но и личностного становления, дружбы, творчества, первой любви, материальных трудностей и бытовых компромиссов.

Отметим, что история советского студенчества в 1950 - 1960-е годы — это ещё и история столкновения двух миров: официально-политического, регламентированного нормами правящей идеологии власти и личного, интимного — юношеского стремления к свободе, искренности, самовыражению. Повседневность студентов позволяла смягчить жёсткие рамки идеологии, создавая пространство для формирования новой культурной идентичности, характерной для поколения «детей оттепели» [2, С. 126].

Современные исследователи отмечают, что в повседневных практиках студентов отражались все противоречия советской действительности: с одной стороны — вера в коллективные идеалы, с другой — постепенное пробуждение личной ответственности, интерес к внутреннему миру человека, к культуре и науке вне рамок идеологического диктата.

Первые послевоенные годы характеризовались острой нехваткой квалифицированных кадров. Война унесла жизни миллионов, и восстановление экономики требовало новой волны специалистов — инженеров, врачей, педагогов, учёных. Именно поэтому в 1950-е гг. государство сделало ставку на развитие системы высшего образования. Так, в 1946 году постановлением Совета Министров СССР было утверждено увеличение приема в высшие учебные заведения. К 1953 году число студентов возросло почти вдвое, а после смерти И.В. Сталина начался новый этап реформ, связанный с десталинизацией и «оттепелью». С 1956 года отменяются обязательные «рабфаковские» подготовительные курсы, расширяется сеть вечерних и заочных факультетов, открываются новые университеты. При этом советская власть, несомненно, продолжала контролировать идеологическую сторону образования. Основным лозунгом оставалось: «учиться, чтобы быть полезным Родине». Однако на практике это сочеталось с разными стремлениями студентов от получения качественного образования, до самореализации в науке или культуре.

Социальная структура студенчества в исследуемый период претерпела значительные изменения. Если до 1940-х гг. основу студенчества составляли дети интеллигенции и партийных работников, то после 1960-х всё более заметной становится доля выходцев из рабочих и крестьян. Причиной данного становится позиция партийного руководства страны во главе с Н.С. Хрущевым, которое считало о необходимости увеличения доли абитуриентов вузов из среды рабочих и крестьян, а также доли абитуриентов, имеющих стаж практической работы. В 1958 г. Верховный Совет СССР принимает закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [4]. В нём прямо указывалось на необходимость увеличения подготовки специалистов в университетах путем заочного и вечернего обучения. Всё это естественно привело к «нужным» результатам. На дневных отделениях советских университетов началось обучение студентов на основе сочетания учебы с общественно полезным трудом. На этой волне логичным стали и следующие цифры статистики. Так, в 1962 г. среди студентов, принятых на дневные отделения высших учебных заведений, 59% (184 тыс. человек) составляли лица, имеющие стаж практической работы не менее двух лет [5, С. 47].

Анализ исторических материалов показывает, что для многих поступление в вуз в данное время становилось главным социальным лифтом. При этом учебная жизнь советского студента середины XX века представляла собой сложный сплав строгой дисциплины, энтузиазма, идеологической нагрузки и личного стремления к знаниям. В рассматриваемый

период обучения в вузе в СССР становится бесплатным с гарантированным трудоустройством после выпуска. Студент, получивший диплом, обязан был отработать 3 года по распределению. С одной стороны, это обеспечивало занятость, но ограничивало свободу выбора.

Проведём анализ обычных практик повседневной жизни советских студентов периода 1950-1960 – х гг. Как правило, учебный день в большинстве советских вузов начинался в 8:30 или 9:00 утра. В среднем в расписании было 4–5 пар по 90 минут, между которыми делались короткие перерывы по 10–15 минут и один большой перерыв на обед — около 14:00 [8, С.41]. Пары могли продолжаться до 17:00 или даже 18:00, особенно в технических и педагогических институтах. Вечером большая часть студентов занималась в библиотеке, участвовала в кружках или подрабатывала. Сам учебный процесс строился по классическому принципу: лекции — семинары — зачёты — экзамены. Лекции читали профессора, часто известные специалисты, многие из которых имели фронтальной опыт. В конспектах студенты записывали практически каждое слово, что фактически определяло своеобразный «культ конспекта» в анализируемое время. Семинары проходили более свободно: преподаватель задавал тему, студенты выступали с докладами, спорили. На гуманитарных факультетах в середине 1950-х годов обсуждались произведения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Горького, но также постепенно вводились новые имена — М. Булгаков, А. Ахматова, М. Цветаева, о которых ещё недавно нельзя было говорить открыто [12, С. 216].

Экзаменационная сессия вызывала настоящий стресс. К ней готовились неделями, ночевали в библиотеках. В вузах существовали негласные традиции: например, «сдачу зачёта по халяве» — бросить зачетку в окно, чтобы поймать удачу. Несмотря на строгость преподавателей, к концу 1950-х отношение к студентам становилось мягче. Многие преподаватели помогали, подсказывали, проявляли интерес к судьбе студентов. Серьёзное внимание уделялось практической подготовке. Инженеры и медики проходили обязательные производственные практики, педагоги - практику в школах. Считалось, что «настоящего специалиста воспитывает не только аудитория, но и жизнь» [12, С. 218].

Отметим, что характер отношений между преподавателями и студентами в рассматриваемый период был особым. Старшее поколение педагогов, пережившее войну, отличалось требовательностью и строгостью. Опоздания и пропуски без уважительной причины не допускались. За систематические нарушения могли лишиться стипендии или вызвать на заседание комсомольского бюро. Вместе с тем в подавляющей практике большинство преподавателей проявляли гуманное, человеческое отношение к студентам [12, С. 219]. Преподаватели нередко становились наставниками и образцами интеллигентности. В их облике студенты видели культурный идеал, соединявший знания, нравственность и скромность.

После XX съезда КПСС (1956 г.) и критики культа личности И.В. Сталина политическая атмосфера в СССР претерпела свои структурные изменения. В пространстве студенческой повседневности «хрущёвская оттепель» также найдет своё отражение. На практике это воплотится в более допустимое обсуждение вопросов культуры, морали, достижений научной среды [12, С. 218].

Учебные курсы идеологического характера — «История КПСС», «Научный коммунизм», «Диалектический материализм» — по-прежнему оставались в статусе обязательных для всех факультетов и направлений подготовки. Их целью было не только передать знания, но и в большей степени сформировать некое «правильное мировоззрение». На лекциях студенты изучали труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, а позже Н. С. Хрущёва. При этом в гуманитарных вузах (особенно в столичных) получает своё постепенное развитие практика обсуждений философских вопросов, творчества западных мыслителей и литературы.

Отметим, что вышеобозначенные учебные курсы выступали некими символами повседневности советского студенчества. При этом студенты, посещая данные занятия, воспринимают их сквозь призму уже реальной текущей действительности периода

хрущёвской «оттепели». На первый план выходят ценности самореализации, дружбы, профессионального роста, желания сделать мир лучше, что соответствовало общему духу «шестидесятых» в общемировом масштабе.

В 1960-ые годы постепенно менялся и педагогический стиль. В лекциях стали чаще звучать ссылки на западные источники, упоминались новые научные открытия. Особенно это касалось естественных наук и гуманитарных дисциплин.

Анализируя пространство студенческой повседневности в СССР периода 1950-1960-х гг. нельзя не указать тот факт, что центральную роль в жизни студентов по-прежнему играла комсомольская организация (ВЛКСМ). Членство в комсомоле было фактически обязательным: отказ воспринимался как идеологическое отклонение. Она не только контролировала общественную активность, но и формировала коллективную идентичность советского студенчества. Членство в ВЛКСМ означало не просто принадлежность к некоей молодёжной организации, но и признание определённой системы «советских ценностей» — трудолюбия, коллективизма, патриотизма, готовности служить Родине, партии [1. С. 16-17]. Комсомольские бюро действовали фактически в каждом институте. Они организовывали политинформации, проводили собрания, распределяли общественные поручения. Студенты избирали комсоргов, отвечавших за дисциплину, посещаемость и участие в мероприятиях. Нарушения идеологических норм могли повлечь выговор или исключение из комсомола. Через комсомол студенты часто реализовывали творческие инициативы — выпуск стенгазет, создание театральных кружков, проведение культурных вечеров.

Материальное обеспечение студентов в рассматриваемый период оставалось достаточно скромным. Размер студенческой стипендии в 1950-х годах в СССР составлял 180–300 рублей, а повышенная (за отличную учёбу) - 400 [15]. В конце 1950-х правительство СССР увеличило размер стипендий до 290–350 рублей. В технических вузах или педагогических институтах на периферии она могла быть чуть ниже. В рамках структурного анализа приведём пример студенческих расходов. Они были следующими: обед в столовой стоил 1 рубль, завтрак — около 60 копеек, проезд в трамвае — 20 копеек, газета «Комсомольская правда» — 20 копеек, кино — 25–40 копеек. В конце месяца у многих студентов денег фактически не оставалось.

Вопрос питания всегда играл и занимал центральное место в практике студенческой повседневности как тогда, так и сейчас. Студенческое меню рассматриваемого периода, как правило, включало в себя щи или рассольник, второе — котлету, макароны или гречку, и компот. В дневное время обеда стоили в районе 1–1,50 рубля. (рис. 1) [9]. Всегда в продаже имелась хлебная выпечка, кефир, которые достаточно быстро стали предметно ассоциироваться со студенческим молодёжным образом жизни.

Блюдо	Цена, коп.
ЗАКУСКИ	
Салат из свежей капусты	0-05
Кабачки нарезные	0-13
Масло сливочное	0-08
Салат из свежих помидор	0-10
Огурцы соленые	0-02
Сметана	0-20
Яйцо вареное	0-13
Сельдь с луком	0-18
Говядина отварная с зеленым горошком	0-27
ПЕРВЫЕ БЛЮДА	
Борщ с мясом (говядина) и сметаной (полная порция)	0-28
Суп молочный рисовый (полная порция)	0-16
ВТОРЫЕ БЛЮДА	
Котлеты из говядины	0-15
Шницель из баранины	0-27
Рагу из баранины	0-33
Баранина тушеная	0-26
Каша манная на молоке	0-13
Плов из баранины	0-34
Яичница с колбасой	0-37
Бифштекс с яйцом	0-34
ГАРНИРЫ	
Гречка	0-06
Пюре картофельное	0-08
Капуста тушеная	0-06
МУЧНЫЕ БЛЮДА	
Блины с маслом сливочным	0-09
Блины со сметаной	0-10
Блины с повидлом	0-08
Корж молочный	0-07
Песочники	0-09
Пирожок с капустой	0-05
Колбаса в тесте	0-18
НАПИТКИ	
Кефир	0-11
Чай	0-03
Компот	0-05
Молоко	0-08

Рис. 1. Цены из столовой № 2 (г. Хабаровск, Хабаровский политехнический институт), 1968 г.

В крупных московских и ленинградских вузах существовали «дешёвые студенческие столовые», где можно было поесть за 80 копеек, и буфеты, где продавали пирожки, кефир и кофе. Порции были скромные, но блюда — домашние. Вечером столовые превращались в пространство для общения: студенты обсуждали занятия, писали конспекты, устраивали импровизированные посиделки с гитарой.

Отметим, что питание становилось не только физиологической, но и социальной практикой — способом выжить, объединиться, обменяться новостями. Некоторые студенты готовили в общежитиях. На этажах были общие кухни, где стояли две газовые плиты. Там варили макароны, картошку, гречку, делали чай на спиртовке. Одна кастрюля служила всем. Часто организовывали «общие ужины»: складывались по 2–3 рубля и варили «плов по-студенчески» — рис с тушёной, луком и морковью.

Студенческие общежития в СССР в период 1950 - 1960-х годов являлись не просто местом проживания, но целой «моделью советского общества». В нём формировались дружбы, студенческие союзы, любовные отношения, коллективные нормы поведения и представления о справедливости. Жизнь в студенческом общежитии вырабатывала способность приспосабливаться к коллективу, помогать друг другу, делить последние продукты или учебники [3. С. 57].

В исследуемый период в среднем комната на четырёх студентов имела площадь около 18–20 м². Интерьер был типовой - железные кровати, тумбочки, общий стол, иногда шкаф [2. С. 56]. Отопление было далеко не во всех зданиях стабильным, особенно в зимний период. Нередки были перебои с горячей водой, а туалет и душ находились в конце коридора. Воду на чай кипятили на спиралях, а еду готовили на плитках или даже примусах. Стирать приходилось вручную, сушили бельё на верёвках в комнате. Однако, несмотря на всё это, общежитие было пространством свободы и дружбы.

Анализируя внешний вид, облик советского студента заявленного периода, подчеркнём особую «культура скромности» в данном вопросе. Девушки шили платья и блузки своими руками, менялись вещами. Парни носили пиджаки и брюки «под Штрауса», если удавалось достать модную ткань. Важным элементом быта было украшение комнат: занавески, фотографии родных, вырезки из журналов «Огонёк» и «Юность», цитаты из произведений В. В. Маяковского и К. М. Симонова. На стенах висели портреты Ю. А. Гагарина, А. Т. Твардовского, А. А. Ахматовой. Девушки расставляли цветы в банках, парни мастерили полочки из ящиков.

Таким образом, жизнь в общежитии создавала тесные связи. Совместные чаепития, «капустники», празднования стипендии или 8 Марта — всё это стало частью неофициальной культуры пространства студенческой повседневности анализируемого периода.

Внешний вид студентов отражал как социальные возможности, так и идеалы советской эпохи хрущёвской «оттепели». Одежда была простая, аккуратная, часто самодельная. Девушки шили платья из ситца, крепа, атласа, а зимой носили пальто с меховой отделкой и береты. Парни стремились выглядеть «современно» — пиджаки, узкие брюки, кепки [6. С. 153]. После 1957 года, когда в СССР в г. Москва приехали иностранные студенты и прошёл Всемирный фестиваль молодёжи, советская мода пережила настоящий сдвиг. Студенты начали ориентироваться на западный стиль: девушки — на французскую моду, парни — на джинсы, галстуки и короткие причёски [6. С. 153-154]. Несмотря на идеологическую настороженность к «буржуазным влияниям», стремление быть «модным» стало важной частью студенческой идентичности. Мода, как и музыка, становилась формой самовыражения, особенно в неформальной среде — на танцах, вечерах, встречах комсомольских клубов.

Досуг студентов рассматриваемого периода был коллективным, контролируемым, но при этом творческим. При каждом вузе существовали Дом культуры, клуб или актовый зал, где проводились концерты, вечера самодеятельности, лекции, праздники. Студенты участвовали в хорах, театральных кружках, танцевальных коллективах. Особенно популярными были капустники — сатирические студенческие представления, которые позже

стали основой всеми известного движения КВН.

В 1950-х годах формируется и культура студенческих походов и субботников. Это также время расцвета студенческих строительных отрядов, ставших важной частью социалистической повседневности указанного периода. Тысячи студентов летом уезжали на стройки — в Сибирь, Казахстан, на целину. Работа в стройотряде воспринималась как «школа мужества» и способ доказать свою преданность стране. Трудовые будни сопровождались песнями, стихами, шутками. Возникали первые авторские коллективы, которые позже породили движение КСП (клубов самодетельной песни). Среди песен тех лет — «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», «Прощай, Сибирь», «Мы — студенты» [14, С.188].

Участие в субботниках, благоустройстве, уборке урожая выступало обычной нормой пространства студенческой повседневности исследуемого периода. Это формировало особый тип личности — «активного строителя будущего», для которого труд был не только обязанностью, но и моральной ценностью.

В 1960-е годы формировалась «интеллигентская субкультура студента»: интерес к книгам, музыке, науке, внутренней свободе. Особую роль играли журналы: «Юность», «Новый мир», «Иностранная литература». Именно через них студенты узнавали о новых течениях, поэтах-шестидесятниках, современной музыке и театре. Кинофильмы Э. А. Рязанова, М. К. Калатозова, М. М. Хуциева создавали новые образы молодёжи — свободной, деятельной, мечтательной. Студенты ходили на фильмы «Весна на Заречной улице» (1956), «Девчата» (1961), «Карнавальная ночь» (1956). Эти картины задавали стиль поведения, язык эмоций, формировали эстетический вкус. На вечерних студенческих посиделках и концертах часто звучала поэзия Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенского, Б. А. Ахмадуллиной. Эти поэты становились символами новой эпохи — более искренней и личной.

Танцевальные вечера проводились в клубах или общежитиях: под патефон или живой оркестр. Музыкальный репертуар включал советские шлягеры и немного западных мотивов — твист, чарльстон, танго. На вечерних мероприятиях существовали негласные правила поведения: «не танцуй больше трёх раз подряд с одним», «не ходи в кино одна с парнем». Однако внутри этих рамок развивались настоящие дружбы и любви. Множество браков заключалось прямо после окончания вуза.

Особой популярностью пользовались студенческие клубы, где обсуждались философские темы, звучала джазовая музыка, проводились вечера поэзии. В университетской среде конца 1950-х зарождались зачатки «неофициальной культуры» - то, что позже назовут андеграундным мышлением.

Студенты много читали. Книги были не только источником знаний, но и символом духовного роста. Самыми популярными авторами были Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. В. Маяковский, К. М. Симонов, С. А. Есенин, а с «оттепелью» — Эрнест Хемингуэй, Эрнст Ремарк, Илья Эренбург. Библиотеки вузов становились центрами интеллектуальной жизни. Места за столами занимали задолго до открытия, особенно в сессию. Студенты переписывали целые главы вручную, так как книг не хватало.

Повседневность советского студенчества 1950-1960-х гг. имела свои символы: тетрадь с красной обложкой, брелок с гербом вуза, зачётка как амулет, чай с мятой на кухне общежития. Эти простые вещи создавали ощущение принадлежности к общему миру знаний, молодости и надежд. Для многих поколений студентов этого периода ключевым было чувство общности, сопричастности к «большому делу» — строительству новой страны, новой послевоенной жизни, освоению космоса, новым открытиям в науке.

Советское студенчество 1950–1960-х годов осознавало себя «авангардом общества». Молодые люди ощущали принадлежность к историческому процессу — строительству коммунизма, освоению космоса, развитию науки. Выход в эфир первого спутника (1957 г.), полёт Юрия Гагарина в космос (1961 г.) воспринимались как личные достижения.

Среди студентов технических и естественных факультетов царил вера в науку,

рациональность, прогресс. Среди гуманитариев — интерес к философии, культуре, этике. Это было поколение, чья повседневность сочетала простоту быта с масштабностью мечты. Эта установка на смысл, труд, дружбу и идеализм формировала особую идентичность — «советского интеллигента», выросшего из студенческой скамьи.

Подводя итог, можно сказать о том, что студенчество рассматриваемого периода было не только социальной группой, но и культурным феноменом, в котором соединились идеология, труд, романтика и личное стремление к самореализации. В этом и есть на наш взгляд главная особенность пространства студенческой повседневности советской эпохи середины XX века..

Библиографический список

1. Александрова И.Н., Власова Т.А., Ованесян И.Г. «Говорим о новом, а ничего нового не делаем...»: к характеристике стиля комсомольской деятельности на рубеже 1950-х - 1960-х годов /И.Н. Александрова, Т.А. Власова, И.Г. Ованесян// Манускрипт. -2016. - № 6-2 (68). – С. 18-20
2. Галлямова А.Г. Из истории студенчества в период «оттепели» /А.Г. Галлямова // Высшее образование в России. - 2009. - № 4. - С. 126 - 131
3. Жидченко А.В. Повседневная жизнь студенческих общежитий новых районов крупных городов Сибири в 1950-60-е гг. (локальный аспект) /А.В. Жидченко // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. - 2015. - № 2. – С.52-62.
4. Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // Вестник высшей школы - 1959. - № 1. -С. 6-13.
5. Иванова Г.М. Образовательные стратегии молодёжи в СССР в 1950-1960-ые гг. /Г.М. Иванова // Историческая и социально – образовательная мысль. - 2021. - № 4. – С. 37-52.
6. Козубова А.В. Мода в СССР 50–60-х годов /А.В. Козубова, А.Т. Джабиев // Юный ученый. - 2024. - № 2 (76). - С. 152-154.
7. Косматова Е.В. Социальная повседневность 1950 - 1960-х годов. К историографии вопроса /Е.В. Косматова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. - 2013. - № 1. – С.190 – 191.
8. Молчанова Т.В. Бюджет времени ленинградского студента в 1950-1960-е гг.: построение модели /Т.В. Молчанова //Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры - 2011. - № 3. – С. 40-43.
9. Обед за рубль: полное меню студенческой столовой в СССР — от солянки до компота. – URL: <https://radiotochki.net/blog/cooking/obed-za-rubl-polnoe-menyu-studencheskoystolovoy-v-sssr-ot-solyanki-do-kompota.html> (дата обращения 30.10.2025).
10. Образование в СССР – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Образование_в_СССР
11. Пацкевич В.А. Быт советского человека в 1960-х годах / В.А. Пацкевич, С.В. Стуликова // Молодой ученый. - 2022. - № 52 (447). - С. 308-310.
12. Пыжиков А.В. Реформирование системы образования СССР в период оттепели (1953–1964 гг.)/А.В. Пыжиков // Вопросы истории. - 2004. - № 4. - С. 215–220.
13. Советское образование в 1950-х – 1960-е гг. // Образовательный портал «Справочник». URL: https://spravochnick.ru/istoriya_rossii/ottepel_i_sovetskaya_kultura_v_konce_1950-h_1960-e_gg/sovetskoe_obrazovanie_v_1950-h_1960-e_gg/ (дата обращения 03.11.2025).
14. Строганов М.В. КСП в исторической перспективе /М.В. Строганов// Культура и текст. 2014. - № 1 - (16). – С.188-197.
15. Стипендии в учебных заведениях и на курсах в СССР. 1950 г. – URL: https://istmat.org/files/uploads/57925/stipendii_50_g.pdf (дата обращения 01.11.2025).

УДК 908

*Воронежский государственный университет
аспирант кафедры истории России
К.А. Юрьев
Россия, г. Воронеж,
e-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru
Независимый исследователь
Е.В. Ермошина
Россия, г. Воронеж,
e-mail: na_podskoke@mail.ru*

*Voronezh State University
postgraduate of the Department of Russian History
K.A. Yuriev
Russia, Voronezh,
e-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru
Independent researcher
E.V. Ermoshina
Russia, Voronezh,
e-mail: na_podskoke@mail.ru*

К.А. Юрьев, Е.В. Ермошина

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИМАНДРИТА ФЛОРЕНТИЯ НА ПОСТУ
НАСТОЯТЕЛЯ ДИВНОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ**

В данной статье рассматривается биография архимандрита Флорентия, который в конце XIX века был назначен настоятелем Дивногорского монастыря в Острогожском уезде Воронежской губернии. Им он оставался до Октябрьской революции. Активная общественная деятельность о. Флорентия была подробно отражена в печати начала XX века и архивных исторических источниках. Поэтапно разбирая те или иные аспекты, авторы приходят к выводу, что Флорентий смог удачно распорядиться вверенными ему ресурсами Дивногорского монастыря, сделав его примечательной частью Воронежской епархии.

Ключевые слова: о. Флорентий, Дивногорский монастырь, с. Селявное, благотворительность, Первая мировая война, секты, Воронежская область, мелиорация, православие.

К.А. Yuriev, E.V. Ermoshina

**PUBLIC ACTIVITY OF ARCHIMANDRITE FLORENTY AS RECTOR OF
DIVNOGORSKY MONASTERY**

The article examines the biography of Archimandrite Florentiy, who was a rector of the Divnogorskiy Monastery in Ostrogozhsky district of the Voronezh province at the end of the 19th century and till the October Revolution. Multiple social activities of f. Florentiy were reflected in detail in the press of the early 20th century and archival historical sources. Analyzing various aspects step by step, the authors come to the conclusion that Florentiy successfully managed the resources of the Divnogorsky Monastery which were entrusted to him, making it a notable part of the Voronezh Diocese.

Key words: f. Florenty, Divnogorskiy monastery, Selyavnoye village, charity, World War I, sects, Voronezh region, land reclamation, Orthodoxy.

Во второй половине XVII века недалеко от места слияния рек Дон и Тихая Сосна был основан Дивногорский мужской монастырь. Находясь на южной границе государства, в первое время своего существования он пережил набеги крымских татар и восстание Степана Разина [14, с. 6-7]. В XVIII веке монастырь и округа активно развивались: неподалёку выросла слободка Дивная (современное село Селявное) [14, с. 13-14], увеличивались доходы и укреплялось положение монастыря в епархии. В 1788 году, в рамках политики Екатерины II по секуляризации монастырских земель, обитель была закрыта [14, с. 15-22]. Вновь Дивногорский монастырь открылся лишь в 1828 году [14, с. 23-30]. Стоит отметить, что XIX век стал довольно беспокойным временем для монастыря: в 30-е гг. настоятели часто менялись и отсутствовали на месте; с 40-х гг. некоторые настоятели начинали труд на новом поприще в качестве деятельных управленцев, однако эта активность прекращалась по достижении ими преклонных лет [14, с. 36].

После восстановления монастыря произошло одно из важнейших событий в его истории. В 1831 году неподалёку («на столпе в Больших Дивах») была обретена Сицилийская икона Божией Матери. Она стала настоящим сокровищем обители, слава о котором распространилась далеко за пределами Дивногорья [14, с. 39-40]. Ежегодно образ вывозился в разные населённые пункты и участвовал в крестных ходах, где был доступен для многочисленных паломников [40, с. 127-128]. При этом в округе Дивногорья были представлены и другие религиозные течения, с которыми обитателям монастыря так или иначе приходилось сталкиваться. На территории Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. существовало несколько сектантских направлений; число их последователей, по утверждению Андрея Александровича Секирина, выходило далеко за пределы официальной статистики (которая показывала рост их числа с 14 тыс. до 20 тыс. чел.) [32, с. 137-154].

Необходимо сообщить и о внутреннем состоянии монастыря, ограничившись кратким перечнем основного имущества и источников дохода. Среди таковых значительную долю составляли пожертвования от мирян, посещавших монастырские объекты: четыре церкви, территорию бывшего Шатрищегорского монастыря, а также подворья в соседних уездных городах – Коротояке и Острогоске. Земельные владения были достаточно обширны: по данным историка Александра Стефановича Кременецкого, у монастыря было около 650 десятин земли. Насельники монастыря не могли обработать такую площадь собственными силами, даже с учётом того, что не все земли были пахотными [12, с. 25-39]. Кроме перечисленного, часть монастырской земли сдавалась в аренду [6, л. 1-13]. Этот список доходов обители, вероятно, не полон; допустимо предположить, что монастырь осуществлял и другие виды деятельности (например, торговлю).

Таким образом, в конце XIX - начале XX века Дивногорский монастырь находился в очень любопытном положении, когда само место и наличие святыни определяли его роль духовного центра, но отсутствие квалифицированного управления и специфичное окружение осложняли ситуацию. При этом не стоит забывать о том, что обитель обладала значительными финансовыми ресурсами, которыми следовало грамотно распорядиться. Все это стало фоном для появления нового настоятеля – отца Флорентия, ставшего последним из-за закрытия монастыря после Октябрьской революции. Относительное обилие сведений, записанных современниками, позволяет изучить разностороннюю деятельность этой исторической фигуры достаточно подробно.

Биография о. Флорентия, или в миру Фёдора Ивановича Рышкова, достаточно неплохо описана А.С. Кременецким: стоит остановиться на нескольких ключевых моментах. Настоятелем Дивногорского монастыря о. Флорентий был назначен 10 марта 1898 года по причине ухудшения состояния здоровья предшественника, о. Анфима. До этого назначения он занимал должность благочинного Митрофанова монастыря в Воронеже и в своём труде был отмечен наградами. Так, в 1882 году его наградили набедренником, в 1892 году – наперстным крестом от Святейшего Синода. Также у него была серебряная медаль в память о царствовании Александра III. Более того, через пять дней после назначения настоятелем Дивногорского монастыря, 15 марта 1898 года о. Флорентий был возведён в сан архимандрита [12, с. 23-25].

Современники оставили несколько воспоминаний, характеризующих священнослужителя с точки зрения мирской, обывательской. Например, А.С. Кременецкий, автор книги про историю Дивногорского монастыря, отмечал: «О. Флорентій – выдающийся хозяинъ. Это можетъ свидѣтельствоватьъ Дивногорскій монастырь. Благодаря трудамъ и практическимъ знаніямъ о. Флорентія, Дивногорскій монастырь можно безъ преувеличенія сказать, сталъ однимъ изъ благоустроеннѣйшихъ монастырей въ Воронежской епархіи» [12, с. 23]. Леонид Михайлович Савёлов, историк, политик и общественный деятель, дал следующую характеристику настоятелю: «...архимандрит Флорентій (происхождениемъ крестьянин), человекъ весьма неглупый и энергичный» [31, с. 184].

На посту настоятеля монастыря о. Флорентий проявил себя добродетельным христианином. Благодаря содействию архимандрита, 14-15 мая 1911 года состоялась «экскурсия-паломничество» в Дивногорский монастырь для учащихся Новосотенской второклассной школы из Острогужского уезда [33, с. 702-708]. Подобные мероприятия были регулярными для Дивногорского монастыря в начале XX века [10, с. 16].

Забота о молодёжи не ограничивалась экскурсиями. В ходе благоустройства территории обители в 1900-1902 гг. была построена школа-пансион для детей-сирот, где, помимо обычного обучения, воспитанники осваивали ремесло, а выпускникам выделяли зимние и летние вещи и средства на первое время (у учеников были сберегательные книжки) [12, с. 40-48].

Облагораживались не только постройки, но и внешние владения монастыря. Среди земельных участков обители выделялась дача «на Мордве» в 2,1 км от железнодорожной станции Коротояк (ныне – станция Копанице). Поднятый ветрами супесчаный грунт засыпал соседние пахотные земли, росли овраги, уменьшая площадь, пригодную для земледелия. В 1899 году по инициативе о. Флорентия на этом участке за счёт Дивногорского монастыря были начаты работы по мелиорации [6, л. 1-13]. В качестве первичного агента по закреплению субстрата выступила шелюга – кустарниковое растение, разновидность ивы, хорошо растущее на песчаных почвах [43, с. 1332]. Площадь дачи была 253 десятины 100 квадратных сажень, из которых в 1899 году около 100 десятин было засажено шелюгой. Агротехническая деятельность монастыря не осталась незамеченной, и с 1900 года работы на Мордве продолжились при поддержке коротояжской администрации. В 1900 году было высажено уже 20 десятин сосны, в 1901 году – 15 десятин, в 1902 году – 5 десятин, в 1903 году – 6 десятин дуба, берёзы, сосны и других пород. В итоге общая покрытая насаждениями площадь выглядела так: всего засажено 106 десятин, из которых 100 десятин сосны и 6 десятин лиственных пород между рядами шелюг. За посадками ухаживали: проводились своевременные прореживания, рыхление почвы и проч. Благодаря этому, в среднем потери зелёных насаждений были невелики – 5-15 процентов. Также на участке дежурили смены сторожей, а к самим работам иногда привлекались арендаторы монастырских земель и временные рабочие. Как следует из отчётов, расход на десятину по посадке был 11 рублей, по пополнению участка – 3 рубля и по уходу – 3 рубля [6, л. 1-13]. Старший лесной ревизор Ломакин, осмотрев посадки, отметил: «Производственные облесительные работы имеют громадное значение как в смысле предохранения смежных угодий от заносов песком, так и хозяйственное значение, способствуя прекращению непроизводительной, песчаной почвы в лесную площадь, дающую владельцам материальный доход в виде шелюгового хвороста, пригодного как плетневый материал, так и топливо. Кроме сего эти работы послужили примером подражания других лиц» [6, л. 7]. Последнее подтверждал рассказ Л.М. Савёлова о некоем С.Е. Лисицине, который повторил агротехнику о. Флорентия на своём участке [31, с. 184]. За свою деятельность по укреплению почвы архимандрит Флорентий был награждён золотой медалью от Воронежского Лесоохранительного Комитета [6, л. 13]. Говоря о дальнейшей судьбе этих посадок, Леонид Михайлович сообщил, что они основательно пострадали от артиллерийских обстрелов во время Гражданской войны [31, с. 184].

Возвращаясь к деятельности на ниве «доброто, вечного», следует отметить, что Флорентий был членом различных организаций из сфер благотворительности, просвещения. Так, ещё будучи иеромонахом Митрофанова монастыря, в 1895 году Флорентий стал членом «Воронежского Братства святителей Митрофана и Тихона» [26, с. 38]. Устав Братства, среди прочего, предписывал: содействие открытию школ, распространение книжного знания, работу как с православной паствой, так и с сектантами и старообрядцами [41, с. 53]. Флорентий, как член общества, ежегодно жертвовал на деятельность Братства 5 рублей [36, с. 37-42].

Ещё до назначения настоятелем монастыря, Флорентий был членом Православного Миссионерского общества Воронежской епархии [37, с. 182-184]. Деятельность общества

была направлена, в первую очередь, на борьбу с сектантством, которое активно распространялось среди населения [42, с. 712-717]. Флорентий ежегодно жертвовал на нужды общества от 3 [5, с. 36] до 15 рублей [19, с. 258-259]. К слову, в данном обществе состояли и другие монахи Дивногорского монастыря, например, иеромонахи Геронтий, Николай, Палладий, Сергей [19, с. 260-262].

В 1898 году в Воронежской губернии открылось отделение Императорского Православного Палестинского общества [18, с. 131]. Данное общество занималось организацией путешествий русских паломников в Палестину, а также просветительской и научной деятельностью [9, с. 485-493]. Его членом стал и о. Флорентий [1, с. 18-20]; в 1900 году он пожертвовал 100 рублей от себя лично, и столько же – от братии Дивногорского монастыря [20, с. 290]. Кроме того, настоятель вносил на нужды общества ежегодно по 10 рублей [38, с. 428-430].

Также участвовал Флорентий и в других благотворительных сборах, например, Комитету по сооружению в городе Воронеже храма святого Равноапостольного Князя Владимира он жертвовал в разные годы от 50 [16, с. 393-395] до 300 рублей [17, с. 646-647]. А в Воронежскую епархиальную эмеритальную кассу, которая занималась поддержкой нуждающихся священников [11, с. 24], от настоятеля и братии Дивногорского монастыря в разные годы поступали суммы от 75 [22, с. 347-349] до 300 рублей [21, с. 277-280].

Не обошлось без вклада и в историко-культурное наследие региона. В 1904 году о. Флорентий был избран действительным членом Воронежского Церковного Историко-археологического комитета [8, с. 320-321]. Эта организация занималась изучением истории церквей и монастырей, используя архивные и устные источники, которые публиковались в журнале «Воронежская старина» [3, с. 15-19]. Там были опубликованы и документы, касающиеся истории Дивногорского монастыря [28, с. 57-90].

В годы Русско-японской войны Дивногорский монастырь и лично отец Флорентий поддерживали благотворительные сборы. Так, в начале войны было совершено крупное пожертвование: на санитарные нужды армии было перечислено монастырём 900 рублей и лично о. Флорентием – ещё 700 [30, с. 165-166]; на усиление флота от монастыря – 1000 рублей и от настоятеля лично – 300 [30, с. 167-168]; в пользу больных и раненых от монастыря – 22 рубля 68 копеек [30, с. 285]. Последующие пожертвования проходили в основном от монастыря и были не такими крупными.

Во время Первой Мировой войны архимандрит Флорентий входил в состав Комиссии по размещению увечных и больных воинов, а также детей, осиротевших с потерей отца-воина. В ходе работы этой комиссии Дивногорский монастырь в 1915 году согласился принять на попечение 4-х раненых солдат и 4-х мальчиков [39, с. 272-273]. Также монастырь принимал и беженцев: в том же 1915 году в стенах монастыря было размещено 8 семейств (42 человека) [2, с. 457] и 48 беженцев духовного звания [25, с. 20]. Помимо этого, участвовал о. Флорентий и в благотворительных сборах, например, «На Красное яичко русскому воину к празднику Пасхи» от Воронежского Епархиального Духовенства в 1915 году (пожертвовал 10 рублей) [35, с. 267] или в 1914 году на лазарет для раненных от Воронежской епархии (пожертвовал 100 рублей сам о. Флорентий, также по 100 рублей от братии и от монастыря) [34, с. 540-542]. Также нельзя не упомянуть о тех монахах Дивногорского монастыря, которые отправились на фронт исполнять свой пастырский долг. Нам известно как минимум о двух из них: иеромонах Алексей (в 1915 году был награждён за службу набедренником) [29, с. 239] и иеромонах Полиевкт [13, с. 331-332], воспоминания которого чрезвычайно интересно описывают ситуацию на фронте [27, с. 613-614].

Безусловно, Дивногорский монастырь участвовал в благотворительных сборах и до назначения Флорентия настоятелем, чему примером служит случай 1897 года, когда монастырь пожертвовал 60 рублей Воронежскому Епархиальному женскому училищу [23, с. 329-334]. Такая же сумма была внесена монастырём и в 1899 году, когда о. Флорентий был назначен настоятелем [24, с. 378-379]. Однако о. Флорентий зачастую участвовал в

благотворительности и как частное лицо, жертвуя порой внушительные суммы из собственных средств.

Отдельного внимания в жизнеописании о. Флорентия заслуживает пастырская деятельность и в общем смысле просветительская работа с населением. В 1915 году «Въ противовѣсъ пропагандѣ мистическаго сектантства...» был организован крестный ход с Сицилийской иконой Божией Матери по поселениям, где было распространено мистическое сектантство [39, с. 274] (А.А. Секирин относит к его разновидностям скопцов, шалапутов, хлыстовцев и т.д. [32, с. 145]). Среди этих поселений были как ближние к монастырю, так и отдалённые, а именно: Давыдовка, Почепское, Тресоруково, Можайское, Запрудное, Юдановка, Верхний и Средний Икорец, Азовка [39, с. 274]. В 1916 году монастырём были организованы Народно-Миссионерские курсы, слушателями которых стали представители духовенство, а также «...ревнителі-міряне, особенно изъ селеній, зараженныхъ сектантствомъ, желающіе потрудиться въ дѣлѣ огражденія нашей св. православной вѣры отъ сектантской заразы...» [15, с. 903].

Несмотря на многолетнюю работу с населением и активную общественную позицию настоятеля, в ходе революционных событий 1917 года возник конфликт между жителями с. Селявное и Дивногорским монастырём. Причиной противостояния стал один из монастырских лугов, на который претендовали крестьяне. Конфликт продолжался и в 1918 году [4, с. 248-251], однако вскоре монастырь был закрыт, а его бывшие монахи объединились в трудовую артель [4, с. 251-253], в которой состоял и о. Флорентий [7, л. 3].

Рассуждая о дате вероятной смерти настоятеля, современный историк Андрей Александрович Белоконов приводит следующие данные. На момент 1921-1922 гг. Флорентий был жив, как указано в воспоминаниях Л.М. Савёлова. Однако отсутствие подписи архимандрита на документе об изъятии ценностей из Дивногорского монастыря в апреле 1922 года наталкивает на мысль о том, что архимандрит скончался до появления этого документа. При этом размышления А.А. Белоконова по поводу характера смерти архимандрита (естественной или насильственной) интересны с точки зрения обращения к народной памяти. Историк пишет, что жители с. Селявное запомнили бы, где находится могила Флорентия, если бы его похоронили на монастырском кладбище в случае естественной смерти, а раз могилы нет, то, вероятно, его репрессировали, хотя народная память не сохранила сообщений об этом эпизоде. Тут стоит вспомнить, что буквально за несколько лет до смерти Флорентия эти же самые жители Селявного конфликтовали с Дивногорским монастырём, что могло наложить некоторый отпечаток на их восприятие событий. В целом, отсутствие документальных свидетельств не позволяет настаивать на каком-либо из вариантов [4, с. 293-294].

Подводя итог, следует сказать, что современники не ошибались в оценках архимандрита Флорентия: он действительно был человеком выдающихся организаторских способностей, так как смог грамотно распорядиться ресурсами монастыря. Он занимался не только благоустройством территории обители, но и трудился на благо общества посредством благотворительности и членства в различных организациях. Даже вызовы эпохи в виде войн не остановили (если не сказать – ещё более укрепили) его в служении и благих делах. Впрочем, то же можно сказать о насельниках Дивногорского и иных монастырей Воронежской епархии: они были активно вовлечены в общественную деятельность, включая благотворительность. В данном случае главной заслугой о. Флорентия стало то, что он смог развить монастырь в глубокой провинции, приблизив его уровень к духовным учреждениям губернского центра. Его деятельность была положительно оценена современниками: большое количество наград у архимандрита – прямое тому подтверждение. Даже в условиях революции и антицерковной политики большевиков он смог объединить братию, создав трудовую артель. Последний дореволюционный настоятель монастыря, несмотря на испытания, выпавшие на его долю, оставил по себе долгую память.

Библиографический список

1. Алферов Г. Отчет о деятельности Воронежского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества / Г. Алферов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1900. №9. – С. 18-20.
2. Архимандрит Серафим. От Воронежского Епархиального Комитета по устройству быта беженцев / Архимандрит Серафим // Воронежские епархиальные ведомости. – 1915. – №43. – С. 455-458.
3. Бахтин В.В., Припадчев А.А. Возникновение и основные направления деятельности Воронежского Церковного Историко-Археологического комитета / В.В. Бахтин, А.А. Припадчев // Манускрипт. – 2019. – Т. 19. – Вып. 9. – С. 15-19.
4. Белоконев А.А. Тернистый путь. Очерки по истории России, Русской Православной Церкви, Воронежской епархии и Дивногорского монастыря в начале XX – начале XXI века / А.А. Белоконев. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2024. – 408 с.
5. Ведомость Воронежского Епархиального Училищного Совета о церковных школах за 1907 гражданский год // Воронежские епархиальные ведомости. – 1908. – №16. – С. 33-36.
6. Государственный архив Воронежской Области (ГАВО). – Ф. И25. – Оп. 1. – Д. 70. – 13 л.
7. ГАВО. – Ф. Р19. – Оп. 30. – Д. 58. – 14 л.
8. Годичное собрание Воронежского Церковного Историко-Археологического Комитета 28 января 1904 г. // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – №7. – С. 320-321.
9. Грушевой А.Г. Императорское Православное Палестинское Общество. Обзор истории до 1917 г. / А.Г. Грушевой // Вспомогательные исторические дисциплины. – 2013. – Т. 32. – С. 472-497.
10. Журнал съезда церковно-школьных деятелей Воронежской епархии, бывшего в г. Воронеже, с 13 июня по 15 июня 1909 г. (в здании бывшего общежития воспитанников Воронежской Духовной Семинарии) // Воронежские епархиальные ведомости. – 1910. – №3. – С. 1-18.
11. Иконников С.А. Учреждение эмеритальных касс в епархиях Центрального Черноземья во второй половине XIX века: к истории вопроса / С.А. Иконников // Манускрипт. – 2018. – №6 (92). – С. 22-26.
12. Кременецкий А.С. Успенский Дивногорский монастырь, находящийся в Воронежской губернии и его святыня: Сицилийская чудотворная икона Божией Матери / А.С. Кременецкий. – Воронеж: Типо-лит. «Т-ва Н. Кравцов и Ко», 1912. – 128 с.
13. Н.В. Наши священники на войне / Н.В. // Воронежские епархиальные ведомости. – 1915. – №12. – С. 331-332.
14. Никольский П.В. Краткое сведение о Дивногорском Успенском монастыре / П.В. Никольский. – Острогжск: тип. М. Ф. Азаровой, 1892. – 48 с.
15. Объявления // Воронежские епархиальные ведомости. – 1916. – №34. – С. 903-904.
16. От Комитета по сооружению в гор. Воронеже храма св. равноапостольного князя Владимира // Воронежские епархиальные ведомости. – 1901. – №22. – С. 393-395.
17. От Комитета по сооружению в г. Воронеже храма св. равноапостольного князя Владимира // Воронежские епархиальные ведомости. – 1907. – №22. – С. 646-649.
18. Открытие Воронежского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Воронежские епархиальные ведомости. – 1898. – №4. – С. 131-138.
19. Отчет Братства святителей Митрофана и Тихона за 1900 год // Воронежские епархиальные ведомости. – 1901. – №6. – С. 258-262.
20. Отчет Воронежской епархиальной эмеритальной кассы за 1899 первый операционный год // Воронежские епархиальные ведомости. – 1900. – №16. – С. 285-293.
21. Отчет Воронежской епархиальной эмеритальной кассы за 1900 второй операционный год // Воронежские епархиальные ведомости. – 1901. – №15. – С. 277-287.

22. Отчет Воронежской епархиальной эмеритальной кассы за 1904 год (6-й операционный год) // Воронежские епархиальные ведомости. – 1905. – №15. – С. 347-370.
23. Отчет о состоянии Воронежского Епархиального женского училища по экономической части за 1897 гражданский год // Воронежские епархиальные ведомости. – 1899. – №16. – С. 329-347.
24. Отчет о состоянии Воронежского Епархиального женского училища по экономической части за 1899 гражданский год // Воронежские епархиальные ведомости. – 1900. – №21. – С. 378-380.
25. Отчёт Совета Воронежского Братства свв. Митрофана и Тихона за 1915 год // Воронежские епархиальные ведомости. – 1916. – №34. – С. 1-53.
26. Отчёт Совета Воронежского Братства святителей Митрофана и Тихона о состоянии Братства за 1895 год // Воронежские епархиальные ведомости. – 1896. – №17. – С. 1-41.
27. Полиевкт. Письмо из действующей армии / Полиевкт // Воронежские епархиальные ведомости. – 1915. – №22. – С. 613-614.
28. Правдин А.М. Акты Дивногорского Успенского монастыря / А.М. Правдин // Воронежская старина. Воронежская старина. – 1902. – Вып. 1. – С. 57-90.
29. Распоряжения Епархиального Начальства // Воронежские епархиальные ведомости. – 1915. – №21. – С. 237-240.
30. С 1 по 15 мая 1904 г. поступило пожертвований на санитарные нужды армии, действующей на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – №11. – С. 165-167.
31. Савёлов Л.М. Воспоминания / Л.М. Савёлов // подгот. текста, предисл., коммент., им. указ. О.Н. Наумова. – М.: Старая Басманная, 2015. – 488 с.
32. Секирин А.А. Статистика сектантства и старообрядчества в Воронежской губернии во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам Воронежского губернского статистического комитета) / А.А. Секирин // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – №3. – С. 137-154.
33. Смирнов И. Паломническая экскурсия учащихся Новосотенской второклассной школы в Дивногорский Успенский монастырь / И. Смирнов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1911. – №29. – С. 702-708.
34. Спасский А.М. Лазарет для раненных имени Воронежского Епархиального духовенства / А.М. Спасский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1914. – №43. – С. 540-543.
35. Спасский А.М. От Воронежского Епархиального Духовенства поступили пожертвования на Красное яичко русскому воину к празднику к празднику Пасхи / А.М. Спасский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1915. – №10. – С. 267-268.
36. Список членов братства // Воронежские епархиальные ведомости. – 1901. – №14. – С. 37-45.
37. Список членов Православного Миссионерского Общества Воронежской епархии, принесших пожертвования в 1897 году // Воронежские епархиальные ведомости. – 1898. – №10. – С. 182-184.
38. Список членов Императорского Православного Палестинского Общества по Воронежскому Отделу к 1 марта 1901 года // Воронежские епархиальные ведомости. – 1901. – №9. – С. 428-431.
39. Текущая жизнь // Воронежские епархиальные ведомости. – 1915. – №10. – С. 272-274.
40. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Анастасию, Епископу Воронежскому и Задонскому за № 1626 // Воронежские епархиальные ведомости. – 1901. – №8. – С. 127-128.

41. Устав Братства, учреждаемого при кафедре Воронежского Архипастыря // Воронежские епархиальные ведомости. – 1885. – №2. – С. 53-56.

42. Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Миссионерская деятельность духовенства в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Тамбовской и Воронежской губерний) / В.Н. Фурсов, Е.А. Ледовских // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2013. – Т. 19. – № 3. – С. 712-717.

43. Шелюга // Толковый словарь русского языка / глав. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. Т. IV. С-Ящурный. – С. 1332.

**ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY**

УДК 2-1 (133.2)

*Военный учебно-научный центр «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ю. В. Власова
Россия, г. Воронеж,
e-mail: youlya_v@mail.ru*

*MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy»
PhD in Historical Sciences, Associate Professor, department of Humanitarian and socio-economic disciplines
Y. V. Vlasova
Russia, Voronezh,
e-mail: youlya_v@mail.ru*

Ю.В. Власова

НАРРАТИВ «НЬЮ-ЭЙДЖ»: ФИЛОСОФИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается мировоззрение «Нью-Эйдж» как новый вид культурной традиции эпохи постпостмодерна. Анализируются точки зрения различных ученых на проблему характерных черт нового нарратива, в котором построение новой духовной культуры основывается на отрицании традиционных религий с их догматичной системой ценностей и картиной мира. Обосновывается положение о необходимости внимательного отношения к подмене истинной духовности «новой духовности», которая должна стать основой культуры «Нью-Эйджа».

Ключевые слова: Нарратив «Нью-Эйдж», «новая эра», альтернативные религиозные течения, самосознание в эпоху «Нью-Эйдж».

Y. V. Vlasova

NEW AGE NARRATIVE: A PHILOSOPHY OF EMERGENCE AND DEVELOPMENT

This article examines the «New-Age» worldview as a new cultural tradition in the post-postmodern era. It analyzes various scholars' perspectives on the characteristic features of this new narrative, in which the construction of a new spiritual culture is based on the rejection of traditional religions with their dogmatic value systems and worldviews. It argues for the need to be mindful of the substitution of "new spirituality" for true spirituality, which should become the foundation of «New-Age» culture.

Key words: «New-Age» narrative, «new era», alternative religious movements, self-awareness in the «New-Age».

«Нью-Эйдж» как новый вид мировоззрения человека эпохи постмодерна, переводимое как «новая эра», представляет собой альтернативные религиозные течения, в основе которых лежат принципы духовного самосовершенствования, различные практики самопознания, способы единения со Вселенной и как следствие переходе всего человечества в новую эпоху духовного развития. При этом, новое религиозное течение, вобравшее в себя различные религиозные, квазирелигиозные группы и культы Востока и в меньшей степени Запада, активно противопоставляет себя традиционным религиям, в основном иудаизму и христианству, используя в своей концепции только небольшую часть их учения.

С точки зрения социологии – это не движение в узком смысле слова, а некий вид «культурной атмосферы», общей тенденцией которой может стать поиск новых альтернативных методов, новых альтернативных взглядов значительной части сфер общественного сознания (это и альтернативная медицина в медицинской сфере, натуральные продукты в потребительской, новая музыка и книги, туристические маршруты с посещением особых мест для духовного развития и т.д.). Но общей чертой этого альтернативного мышления все же следует считать неприятие догм в любом аспекте общественного движения и мировоззрения.

Исследованию данной проблемы посвящены многие работы как отечественных, так и зарубежных авторов. Среди российских исследователей можно выделить работы Хвастуновой Ю. В., Руткевич Е. Д., Крючковой Е. В. [1]. На первый взгляд может показаться, что данное мировоззрение отвечает потребностям современной культурной традиции, стремящейся к синкретизму и в этом нет ничего плохого, тем не менее свою обеспокоенность растущим влиянием течения «Нью-Эйдж» на современную культуру данные авторы объясняют подменой истинной духовности так называемой «новой».

Многие российские философы и культурологи согласны с выводом о наступлении новой эпохи, но при этом акцент они делают именно на анализе постсекулярной культуры, которая как раз и является отражением постпостмодернизма. Это исследования К. В. Пашкова, Е. В. Кныш, Г. Я. Куликова, Е. В. Кузьминой, Т. П. Минченко, В. Г. Кириленко.

Если говорить о зарубежных исследователях культуры «Нью-эйдж», то та или иная критика данного явления, вместе с теорией «Human Enhancement», «новой духовности», в контексте критики идей трансгуманизма можно найти у Т. Питерса, М. Хаускелера, Т. Вульфа, Дж. Эллула, В. Феркиса, Х. Тирош-Самуэльсона, Р. Нибура. «На самом деле, то, что стало известно, как «движение Нью-Эйдж», имеет непосредственные корни в контркультуре 1960-х гг. и некоторых ее непосредственных предшественниках, но его фундаментальные идеи можно проследить гораздо дальше в прошлое» [3, с. 249].

Можем ли мы найти элементы «Нью-Эйдж» в прошлом? Нам думается, что да, так как религиозные традиции часто заимствовали различные части эзотерической картины мира, достаточно вспомнить тибетский буддизм, гностицизм и масонство. Несмотря на то, что 70-е годы XX века признаются многими российскими исследователями началом данного движения, считая Алису Бэйли основательницей новой религиозной традиции, корни движения «Нью-эйдж» мы находим уже в конце XIX века, они представлены в таких течениях как магическое учение Папюса, агни-йога Елены Рерих, теософия Елены Блаватской, которой и приписывается внедрение данного термина, антропософия Рудольфа Штайнера. Отличительной чертой данной традиции стало увлечение Востоком и его культурными традициями, Буддизмом и Индуизмом. В данном аспекте представляет интерес работа Е. Г. Балагушкина «Нетрадиционные религии в современной России» написанная в 1999 г, в которой он предложил концепцию религиозно-мистических волн, для анализа распространения нетрадиционных религий как в США, так и в Европе и России.

Интересно, что зарубежные авторы связывают начало движения с выходом в свет книги «Эпоха Водолея или возвращение Ганимеда» французского эзотерика и оккультиста Поля Лекюра в 1937 году. Следующая важная дата, это 1962 г., время создания двух фондов: общины Файнхорн в Шотландии, это экопоселок, построенный Питером и Эллин Кэдди, и институт Эсален в Калифорнии, основанный психологами Майклом Мерфи и Ричардом Прайсом. Экопоселение Файнхорн действует и по сей день, насчитывая постоянных жителей около 500 человек, все желающие могут его посетить, арендовать гостиничные домики, посещать мастер классы и медитации. Институт Эсален также функционирует до сих пор, проводя около 500 научных мероприятий в год.

Что же на сегодняшний день представляет собой движение «Нью-Эйдж»? Различные религиозные течения, представленные в данном культурном течении, предлагают и разные способы построения своего духовного пути развития, это и медитации, практики йоги, восточные единоборства, а также оккультные науки. Индивидуальная трансформация здесь

является основой и причиной переработки нарративов модерна, конечной целью которой должно стать создание идеальных духовных сочетаний. «Новая духовность» должна прийти на смену традиционным ценностям как следствие развития человеческого самосознания в русле нового мировоззрения.

Трансгуманистическая новая «духовность» основывается прежде всего на идеях сциентизма, виртуальной Вселенной и как следствие идеях возможности ее программирования, что и предлагают различные техники современного оккультного знания. «Нью-Эйдж» «перевел магию и эзотерику в экзотерическую плоскость, ввел оккультизм в массы и позже активно задействовал интернет, включив в себя идею неограниченного потенциала – возможность быстро стать человекобогом ... (эволюционный скачок) в эру Водолея, глубинную экологию, ускоренный курс усвоения оккультных знаний без правил по духовной безопасности», а последствия обозначаются как знак избранности, переход в иное измерение, получение даров» [2, с. 6].

Какие же методы используются для лучшего усвоения идей новой концепция «духовного развития»? Это прежде всего использование языковых форм, предложенных постмодерном: неточность и непонятность формулировок, отсутствие логики и точных формулировок классической философии, не использование антропологических, онтологических оснований культурной самоидентичности. Космополитизм становится очень созвучен как новой культурной традиции «Нью-Эйдж», так и «новой духовности», которую предлагает данное движение.

Что касается зарубежных авторов, то по мнению Воутера Ханеграафа, «Нью-Эйдж» является отражением духовного потенциала именно постмодерна, это «проявление общества потребления эпохи постмодернизма – общества, члены которого используют, перерабатывают, объединяют и воспринимают существующие религиозные идеи и практики так, как считают нужным для себя» [3, с. 249]. Многие авторы в связи с этим говорят о начале эпохи «постпостмодернизма», в частности это американский культуролог Дж. Нилон, предложивший данный термин еще в 2012 году [4]. Если говорить о современных российских авторов, которые анализировали данное явление в своих работах и привнесли новое видение, то в данном контексте стоит отметить диссертацию А. В. Павлова «Философия культуры в постпостмодернизме», которая как раз и представляет собой всесторонне исследование понятия постпостмодерн.

Боаз Хус, профессор кафедры еврейской мысли им. Гольдштейна-Горена, Университета Бен-Гуриона в Негеве (Израиль), проводит явную параллель между новым видом мировоззрения и постмодернизмом. Так, исследуя особенности изучения мистических традиций иудаизма он отмечает, что: «Постмодернистская духовность, включая современную каббалу, отвечает на этот вызов, предлагая духовные идеологии и разнообразие медитативных и целительских практик, стремящихся к расширению границ нашего сознания и тела в ответ на вызовы эпохи постмодерна» [5, с. 140]. Какие же основные особенности мировоззрения мы замечаем в эпохе постмодерна? В качестве примера можно привести мнение Ж. - Ф. Лиотара, который считает, что отличительной чертой постмодерна, отражающей кризис эпохи модерна, можно считать окончание веры в «великие нарративы», в «великие» смысловые основания культуры, так как эпоха постмодерна принесла новые вопросы. «Согласно Лиотару, вопрос, который сегодня задается в процессе приобретения знания, уже не формулируется как является ли это истинным? но: какая от этого польза?; эквивалентный этому вопросу – вопрос можно ли это продать? или насколько это эффективно?» [6, с. 140].

Здесь явно прослеживаются идеи современного «Нью-Эйдж», которые все больше напоминают по своей форме своеобразный духовный рынок, где потребители культуры могут сами выбирать духовные практики той или иной религии, составляя собственные их сочетания, ориентируясь прежде всего на свои интеллектуальные возможности. На первый взгляд мы можем заметить здесь возможность для личностного роста, в попытке

актуализации для своего личностного Я подходящих духовных потребностей. Но с другой стороны, синкретичность и возможность составления собственного пути развития не включает углубленного изучения течений и практик, поэтому сложные из них могут быть просто отброшены или поверхностно поняты. «Феномен духовного рынка не сводится только к «Нью-Эйдж», но является общей характеристикой религии в западных демократических странах в эпоху постмодерна» [3, с. 258-259].

Хотя отдельные черты данного типа мышления мы находим гораздо раньше. Так, Дэвид Харви в своей работе «Состояние постмодерна» считает, что особенностью данного типа культуры является «общий переход от коллективных норм и ценностей, господствовавших в 50–60-е годы двадцатого столетия, к гораздо более конкурентному индивидуализму – основной ценности предпринимательской культуры, проникшей во многие сферы жизни» [7, р. 171]. Поэтому отличительной чертой эпохи постмодерна может являться то, что происходит переход от коллективного мышления к индивидуальному, от реализации своей личности посредством поиска ответа на вопрос, какую я приношу пользу обществу, к вопросу, кто я сам, в котором Я-духовность становится значимым моментом в поисках смысла жизни. «Приватизация духовности» становится новым понятием, которое используется философами для обозначения Я-духовности [8, р. 15-17], которая больше не ищет ответа на вопросы в классических нарративах религиозных традиций, но в которой на первый план выходит индивидуализация, для которой становится больше созвучной культура «Нью-Эйдж».

По мнению Дж. Гордона Мелтона, редактора Энциклопедии «Новая эра», «Движение Нью-Эйдж может быть определено прежде всего по опыту трансформации. Последователи ... либо испытали, либо настойчиво ищут глубокой личной трансформации – перехода от прежней неприемлемой жизни к новому прекрасному будущему» [9, р. 13]. Как раз такие идеи находят наибольший отклик в современных кабалистических течениях, которым всегда были созвучны идеи мессианства. Так, основатель Центра каббалы, Филипп Берг, предложил воспринимать идеи Йегуды Ашлага, известного каббалиста XX, который перевел и прокомментировал книгу «Зоар», сделав доступной для широких масс мистическое учение иудаизма, сквозь призму идей «Новой эры». Берг Ф. пишет об этом в введении к книге «Зоар: Первый в истории полный английский перевод с комментариями»: «Сегодня мы являемся свидетелями начала новой эры откровения. Сегодня больше, чем, когда-либо в истории, Сила Света должна быть раскрыта. Это таинство Эры Водолея. Потрясающая мощь Силы Света, с которой мы связаны посредством книги «Зоар», является тем самым связующим звеном. В период Эры Водолея человечество может снова соединиться с этой Силой. Через эту связь мы можем достичь измененного состояния сознания, в котором наше прошлое и будущее соединятся в одно, где мы возвратим свою молодость, где мы будем черпать из Источника Молодости, где смерть будет уничтожена» [10, р. 13]. Примечательно, что перевод был подготовлен центром каббалы и Филипп Берг и в данном событии находит подтверждение процесса духовной трансформации общества, о чем он неоднократно впоследствии и упоминает.

Что же это за сила, о которой говорится в «Зоар»? Этой силой является сама мысль человека и трансформация человеческого сознания, которая неизбежно должна привести к трансформации мира, в котором мы живем: «Это вера в то, что мы сами создаем свою собственную реальность» [11, р. 229]. Стоит отметить, что данное утверждение не является чем-то новым для каббалы, а можно сказать, даже является ее основой, так как демонстрирует власть духа над материей. Здесь человеку отводится не только роль наблюдателя, а самого настоящего действующего лица, так как человек может создавать и физическую и метафизическую реальности. Этим можно объяснить веру в сверхъестественные способности современных каббалистов, например, вера в то, что раввин Кадури способен лечить духовные и физические болезни, предсказывать будущее [12, р. 7]. В данном случае именно Я человека становится определяющим в попытках повысить свой уровень самосознания. Воутер Ханеграаф называет это явление «психологизацией религии»,

причем развитие Я становится центральной темой современных западных течений. Так, «обращение внутрь себя в поиске смысла и силы ... происходит с людьми как в стенах церквей, синагог и других святилищ, так и за их пределами» [13, р. 57]. Как отмечает Уэйд Кларк Руф, в своей работе «Поколение искателей» такие изменения за последние два десятилетия отражают сдвиг от религии в традиционном понимании к более разнообразным и творческим подходам. В своей монографии он задает вопрос: Но что говорит это раздробление религиозной перспективы об американцах? Стали ли они больше интересоваться духовными вопросами или затерялись среди модных тенденций? Ценят ли они личную духовность больше, чем традиционную религию, и в связи с этим они больше не способны видеть себя объединенными в более крупном сообществе верующих? Руф впервые объяснил это религиозное разнообразие поколением «бэби-бумеров» в своем исследовании. Его работа интересна тем, что он анализирует мировоззрение одних и тех же людей в разном возрасте и раскрывает поколение с уникальным набором духовных ценностей – поколение, которое изменило исторические интерпретации религиозных верований, практик и символов, и, возможно, понимание самого понятия священного. Культура поиска, созданная современным поколением, породила так называемый рынок новых духовных верований и практик, а также переосмысленных традиций. В своей работе он делает вывод о том, что современный «Духовный рынок» описывает возникновение пяти субкультур: догматиков, новообращенных христиан, приверженцев мейнстрима, метафизических верующих и искателей, а также секуляристов. Опираясь на опросы и углубленные интервью, проводившиеся более десяти лет, Руф рассказывает о религиозных и духовных стилях, семейных моделях, моральном видении и ценностях каждой из этих субкультур.

Из анализа, представленного Руфом можно сделать вывод, что Я-духовность становится основным моментом не только в восточных религиозных традициях, но и в модифицированном виде предстает в современной каббале и неохасидских движениях. Духовные практики становятся необходимым условием трансформации личности.

Интересно, что уже с начала XXI века многие авторы, специализирующиеся на изучении каббалы большое внимание в своих работах стали уделять именно «психологизации» каббалы или «каббализации» психологии. Это такие авторы, как Стенфорд Дроб «Каббалистические видения. Юнг и каббалистический мистицизм» (2014); Аарон, «Бесконечный свет: Древний свет каббалы для любви, личностного роста и личной силы» (1998); Гинсбург, «Каббала души: трансформативная психология и практики еврейского мистицизма» (2003); «Преображая тьму во свет: Каббала и психология (2002) и многие другие. И это не случайно, так как «одной из заметных черт мышления в «Нью-Эйдж» является повышенное внимание к современной науке» [11, р. 62]. Научное знание становится важным элементом новой традиции, так как позволяет рационально объяснить и подтвердить основные положения о возможном совершенствовании человека посредством духовного развития, так как появляется «желание объединить религиозные и научные взгляды в высшем синтезе, который улучшит человеческое состояние как в духовном, так и в материальном плане» [14, с. 192].

Переход к новой культурной парадигме включает в себя изменения и в научном мировоззрении общества. Подобные изменения ищут и последователи «Нью-Эйдж», в качестве примера используя эпистемологию Т. Куна, в его утверждении о построении новой парадигмы современной науки. Многие современные авторы называют 1969 г. годом возникновения такого отношения, связывая его с образованием «гнозиса Принстона», термина, который использует Раймон Рюйе, французский философ, который в свое время оказал влияние на Ж. Делеза. В своей работе «Гнозис Принстона. Ученые в поисках религии» Р. Рюйе описал ученых якобы Принстонского университета, которые разделяли взгляды «Нью-Эйдж». На сегодняшний день фактов, подтверждающих существование такой группы ученых нет, и сами французские исследователи считают, что автор упоминает в своей работе именно университет Принстона не случайно, так как Рюйе посчитал, что французская

публика заинтересуется научными разработками именно в США гораздо в большей степени, чем в самой Франции. С помощью вымышленных ученых философ описал свое собственное мнение по поводу начала новой эпохи в научном мировоззрении. Тем не менее данный факт никак не преуменьшает значение данной работы в контексте анализа и роли научного знания в эпоху «Нью-Эйдж». Так, Р. Рюйер в своей работе пишет, что «Новый гнозис попытался свести мифы к необходимым и одновременно обновить их с предельной трезвостью. Он не имеет ничего общего с псевдонаучными или «иницирующими» фантазиями. Трезвость Нового гнозиса также такова, что его можно упрекнуть в том, что он лишь не значительно отличается от чистого сциентизма и подавляет, подобно сциентизму, любой религиозный резонанс» [15, р. 295]. Как мы видим, отличительной чертой нового вида мировоззрения можно считать синкретизм научного знания и духовного развития, в котором наука призвана подтвердить и наличие высшего духовного разума и возможности человека повысить свой уровень самосознания до его восприятия.

Современное общество постпостмодерна пытается по-новому ответить на вопросы не только морали и нравственности, но и переосмыслить духовные вызовы современности. «Нью-Эйдж» ставит перед собой задачу создания нового вида культурной и духовной традиции, в которой развитие самосознания будет следовать не по устоявшимся шаблонам мышления и подчиняться устоявшимся догмам, но и будет иметь возможность создать что-то свое, уникальное. Этот новый вид мировоззрения, который призван объединить, казалось бы, несовместимое, разные мистические знания и религиозные системы прошлого. Но в этом как раз и заключается опасность потери традиционных ценностей мировых религий, так как сознание человека «Нью-Эйдж» идет вслед за собственным пониманием духовного, и оно не всегда предполагает более высокую степень осознанности, сосредотачиваясь и выбирая лишь то, что понятно нашей личности здесь и сейчас.

Библиографический список

1. Хвастунова Ю.В. Сетевой Нью Эйдж и его региональное преломление в современном обществе. / Ю. В. Хвастунова // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, – Том 13. – Выпуск 8. – С. 151–156; Хвастунова Ю. В. Новый тип религиозного лидера в неоязычестве на примере группы Алтай Жан Ак Жан в Республике Алтай. / Ю. В. Хвастунова // Народы и религии Евразии. – 2017. № 18(1). – С. 104–112; Руткевич Е. Д. «Социология духовности»: проблемы становления. / Е. Д. Руткевич // Вестник института социологии. – 2017. Том 8. № 1. – С. 36–65; Руткевич Е. Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии. / Е. Д. Руткевич // Вестник института социологии. – 2014. июнь. – №2 (9). – С. 131–161; Крючкова Е. В. История зарождения и развития «Нью Эйдж» в духовно-нравственной практике американского сообщества. / Е. В. Крючкова // Альманах современной науки и образования. В 2 ч., ч.1. – Тамбов: Грамота, 2009. № 7(26). – С. 80-84.
2. Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России / О. Н. Четверикова. – Москва: Книжный мир, 2019. – 320 с.
3. Hanegraaff, W. J. New Age Religion // Religion in the Modern World: traditions and transformations. – 2002. – 249-263 pp.
4. Nealon, J.T. Post-postmodernism, or, The logic of just-in-time capitalism / J. T. Nealon. – Stanford : Stanford University Press, 2012. – 227 p.
5. Боаз Х. Новая эра каббалы. Современная каббала, Нью Эйдж и духовность в эпоху постмодерна. / Х. Боаз // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. № 4. – С. 113-143
6. Lyotard, J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge / J.-F. Lyotard. – Minneapolis: University of Minnesota Press. 1991. – 135 p.
7. Harvey, D. The Condition of Postmodernity. / D. Harvey – Oxford: Blackwell. 1989. – 378 p.

8. Carrette, J. and King, R. *Selling Spirituality: The Silent Takeover of Religion.* / J. Carrette, R. King. – London and New York: Routledge. 2005. – 207 p.
9. Melton, G. *New Age Encyclopedia.* / G. Melton. – Detroit, MI: Gale Research. 1990. – 586 p.
10. Berg, M. *The Zohar: The First Ever Unabridged English Translation with Commentary.* Vol. 1. / M. Berg. – 2003. – 520 p.
11. Hanegraaff, W. J. *New Age religion and Western culture: esotericism in the mirror of secular thought* / W. J. Hanegraaff. – New York: Albany, NY: State University of New York Press, 1998. – 580 p.
12. Lewis, J. R. *Approaches to the Study of the New Age.* / J. R. Lewis // Lewis, J.R. and Melton, G. *Perspectives on the New Age.* Albany, NY: State University of New York Press. 1992. – 1-12 p.
13. Roof, W. C. *Spiritual Marketplace: Baby Boomers and the Remaking of American Religion.* – NJ: Princeton University Press. 1999. – 384 p.
14. Lucas, Ph. C. *The New Age Movement and the Pentecostal / C. Ph. Lucas // Charismatic Revival, Distinct yet Parallel Phases of a Fourth Great Awakening?* – NY: State University of New York Press. –1992. –189-212 p.
15. Ruyer, R. *La gnose de Princeton. Des savants à la recherche d'une religion.* / R. Ruyer. – Paris: Fayard, 1974. – 447 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 327.821

*Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений*

С. И. Дмитриева

Россия, г. Воронеж,

e-mail: sophia_dmitrieva@yahoo.de

Воронежский государственный университет

студент факультета международных отношений

Д. А. Коновал

Россия, г. Воронеж,

e-mail: daniil.konoval05@mail.ru

Voronezh State University

*PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair, International
Relations Department*

S.L. Dmitrieva

Russia, Voronezh,

e-mail: sophia_dmitrieva@yahoo.de

Voronezh State University

Student at the Faculty of International Relations

D. A. Konoval

Russia, Voronezh,

e-mail: daniil.konoval05@mail.ru

С.И. Дмитриева, Д.А. Коновал

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК»

В статье анализируются ключевые этапы, геополитический контекст и современное состояние проекта «Северный поток» на примере «Северного потока – 2». Отдельно в работе выделены основные экономические предпосылки и политические противоречия, связанные с реализацией проекта, а также дана оценка последствий его остановки через призму европейского энергетического рынка. Особое внимание в рамках статьи уделено разбору санкционного давления со стороны США и ЕС и выявлению перспектив инфраструктурных объектов.

Ключевые слова: «Северный поток – 1», «Северный поток – 2», газопровод, энергетическая безопасность, санкции, «Газпром», диверсификация поставок, Европейский союз, Германия, «Зелёный переход», инфраструктура.

S.I. Dmitrieva, D.A. Konoval

PROBLEMS IN THE IMPLEMENTATION OF THE «NORD STREAM» PROJECT

The article analyzes the key stages, geopolitical context, and current state of the "Nord Stream" project, using "Nord Stream 2" as a case study. The work separately outlines the main economic prerequisites and political contradictions associated with the project's implementation, and assesses the consequences of its suspension through the lens of the European energy market. Special attention within the article is paid to analyzing the sanction pressure from the USA and the EU and identifying prospects for the future fate of the infrastructure facilities.

Key words: "Nord Stream 1", "Nord Stream 2", gas pipeline, energy security, sanctions, Gazprom, supply diversification, European Union, Germany, "Green Transition", infrastructure.

Введение. Проект «Северный поток» (Nord Stream 1) представляет собой одну из самых масштабных и технологически сложных инфраструктурных инициатив XXI века в энергетической сфере. Это магистральный газопровод, проложенный по дну Балтийского моря, который создал прямой маршрут для поставок российского природного газа из Выборга (РФ) в Грайфсвальд (Германия). Его ключевая геополитическая и экономическая особенность – исключение транзитных стран (таких как Белоруссия, Польша и Украина), что было призвано повысить надежность, предсказуемость и безопасность поставок для европейских потребителей [1].

Идея прямого маршрута созревала годами на фоне периодических газовых споров с транзитными государствами. Проект обрел официальные рамки в 2005 году с созданием международной консорциумной компании Nord Stream AG. Реализация проекта была осуществлена международным консорциумом в рамках компании-оператора Nord Stream AG. Ключевым акционером выступало российское ПАО «Газпром», которому принадлежал контрольный пакет в 51%. Европейские доли распределялись между ведущими энергетическими компаниями: Wintershall Dea и E.ON SE из Германии (по 15,5%), а также голландской N.V. Nederlandse Gasunie и французской Engie (по 9% у каждой). Штаб-квартира и центр управления проектом находились в швейцарском Цуге [2]. После почти пяти лет интенсивных исследований, экологических экспертиз и сложных межправительственных переговоров для получения разрешений от всех прибалтийских государств, строительство началось в апреле 2010 года.

Реализация велась в две линии (нитки):

- Первая нитка была построена к весне 2011 года, и коммерческие поставки по ней начались в ноябре 2011 года.
- Вторая нитка была завершена и введена в эксплуатацию в октябре 2012 года.

Общая проектная мощность двух ниток составила 55 миллиардов кубометров газа в год, что покрывало значительную часть потребностей ключевых европейских экономик. Возведённый в условиях сокращения внутренней добычи газа в государствах Евросоюза, «Северный поток» был призван стать ключевым элементом европейской энергетической безопасности. Прямое подключение к крупнейшим российским месторождениям создавало гарантированный канал поставок, покрывавший свыше 11% общего потребления газа в ЕС (по данным 2012 года). Проект задумывался как долгосрочная инфраструктура, способная в течение десятилетий удовлетворять растущие потребности европейского рынка [3].

Высокий стратегический статус проекта был подтверждён на наднациональном уровне. В 2006 году ключевые институты Евросоюза – Европейская комиссия, Европейский парламент и Совет ЕС – совместно присвоили Nord Stream статус «проекта, отвечающего интересам всей Европы», а также включили его в программу трансъевропейских энергетических сетей (TEN-E). Это означало официальное признание «Северного потока» в качестве приоритетной инфраструктурной инициативы общеевропейского значения [4].

«Северный поток» стал полигоном для передовых инженерных решений:

1. Уникальный режим транспортировки: Это первый в мире морской газопровод такой протяженности (около 1224 км), работающий в бескомпрессорном режиме. Давление, созданное на начальной компрессорной станции в России, было достаточным для всего пути, что исключило необходимость в промежуточных энергозатратных станциях на дне моря.

2. Революционные материалы труб: Для труб была разработана особая высокопрочная низколегированная сталь, сочетающая предельную прочность с необходимой эластичностью для укладки на неровное дно. Внутреннее покрытие с полимерным составом, отполированным до шероховатости менее 6 микрон (для сравнения, человеческий волос – около 80 микрон), минимизировало трение и повысило пропускную способность. [5]

3. Комплексная защита конструкции: Трубы проходили многоэтапную обработку: катодную защиту от электрохимической коррозии, нанесение антикоррозийного покрытия и, наконец, бетонное "утяжеляющее" покрытие толщиной до 11 см. Бетон, армированный железной рудой, обеспечивал отрицательную плавучесть, защищал от механических повреждений (якорей, тралов) и стабилизировал трубу на морском грунте. Ключевым этапом подготовки труб, помимо их изготовления, было нанесение утяжеляющего бетонного покрытия, необходимого для стабилизации магистрали на дне и защиты от внешних воздействий. Толщина слоя варьировалась от 60 до 110 мм, что увеличивало средний вес каждой трубы с 12 до 24 тонн. Для выполнения этих работ в сжатые сроки и в соответствии с экологическими нормами были специально возведены два завода – в Мукране (Германия) и Котке (Финляндия), обработавшие 60% и 40% всех труб соответственно. Логистика поставки

заготовок на предприятия была организована с использованием судов и железнодорожного транспорта. [6]

4. Интеллектуальный мониторинг: Состояние магистрали в реальном времени контролировалось с помощью «умных снарядов» – диагностических поршней, запускаемых внутри потока газа. Они фиксировали данные о давлении, температуре, деформациях и толщине стенок.

Учитывая хрупкую экосистему Балтийского моря, экологическому сопровождению проекта уделялось беспрецедентное внимание.

На этапе планирования было проведено комплексное исследование более 40 000 км² морского дна: изучался рельеф, химический состав грунтов, места захоронения боеприпасов времен Второй мировой войны, миграции рыб и маршруты морских млекопитающих.

Трасса была скорректирована для обхода экологически чувствительных зон, мест нереста и подводных археологических объектов.

Строительные работы проводились с учетом природных циклов и полностью приостанавливались в период нереста балтийской сельди.

Технология укладки методом S-образного изгиба (J-lay) минимизировала disturbance (возмущение) донных отложений.

В проекте было задействовано 148 судов, при этом одновременно работало не менее 12 из них. Ключевую роль играли три трубоукладочных судна:

Solitaire (компания Allseas) – крупнейшее в мире трубоукладочное судно, оснащённое системой динамического позиционирования, что позволило проводить укладку без якорей, преимущественно в Финском заливе.

Castoro Sei (компания Saipem) – выполнило около 70% работ по укладке с помощью системы из 12 якорей.

Castoro Dieci (компания Saipem) – плоскодонное судно с малой осадкой, которое уложило трубы на мелководье у побережья Германии.

Процесс укладки по «S-методу» (J-lay) включал доставку обетонированных труб на борт, их сварку в двухтрубные плети, автоматический ультразвуковой контроль сварных швов, изоляцию стыков термоусадочными манжетами и последующую укладку на дно. Минимальный допустимый радиус изгиба составлял 2 км. В процессе укладки и после её завершения положение газопровода контролировалось с помощью подводных аппаратов с дистанционным управлением (ROV) [7].

Эксплуатация газотранспортной системы «Северный поток» координировалась из единого центра управления в Цуге (Швейцария), который через выделенные линии связи был интегрирован с береговыми объектами в Выборге (Россия) и Любмине (Германия). Круглосуточный контроль параметров потока газа – давления, температуры и качества – осуществлялся операторами с помощью комплексной системы управления и связи (Pipeline Control and Communication System, PCCS). Поступающий газ проходил обязательную проверку на соответствие техническим регламентам. Для гарантии долговременной надежности, рассчитанной на срок не менее 50 лет, применялась регламентная система обслуживания, включавшая внешний мониторинг с использованием подводных аппаратов (ROV) и внутреннюю диагностику интеллектуальными поршнями с периодичностью раз в 7–10 лет. На случай потенциальных аварийных ситуаций был подготовлен детальный план ремонтных работ и заключены соответствующие контракты с профильными подрядчиками.

Проектирование и сооружение газопровода стали примером широкого международного промышленного сотрудничества. Технический дизайн разработала итальянская компания Saipem Energy Services S.p.A. Поставки труб высокопрочной стали осуществляли консорциумы с участием немецкой Europipe, российской Объединённой металлургической компании (ОМК) и японской Sumitomo Corporation. Услуги по логистике и нанесению специального бетонного покрытия оказывала французская компания EUPES, а укладку труб на морское дно выполняла итальянская Saipem. Строительство российского

берегового участка и сопутствующих сооружений было поручено российской компании «Стройгазконсалтинг».

Проект «Северный поток – 2» (NS2), анонсированный в 2015 году, задумывался как логическое продолжение первой линии, направленное на удвоение пропускной способности до 110 млрд м³ в год. Он должен был повторить успешную модель партнерства с участием «Газпрома» и европейских компаний (Wintershall Dea, OMV, Shell, Engie). Однако его реализация совпала с резким обострением геополитической обстановки после 2014 года. NS2 превратился в один из самых спорных инфраструктурных проектов XXI века, став мишенью для беспрецедентного санкционного давления со стороны США, которые видели в нем угрозу энергетической безопасности Европы и собственных экономических интересов (конкуренция СПГ) [8]. Внутри ЕС проект расколол единую позицию: в то время как Германия, несмотря на критику, рассматривала его как коммерческий проект, страны Центральной и Восточной Европы (Польша, Украина, Прибалтика) активно выступали против, опасаясь усиления зависимости от России и потери доходов от транзита.

Уже на этапе планирования и строительства проект «Северный поток — 2» столкнулся с ожесточенным политическим сопротивлением ряда европейских государств. Страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония), Польша и Швеция активно использовали дипломатические и правовые инструменты, чтобы заблокировать или максимально усложнить реализацию проекта. Их аргументация вращалась вокруг опасений усиления энергетической зависимости Европы от России, подрыва энергетической безопасности Украины (из-за потери транзитных доходов) и общих угроз геополитическому суверенитету ЕС. Это сопротивление вылилось в затяжные процедуры получения разрешений, экологические иски и создание неблагоприятного политического фона на уровне европейских институтов.

В этой ситуации ключевую роль лоббиста и защитника проекта сыграла Германия. Берлин, рассматривавший «Северный поток — 2» в первую очередь как выгодный коммерческий и энергетический инфраструктурный проект, на протяжении многих лет последовательно отстаивал право компаний на его реализацию в рамках европейского права. Германия оказывала дипломатическое давление внутри ЕС, смягчая или блокируя попытки ввести общеевропейские санкции против стройки, и выступала главным политическим прикрытием для консорциума.

Однако после эскалации украинского кризиса в начале 2022 года позиция Берлина претерпела радикальные изменения. Хотя формально Германия приостановила сертификацию газопровода 22 февраля 2022 года, фактически процесс его одобрения был заморожен и политически заблокирован еще раньше. На протяжении всего 2021 и начала 2022 года немецкие регуляторы, находясь под колоссальным внешним (особенно со стороны США) и внутренним давлением, искусственно затягивали процесс сертификации, выдвигая новые юридические и технические требования. Эта тактика «административного саботажа» была рассчитана на то, чтобы не принимать политически взрывоопасного решения о запуске, фактически похоронив проект без его формального запрета, ожидая, что изменившаяся геополитическая реальность сделает его запуск невозможным. Таким образом, Германия, бывшая главным двигателем проекта, в конечном итоге под давлением обстоятельств и союзников капитулировала, позволив ему стать разменной монетой в более широком конфликте. [9]

Кульминацией противостояния стало принятие в США закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA) и целенаправленных санкций против компаний, участвующих в строительстве NS2. Санкции неоднократно останавливали работы. Окончательный удар был нанесен в 2022 году на фоне эскалации украинского кризиса. 22 февраля 2022 года Германия приостановила процесс сертификации NS2. После начала специальной военной операции России на Украине западные партнеры вышли из проекта, а 26 сентября 2022 года произошли беспрецедентные подрывы трех из четырех

ниток газопроводов «Северный поток» и «Северный поток – 2» в исключительной экономической зоне Дании, что физически вывело их из строя [10]. Ранее, в августе-сентябре 2022 года, поставки по NS1 были полностью остановлены «Газпромом» под предлогом технических неисправностей, вызванных санкциями.

Приостановка и саботаж газопроводов стали катализатором глубокого энергетического кризиса в Европе в 2022-2023 гг., спровоцировав рекордный рост цен на газ и ускорив стратегический пересмотр энергетической политики ЕС. Основными последствиями стали:

1. Форсированный отказ ЕС от российских энергоносителей в рамках плана REPowerEU.

2. Стратегическая диверсификация поставок: резкое увеличение закупок сжиженного природного газа (СПГ), в первую очередь из США, Катара и Алжира.

3. Ускорение «Зеленого перехода» и инвестиций в ВИЭ, хотя на переходный период произошел «ренессанс» угольной генерации.

4. Вопрос о судьбе инфраструктуры: поврежденные газопроводы на дне Балтики представляют собой сложную экологическую и техническую проблему. В среднесрочной перспективе их реанимация для транспортировки российского газа политически невозможна. Дискутируются гипотетические сценарии, такие как конверсия для транспорта водорода (что требует колоссальных инвестиций и технологических изменений) или полный демонтаж.

Физическое уничтожение газопроводов в сентябре 2022 года стало точкой невозврата. Подорывы, организованные с применением сотен килограммов взрывчатки, не только вывели из строя три из четырех ниток, но и нанесли колоссальный экологический ущерб, вызвав крупнейший в истории единовременный выброс метана. Единственная уцелевшая нитка «Северного потока — 2», сохранившая техническую возможность транспортировки, оказалась в условиях полного политического и санкционного эмбарго. Последующие события, включая выход западных партнеров из проекта и юридические баталии вокруг оператора Nord Stream 2 AG, лишь окончательно закрепили статус «Северного потока» как символа разорванных экономических связей и утраченного доверия. Даже несмотря на отдельные гипотетические дискуссии о возможном восстановлении или конверсии трубопроводов, их ближайшее будущее видится исключительно в контексте дорогостоящей и сложной консервации или демонтажа, поскольку политическая воля к их использованию по первоначальному назначению в обозримой перспективе в Европе полностью отсутствует. [11]

Заключение

До 2022 года «Северный поток-1» был критически важным элементом европейской энергобезопасности и успешным примером технологического и инвестиционного сотрудничества России и Европы, давшим импульс развитию смежных отраслей промышленности. Однако история его преемника, «Северного потока – 2», наглядно продемонстрировала, как масштабная экономическая инфраструктура может стать заложником геополитической конфронтации. Проект, изначально носивший коммерческий и интеграционный характер, превратился в символ раскола между Россией и Западом, а его физическое уничтожение поставило крест на многолетних инвестициях и доверии. Опыт «Северного потока» показывает, что в современном мире долгосрочная устойчивость даже самых передовых инфраструктурных проектов напрямую зависит от стабильности политического ландшафта. Перспективы же самой инфраструктуры остаются крайне туманными, упираясь в вопросы экономической целесообразности и политической воли в новой, фрагментированной энергетической реальности.

Библиографический список

1. «Северный поток»: история и технология проекта // TV BRICS. URL:<https://tvbrics.com/bricslife/severnyu-potok-istoriya-i-tekhnologiya-proekta/> (дата обращения 21.12.2025)
2. Северный поток: трубопроводная индустрия // Нефтегазовый журнал. URL:<https://magazine.neftegaz.ru/articles/tekhnologii/668695-severnyu-potok-benchmark-truboprovodnoy-industrii/> (дата обращения 21.12.2025)
3. Международное энергетическое агентство (МЭА). World Energy Outlook 2014. URL:<https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2014> (дата обращения 21.12.2025)
4. Решение Европейской комиссии, Европарламента и Совета ЕС о присвоении проекту Nord Stream статуса TEN-E (2006). URL:<https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream/> (дата обращения 22.12.2025)
5. Газопровод «Северный поток»: характеристики и значение проекта // РБК. URL:<https://www.rbc.ru/base/18/11/2024/673b00409a7947a26dd5296c> (дата обращения 22.12.2025)
6. Северный поток: (технические детали) // Нефтегазовый журнал. URL:<https://magazine.neftegaz.ru/articles/tekhnologii/668695-severnyu-potok-benchmark-truboprovodnoy-industrii/?ysclid=ml5eucs99x344221506> (дата обращения 22.12.2025)
7. Материалы компании Nord Stream AG: Технические отчеты по строительству и экологическому мониторингу. URL:https://www.nord-stream.com/ru/informatsiya-dlya-pressy/biblioteka/?sort_documents=-title_ru (дата обращения 22.12.2025)
8. U.S. Department of State. Briefing on Sanctions Against Nord Stream 2. 2021. URL:<https://ru.usembassy.gov/ru/imposition-of-further-sanctions-in-connection-with-nord-stream-2-ru/> (дата обращения 23.12.2025)
9. Германия намеренно затягивала сертификацию «Северного потока – 2» – СМИ // PostNews. URL:<https://postnews.ru/a/38669> (дата обращения 23.12.2025)
10. Совместное расследование Дании, Швеции и Германии по факту повреждения газопроводов «Северный поток» (предварительные выводы, 2022-2023). URL:<https://ria.ru/20221017/rassledovanie-1824711602.html> (дата обращения 23.12.2025)
11. Экономические и геополитические аспекты «Северного потока — 2» URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-i-geopoliticheskie-aspekty-severnogo-potoka-2/viewer> (дата обращения 23.12.2025)

*Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений
С. И. Дмитриева
Россия, г. Воронеж,
e-mail: sophia_dmitrieva@yahoo.de
Воронежский государственный университет
студент факультета международных отношений
А. Карлсвик
Россия, г. Воронеж,
e-mail: karlangelina2003@gmail.com*

*Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair, International
Relations Department
S.I. Dmitrieva
Russia, Voronezh,
e-mail: sophia_dmitrieva@yahoo.de
Voronezh State University
Student at the Faculty of International Relations
A. Karlsvik
Russia, Voronezh,
e-mail: karlangelina2003@gmail.com*

С.И. Дмитриева, А. Карлсвик

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ГЕРМАНИИ И НОРВЕГИИ В КОНТЕКСТЕ ЗЕЛЕНОГО ПЕРЕХОДА

В статье рассматриваются последствия для германо-норвежского энергетического сотрудничества, если в рамках энергетического перехода Германии придётся заменить значительную часть своего ископаемого топлива возобновляемыми источниками. Отдельно в работе выделены различные варианты сотрудничества, а также описаны возможные альтернативы развития отношений в будущем. Особое внимание в рамках статьи уделяется анализу различных сценариев сотрудничества.

Ключевые слова: зеленый переход, водород, возобновляемые источник энергии, гидроэнергетика, декарбонизация, «Зеленый альянс», Йорг Кирш, Бьярне Булл-Берг, Equinor, Федеральное министерство экономики и энергетики, Федеральное министерство экономики и энергетики Германии.

S.I. Dmitrieva, A. Karlsvik

GERMANY-NORWAY ENERGY PARTNERSHIP IN THE CONTEXT OF THE GREEN TRANSITION

This article examines the implications for German-Norwegian energy cooperation if Germany's energy transition requires replacing a significant portion of its fossil fuels with renewable sources. The paper highlights various cooperation options and describes possible alternatives for the future development of relations. Particular attention is paid to the analysis of various cooperation scenarios.

Key words: green transition, hydrogen, renewable energy sources, hydropower, decarbonization, Green Alliance, Jörg Kirsch, Bjarne Bull-Berg, Equinor, Federal Ministry for Economic Affairs and Energy, German Federal Ministry for Economic Affairs and Energy

Необходимость зеленого перехода дала новый импульс норвежско-германскому энергетическому и промышленному сотрудничеству. Германия потенциально является важным рынком для норвежской экологически чистой продукции и технологий.[1] После резкого сокращения поставок газа из России Норвегия стала крупнейшим поставщиком газа в Германию и, таким образом, играет решающую роль в энергоснабжении Германии. В рамках «зеленого» перехода в Норвегии правительство создало стратегическое промышленное партнерство с ЕС — «Зеленый альянс».

Германия является одним из важнейших партнеров Германии в этой работе по достижению долгосрочной температурной цели, установленной в Парижском соглашении, развитию новых «зеленых» отраслей и рабочих мест, а также укреплении энергетической безопасности и рациональном использовании ресурсов. Норвегия обладает благоприятными природными условиями для производства водорода, как на основе возобновляемой энергии (зеленый водород), так и на основе риформинга природного газа с улавливанием и хранением углерода (голубой водород). [1]

Продолжение сотрудничества с Германией в области улавливания и хранения углерода (CCS) и создание резервуаров для хранения CO₂ на норвежском континентальном шельфе является приоритетной целью для Норвегии. Дальнейшее развитие сотрудничества с Германией будет происходить в других соответствующих «зеленых» цепочках создания стоимости в области зеленого водорода и секторах, включая солнечные батареи, перерабатывающую промышленность, устойчивое сырье и экологически чистое судоходство. [2]

В прошлом потребности Норвегии и Германии во многих случаях дополняли друг друга. Примерами могут служить рыбная торговля Ганзейского союза, обмен знаниями и технологиями, развитие гидроэнергетики и, начиная с 1970-х годов, еще больший объем торговли через нефтегазовую отрасль. Вполне возможно, что потребности Германии и Норвегии будут дополнять друг друга и в будущем. Насколько их сотрудничество будет плодотворным, во многом зависит от политических решений, так как этот вопрос имеет не только технологический аспект. Тесные культурные связи и долгая история могут повлиять на направление решений политиков; в конечном итоге, судьба крупнейших норвежских инвестиции, технологий улавливания и хранения углерода (CCS), будет решена Европейской комиссией. Теория «углеродной ловушки» предполагает, что технология CCS может совершить прорыв в Германии, поскольку она может привести к меньшей реструктуризации, чем альтернативные варианты. В конечном итоге, CCS также может позволить продолжать использовать уголь и природный газ в качестве источников энергии. [3]

Энергетический переход будет состоять из множества мелких решений, которые в конечном итоге приведут Германию к цели - доля возобновляемой энергии достигнет 80-95% к 2050 году. Потенциальный вклад Норвегии в усилия немцев по достижению этой цели немного отличается от того, что делается в самой Германии.. Норвежская нефтяная компания Equinor утверждает, что процесс улавливание и хранение углерода (CCS) и природный газ станут наиболее важными источниками энергии в будущем германо-норвежском сотрудничестве [4] , в то время как Федеральное министерство экономики и энергетики Германии делает ставку на природный газ, ветер и гидроэнергетику. Кто в конечном итоге получит правильный ответ, зависит от того, удастся ли Equinor убедить как немецких, так и европейских политиков. Equinor считает, что они на правильном пути, в то время как Федеральное министерство экономики и энергетики Йорг Кирш настроены скептически. Это также зависит от того, появится ли альтернатива, которая будет столь же хороша или даже лучше. Одной из таких альтернатив может быть биомасса, которую датские исследователи Хансен, Матисен и Сков (2019) определили как один из важнейших источников энергии в будущем.

Теория Гилпина благоприятствует игроку, склонному к риску и способствующему инновациям, и менее оптимистична в отношении пессимистично настроенных игроков. И поэтому улавливание и хранение углерода (CCS) может стать историей успеха для Норвегии и Equinor, учитывая большие суммы денег, инвестированные в исследования и разработки. CCS — это новая технология, которая может представлять собой потенциальное частичное решение международной проблемы. Можно также с высокой степенью уверенности сказать, что некоторые источники энергии со временем исчезнут.

Возможно, наиболее очевидным следствием энергетического перехода является резкое сокращение потребления нефти в течение следующих 30 лет. Это будет происходить

постепенно, главным образом за счет реструктуризации немецкого транспортного сектора. У природного газа несколько более неопределенное будущее. Вероятность того, что он будет использоваться также и в тех же масштабах, что и сегодня, в ближайшие годы высока. [5] Большой вопрос для природного газа с норвежской точки зрения заключается в том, будет ли немецкий рынок для «голубого» водорода. В рамках Диалога «Газ 2030» водород выделен как потенциальный источник энергии, особенно в транспортном секторе. Таким образом, можно сделать вывод, что природный газ остается важным источником энергии, но будет ли он также играть важную роль в виде водорода, зависит от того, удастся ли Equinor производить его по конкурентоспособной цене.[6] Природный газ является важнейшим продуктом норвежского экспорта в Германию и наиболее значимым вкладом Норвегии в современный энергетический сектор Германии. Норвежские власти и компания Equinor надеются, что в будущем технология улавливания и хранения углерода (CCS) станет крупнейшим экспортным продуктом Норвегии в Германию. Ветроэнергетика играет все более важную роль как благодаря немецким инвесторам, участвующим в развитии норвежской ветроэнергетики, так и благодаря экспорту немецкой ветровой энергии в Норвегию, когда ею напрямую можно обмениваться через кабель NordLink. Этот же кабель обеспечивает Германии доступ к норвежской гидроэнергетике, когда производство ветровой энергии в Германии слишком низкое. Обмен электроэнергией через NordLink позволяет лучше использовать ветровую энергию, вырабатываемую в Германии, и одновременно повышает надежность поставок в Германию, предоставляя электроэнергию по требованию, а не полагаясь на прогнозы погоды. Расчеты также показывают, что проект принесет общую финансовую выгоду обеим странам.

Может показаться заманчивым рассказать историю будущего Норвегии без нефтяных доходов под заголовком «Маленькая страна, что теперь?», или историю «Широкое поле» об энергетическом переходе Германии. [7]

Но какое значение будет иметь энергетический переход Германии для энергетического сотрудничества между Норвегией и Германией? Этот масштабный и всеобъемлющий вопрос имеет, пожалуй, самый простой ответ: он будет иметь большое значение. Экспорт нефти и газа, основной источник доходов Норвегии, в течение следующих 30 лет будет затронут сокращением выбросов CO₂ Германией до 95%. Не требуется долгих исследований, чтобы понять, что постепенный отказ Германии от угольной и атомной энергетики в течение следующих 18 лет потребует большого количества электроэнергии из источников, которых у страны сегодня нет. Тем не менее, обеим странам важно смотреть в будущее, поскольку этот вопрос имеет решающее значение для экономики и социального обеспечения обеих стран. Для Норвегии потеря экспорта нефти и газа окажет большое и прямое влияние на доходы страны. Для Германии задача заключается в достижении установленных климатических целей таким образом, чтобы конкурентоспособность промышленности пострадала как можно меньше, а цены на электроэнергию не подскочили до небес.

Энергетический переход явно оказывает давление на германо-норвежское энергетическое сотрудничество и приведет к переменам в ближайшие годы.[8] Поскольку NordLink может транспортировать лишь ограниченные объемы электроэнергии, а общая стоимость нефти и природного газа очень высока, то очевидно, что увеличение экспорта гидро- и ветровой энергии не сможет заменить нефть и природный газ. Для восполнения этого пробела надо найти новый источник энергии. Наиболее реалистичной альтернативой представляется технология улавливания и хранения углерода (CCS). Но для этого немцам придется изменить свои традиционные взгляды на энергию. Норвегия же, со своей стороны, должна отказаться от идеи изолированного норвежского рынка электроэнергии и вместо этого принять подход, предпочитаемый немецкими властями, который рассматривает возобновляемые ресурсы как часть европейской системы энергоснабжения. Норвежские возобновляемые источники энергии внесут важный вклад в будущую энергетическую безопасность Германии. [9]

Второй альтернативой является вероятность продолжения плодотворного экономического сотрудничества благодаря длительным историческим связям между Германией и Норвегией. Нетрудно увидеть, как развивалось германо-норвежское сотрудничество от Средневековья до наших дней, как одно вело к другому через торговлю, знания, технологии и культурный обмен, что привело к сегодняшним отношениям и сотрудничеству. Глава немецкого подразделения Equinor, Бьярне Булл-Берг, подчеркивает важность доверия, объясняя, почему сотрудничество между норвежцами и немцами является полезным.

Экспорт норвежского газа в Германию, вероятно, останется стабильным, пока Норвегия сможет поддерживать свой уровень добычи. Однако изменения произойдут в большинстве других областей. Наибольшее снижение, вероятно, связано с экспортом норвежской нефти, в то время как ветроэнергетика является растущей областью сотрудничества. Совершенно открытым остается вопрос о том, что произойдет с технологиями улавливания и хранения углерода (CCS). Удастся ли Equinor и Федеральному министерству экономики и энергетики Германии убедить Германию и Европу в том, что это правильный путь? На наш взгляд, это самый важный вопрос, когда речь идет о будущем энергетическом сотрудничестве между Германией и Норвегией. Ответ на него появится где-то в будущем.

Библиографический список

1. Benjaminsen, C. Dette må du vite om hydrogen. [Elektronisk Ressurs]. – URL: <https://forskning.no/energi-fornybar-energi-klimate/dette-ma-du-vite-om-hydrogen/1359513> (accessed: 12.02.2026).
2. Brasch, T., Hungnes, H., Strøm, B. Ringvirkninger av petroleumsnæringen i norsk økonomi.[Elektronisk Ressurs]. – URL: https://www.ssb.no/nasjonaltregnskap-og-konjunkturer/artikler-og-publikasjoner/_attachment/405655?_ts=16ecb1da138 (accessed: 09.02.2026).
3. Engen, R.V., Oddstad, G. & Gjestvang, A. Vind eller forsvinn. VG. [Elektronisk Ressurs]. – URL: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/MRbnBm/vind-eller-forsvinn> (accessed: 13.02.2026).
4. Equinor. (o.D.). Ein breit aufgestelltes Energieunternehmen. [Elektronisk Ressurs]. – URL: <https://www.equinor.de/de.html> (accessed: 13.02.2026).
5. Equinor. Karbonfangst, -utnyttelse og -lagring (CCS og CCUS): Vi sender karbonet tilbake dit det kom fra. [Elektronisk Ressurs]. – URL: <https://www.equinor.com/no/what-we-do/carbon-capture-and-storage.html> (accessed: 13.02.2026).
6. Flick, U., Kardorff, E.v. & Steinke, I. Qualitative Forschung. 8.utg. Reinbek bei Hamburg: Rowolt Taschenbuchverlag. – 2024
7. Gullberg, A.T., Ohlhorst, D. & Schreurs, M. Towards a low carbon energy future – Renewable energy cooperation between Germany and Norway. Renewable Energy Vol. 68, August 2024, S. 216-222.
8. Jonassen, Ø. En innføring i CCS. [Elektronisk Ressurs]. – URL: <https://energiogklimate.no/to-grader/en-innforing-i-ccs/> (accessed: 09.02.2026).
9. Kemfert, C. Falsch verkabelt. Die Zeit. [Elektronische Ressource]. – URL: <https://www.zeit.de/2019/34/netzausbau-stromtrassen-energie-wende-erneuerbare-energien> (accessed: 09.02.2026).

*Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений,*

В.Н. Морозова

Россия, г. Воронеж,

e-mail: morozova@ir.vsu.ru

*Воронежский государственный университет,
студент факультета международных отношений*

О.К. Гаранина

Россия, г. Воронеж,

e-mail: olya.garanina.04@mail.ru

Voronezh State University

*PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair,
International Relations Department*

V.N. Morozova.

Russia, Voronezh,

e-mail: morozova@ir.vsu.ru

Voronezh State University

Student, International Relations Departmen

O.K. Garanina

Russia, Voronezh,

e-mail: olya.garanina.04@mail.ru

В.Н. Морозова, О.К. Гаранина

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Современное человечество сталкивается с различными экологическими проблемами. В связи с тем, что последствия изменения климата имеют большое значение на глобальном уровне, соглашения по климату являются одними из наиболее важных средств на международном уровне для борьбы с изменением климата. Климатические риски, такие как ограничение доступа к природным ресурсам, усиление конкуренции за землю, воду и продовольствие, а также массовое перемещение населения, требуют учета климатических факторов на всех этапах мирополитических процессов. Статья подчеркивает многоуровневый характер зеленой дипломатии, которая осуществляется на глобальном, региональном и национальном уровнях.

Ключевые слова: экологическая дипломатия, изменение климата, устойчивое развитие, международные соглашения, Киотский протокол, Парижские соглашения по климату.

V.N. Morozova, O.K. Garanina

THE ROLE OF ENVIRONMENTAL DIPLOMACY IN ADDRESSING CLIMATE CHANGE

Modern humanity faces various environmental problems. Due to the fact that the effects of climate change are of great importance at the global level, climate agreements are among the most important means at the international level to combat climate change. Climate risks, such as limited access to natural resources, increased competition for land, water and food, as well as mass displacement, require consideration of climate factors at all stages of world political processes. The article highlights the multi-layered nature of green diplomacy that takes place at global, regional and national levels.

Key words: environmental diplomacy, climate change, sustainable development, international agreements, Kyoto Protocol, Paris climate agreements

Изменение климата является одним из основных вызовов XXI века, требующим консолидированной реакции мирового сообщества. Ежегодный выброс парниковых газов, вызванный антропогенной деятельностью, напрямую влияет на природные катаклизмы, такие как глобальное потепление и разрушение экосистем, которые в дальнейшем способны вызвать продовольственный кризис в слабозащищенных регионах мира. В настоящее время традиционные национальные подходы в решении климатических угроз не являются эффективными, так как последствия изменения климата не ограничиваются несколькими государствами.

В данных условиях все более важное значение приобретает экологическая дипломатия, представляющая собой отдельную сферу международных отношений, в которой государства и иные акторы используют переговоры, соглашения и форумы для совместного решения экологических проблем, чтобы обеспечить устойчивое будущее планеты и спасти ее от глобального климатического кризиса. Экологическая дипломатия ставит перед собой ряд целей, включающих в себя формирование единых международных стандартов и правил по защите климата, обеспечение международного сотрудничества, а также совместную разработку и внедрение «зеленых» технологий, направленных на сокращение антропогенных выбросов парниковых газов в атмосферу [1].

Так, при участии ООН ежегодно проходят масштабные климатические конференции, в которых принимают участие как главы государств, так и другие государственные деятели, ученые и активисты, занимающиеся вопросами климатической повестки. Прежде всего это Конференции Сторон ООН по изменению климата, а также связанные с ней заседания по выполнению Парижского соглашения, которые посвящены выработке международных механизмов совместной борьбы с изменением климата, сокращению выбросов парниковых газов и обеспечению устойчивого развития.

Современная экологическая дипломатия в ее нынешнем виде не могла бы сформироваться без длительного исторического процесса, когда экологические проблемы и способы борьбы с ними вышли из локальных научных дискуссий и стали одними из ключевых вопросов международной политической повестки. Истоки экологической дипломатии как правило связывают с Конференцией ООН по проблемам окружающей среды, проведенной в Стокгольме в 1972 году (КОСР-1). Эта конференция не только впервые официально признала экологические вопросы частью международной политики, но и заложила основу для многостороннего сотрудничества государств в сфере охраны окружающей среды, которые до этого носили исключительно эпизодический характер [2]. Итогом конференции стало подписание Стокгольмской декларации, которая заложила основы, состоящие из 26 принципов, направленных на создание всеобщей программы по защите планеты, выработке и координации инициатив по решению конкретных экологических вопросов и проблем окружающей среды. Параллельно с дипломатическими инициативами была создана Программа ООН по окружающей среде, которая стала первым международным органом, ответственным за координацию глобальной экологической политики. Таким образом, конференция в Стокгольме впервые вывела вопросы окружающей среды на уровень политического диалога.

Уже в 1980-е годы экологическая дипломатия стала все сильнее интегрироваться в международную повестку за счет продолжающегося развития концепции устойчивого развития. В этот период знаковым документом стал доклад 1987 года от Комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», также известный как Доклад Брундтланта, названный в честь председателя Комиссии Гру Хралема Брундтланда [3]. Он разработал основополагающие принципы устойчивого развития, которые используются и по сей день. В данном докладе впервые было уделено внимание тому, что экологические и экономические цели должны рассматриваться как взаимосвязанные элементы устойчивой государственной политики каждой отдельно взятой страны, что способствовало переходу от традиционного национального подхода в преодолении экологических угроз к совместному международному взаимодействию стран по средствам дипломатии и многостороннего сотрудничества.

Следующим этапом в развитии стратегии устойчивого развития стала Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 1992 года (КОСР-2). В рамках данной конференции была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН), главной целью которой являлась стабилизация концентрации парниковых газов в атмосфере для предотвращения антропогенного воздействия на климат [4]. Конвенция стала

значимым шагом для последующих соглашений, таких как Киотский протокол 2005 года и затем сменившее его в 2016 году Парижское соглашение об изменении климата.

В настоящее время экологическая дипломатия активно развивается, демонстрируя накопившейся масштаб экологических вызовов и необходимости их своевременного решения. Современный этап характеризуется усилением роли международных конференций по изменению климата и углублением дипломатических переговоров в многостороннем формате. Так, в 2015 году на саммите ООН были приняты 17 целей устойчивого развития, направленные на три взаимодополняемые сферы – экономическую, социальную и экологическую. Основные экологические цели включают в себя задачи по борьбе с изменением климата; поддержание чистой энергии; сохранение экосистем и обеспечение устойчивого использования природных ресурсов [5].

Парижское соглашение, принятое в 2015 году в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, стало основным многосторонним международным документом, определяющим будущее современной климатической дипломатии. Договор предусматривает удержание роста глобальной средней температуры «значительно ниже 2 °С» и «приложение усилия» для ограничения роста температуры величиной 1,5 °С [6]. При этом Парижское соглашение основывается на добровольных национально определённых вкладах, которые каждая страна обязуется на себя взять, регулярно обновлять и усиливать. Такая система была выбрана сознательно как компромисс между всеобщей вовлечённостью государств и отсутствием прямых юридических санкций за невыполнение обязательств, что, с одной стороны, обеспечило высокую степень участия, а с другой поставило под вопрос реальную эффективность соглашения в достижении климатических целей.

Несмотря на значительный дипломатический успех Парижского соглашения, его осуществление сталкивается с рядом существенных вызовов. Появляется все больше прогнозов, показывающих, что даже при условии реализации всех текущих национальных обязательств вероятность удержания роста температуры ниже 2 °С остаётся низкой, а для достижения целевого уровня в 1,5 °С требуется значительное усиление мер по сокращению выбросов, это означает, что даже базовые цели Парижского соглашения практически недостижимы [7].

Еще одним вызовом для практической реализации соглашения являются несогласованные позиции крупнейших государств-эмитентов. Так, Китай, являющийся одним из основных источников глобальных выбросов парниковых газов, официально заявил о намерении достичь пика выбросов лишь к 2030 году и обеспечить углеродную нейтральность в более поздний срок. Подобный подход, хотя и отражает признание климатической проблемы на политическом уровне, фактически откладывает реализацию наиболее масштабных мер по сокращению выбросов на будущее, что вызывает обеспокоенность в научном сообществе. Учитывая долю Китая в глобальных выбросах, сохранение высоких темпов экономического роста, основанных на использовании ископаемых источников энергии, существенно ограничивают возможность достижения температурных целей Парижского соглашения в установленные сроки.

Не менее показательной является эволюция позиции США, климатическая политика которой трансформируется в зависимости от внутривнутриполитических факторов. Так в период первого президентства Дональда Трампа в 2020 году США вышли из соглашения, однако в период президентства представителя демократической партии Джо Байдена снова присоединились к соглашению в феврале 2021 года. Данная резкая смена риторик правящего правительства США отчетливо показывает, что позиция страны по климатическим вопросам напрямую зависит от внутривнутриполитической ситуации в стране и от той партии, кандидат которой в дальнейшем становится президентом. В подтверждении данной точки зрения можно сослаться на второе переизбрание Дональда Трампа, который 20 января 2025 года, в первый же день своего второго президентства, подписал указ о выходе США из Парижского соглашения.

Таким образом, современная экологическая дипломатия, с одной стороны, свидетельствует о наличии стремления государств к коллективным действиям в области изменения климата, а с другой подчеркивает важность крупнейших государств-производителей выбросов, от действий которых в значительной степени зависит эффективность глобальных усилий по защите климата.

Важнейшим многосторонним инструментом реализации Парижского соглашения являются ежегодные Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК), на которых обсуждаются вопросы сокращения выбросов парниковых газов, климатического финансирования, адаптации к изменениям климата и перехода от ископаемого топлива к низкоуглеродной и безуглеродной энергетике, итогами которых являются климатические соглашения [8].

В контексте деятельности конференций РКИК ООН, следует обратить внимание на итоговые документы последних трех, поскольку именно в этот период были проведены значительные системные и политические изменения в вопросах по сохранению климата, когда от политических деклараций страны пришли к согласованию конкретных механизмов перехода к безуглеродной модели развития.

Конференция ООН по изменению климата 2023 года (КС-28), проходившая в ОАЭ, была посвящена оценке глобального прогресса по реализации Парижского соглашения. Впервые с момента его подписания был проведен «Глобальный Анализ» - периодический механизм оценки коллективного прогресса в достижении целей Парижского соглашения [9]. Итоги анализа показали, что текущие обязательства, возложенные на страны соглашения, не позволяют достичь цели ограничения глобального потепления 1,5°C по сравнению с доиндустриальным уровнем к 2030 году, констатируя необходимый ускоренный переход от ископаемого топлива и увеличению климатического финансирования.

Ученые Института народнохозяйственного прогнозирования РАН НА разработали три сценария по декарбонизации России. Первый сценарий, инерционный, оценивается отрицательно, так как увеличивается количество выбросов парниковых газов, снижаются темпы роста ВВП из-за более низких темпов модернизации экономики и внешнеэкономических ограничений. При втором сценарии в декарбонизацию вкладываются 2% ВВП, и углеродная нейтральность достигается к 2060 г. Более агрессивная политика с вкладом в декарбонизацию 3% ВВП расценивается как неприемлемая из-за ущерба потенциальному росту российской экономики [10].

Политические разногласия и международная конъюнктура существенным образом влияют на климатическую повестку. Западная политика все чаще сводится к снижению потребления углеводородных источников, а не товаров, для производства которых используются данные источники или к переходу на альтернативные источники. То, что сначала напоминало «крестовый поход» на углеродную экономику, с вмешательством политики стала напоминать тот же поход против России.

Кроме того, в поиске дополнительных объемов СПГ ЕС перекупал его, фактически отбирая у развивающихся стран. В такой ситуации стала закономерной замена газа углем с вытекающим отсюда ростом выбросов.

В этом плане показательно само название Доклада ЮНЕП о разрыве в уровне выбросов за 2023 год — «Заезженная пластинка: температура установила новые рекорды, однако миру не удастся сократить объемы выбросов (снова)». Доклад, содержащий данные о разнице между текущими и плановыми глобальными выбросами в соответствии со взятыми странами обязательствами с целью ограничить увеличение повышения температуры до 1,5°C, демонстрирует, что мир продолжает движение к температурам намного выше целей Парижского соглашения [11].

На климатической конференции 2024 года (КС-29), проходившей в Азербайджане, страны впервые за десятилетие согласовали правила функционирования международных углеродных рынков, которые до этого не работали должным образом из-за разногласий в

вопросах подсчета сокращений углеродных выбросов [12]. Предполагалось, что эти механизмы позволят странам более эффективно реализовывать климатические стратегии и тем самым ускорить сокращение глобальных выбросов к середине десятилетия вдвое.

КС-30, прошедшая в ноябре 2025 года в Бразилии, сосредоточилась на реализации обязательств Парижского соглашения после первого «Глобального Анализа», проведенного в 2023 году. В результате соглашения, страны подписавшие декларацию, обязались продвигать информационную целостность в вопросах, связанных с изменением климата на международном, национальном и местном уровнях, для противодействия дезинформации и искажению отчетов, подрывающих точные данные о состоянии климата [13].

Климатическая кооперация, равно как и климатические разногласия в политическом концепте демонстрируют четкую тенденцию, а именно отход в климатических договоренностях от «подхода сверху» (жестких, выработанных МГЭИК нормативов по выбросам) и переход к национальным обязательствам, определяемым странами самостоятельно, — «подход снизу» [14].

Несмотря на существенный прогресс в рамках климатических соглашений 2023-2025 годов, экологическая дипломатия сталкивается с рядом вызовов, которые могут подорвать ее эффективность. Глобальным вызовом можно считать поддержание долгосрочного доверия и сотрудничества между странами, поскольку международные переговоры по климату испытывают сложности из-за различий национальных интересов, политической нестабильности и конкуренции между государствами. Еще одной проблемой является структурное неравенство в климатическом финансировании и адаптации, когда существующий уровень обязательств значительно ниже того, который требуется достичь в климатических рамках и целях устойчивого развития.

Таким образом, современная экологическая дипломатия за ее более чем полувековое существование прошла путь от признания экологических вопросов частью международной политики до всестороннего сотрудничества стран в области климата и экологии посредством ежегодных конференций в рамках международных организаций. Несмотря на это глобальных вызовов, связанных с климатической и экологической повесткой, становится все больше, поэтому международному сообществу необходимо выработать новые, четко структурированные подходы для устойчивого развития в XXI веке.

Библиографический список

1. Президент утвердил новую цель по снижению выбросов парниковых газов // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/prezident_utverdil_novuyu_cel_po_snizheniyu_vybros_ov_parnikovyh_gazov.html (дата обращения: 24.01.2026).
2. Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972) // Организация Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972> (дата обращения: 24.01.2026).
3. В Рио-де-Жанейро принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20020603/163271.html> (дата обращения: 24.01.2026).
4. Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 24.01.2026).
5. Цели устойчивого развития // Организация Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 24.01.2026).
6. Парижское соглашение по климату. – URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

7. Изменение климата и водные ресурсы: специальный доклад МГЭИК. – 2018. // Межправительственная группа экспертов по изменению климата. – URL: <https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/03/climate-change-water-ru.pdf> (дата обращения: 24.01.2026).

8. Шестой оценочный доклад МГЭИК: сводный доклад (AR6 Synthesis Report) // Межправительственная группа экспертов по изменению климата. – URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/> (дата обращения: 24.01.2026).

9. COP-28. – URL: <https://www.cop28.com/en/about-cop28> (дата обращения: 13.12.2025).

10. Порфирьев Б.Н., Акентьева Е.М., Елисеев Д.О., Хлебникова Е.И. Методические подходы к оценке возможного ущерба экономическим системам от климатических изменений // Проблемы прогнозирования. - 2024. - № 1 (202). - С. 67-80. doi: 10.47711/0868-6351-202-67-80 <https://ecfor.ru/publication/otsenka-ushherba-hozyajstvennym-obektam-ot-klimaticheskikh-vozdjstvij/> (дата обращения: 20.01.2026).

11. Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (2023 г.). Краткий обзор. «Доклад о разрыве в уровне выбросов за 2023 год: Заезженная пластинка — температура установила новые рекорды, однако миру не удастся сократить объемы выбросов (снова)». Найроби. <https://doi.org/10.59117/20.500.11822/43922> . URL: https://www.unep.org/emissions-gap-report-2023_ (дата обращения: 20.01.2026).

12. ООН: изменение климата остаётся одной из главных глобальных угроз // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458266> (дата обращения: 24.01.2026).

13. Генеральный секретарь ООН призвал ускорить климатические действия // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466818> (дата обращения: 24.01.2026).

14. Морозова В.Н., Цебекова Е.П. Глобальная климатическая повестка: экономические и политические аспекты // Современная экономика: проблемы и решения. - 2024, №11 (179). - С. 90-103

*Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений,
В.Н. Морозова.*

*Россия, г. Воронеж,
e-mail: morozova@ir.vsu.ru*

*Воронежский государственный университет
Студент факультета международных отношений
Е.С. Фролова*

*Россия, г. Воронеж,
e-mail: frolovalisa@gmail.com*

*Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair,
International Relations Department*

*V.N. Morozova.
Russia, Voronezh,
e-mail: morozova@ir.vsu.ru*

*Voronezh State University
Student, International Relations Department
E.S. Frolova*

*Russia, Voronezh,
e-mail: frolovalisa@gmail.com*

В.Н. Морозова, Е.С. Фролова

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ МИГРАНТОВ В ПЕРИОД МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2015 -2016 гг.

Статья посвящена проблеме защиты прав мигрантов в контексте глобального миграционного кризиса, охватившего Европу в 2015–2016 годах. В ней подчеркивается необходимость комплексного подхода для анализа кризиса, который стал одной из ключевых вызовов современности в сфере международных отношений и прав человека.

Ключевые слова: Миграционный кризис, права беженцев, Европейский союз.

V.N. Morozova, E.S. Frolova

THE PROBLEM OF ENSURING THE RIGHTS OF MIGRANTS DURING THE MIGRATION CRISIS FROM 2015 TO 2016

The article focuses on the issue of protecting the rights of migrants in the context of the global migration crisis that engulfed Europe in 2015-2016. It emphasizes the need for a comprehensive approach to analyzing this crisis, which has become a key challenge in international relations and human rights.

Key words: Migration crisis, refugee rights, European Union.

Каждый год миллионы людей вынуждены покидать свои дома из-за преследований, конфликтов и других форм насилия, ища убежища и безопасность в других странах. Однако политический климат не всегда благоприятен для беженцев, и многие из них лишены основных прав. Они сталкиваются с дискриминацией и жестоким обращением на всех этапах перемещения. В результате важно изучить правовые, этические и практические аспекты прав беженцев и глобальной миграции для разработки эффективной политики и практик принятия решений.

Европейские страны достаточно плотно занимаются миграционной политикой, особенно в послевоенный период, когда многие государства активно привлекали иностранную рабочую силу. Несмотря на это, проблема нелегальной миграции остаётся постоянной и не теряет актуальности.

С 2015 года начался новый этап беспрецедентного миграционного кризиса, который активно освещался в научных исследованиях, СМИ и политических заявлениях. В Европу прибыли порядка двух миллионов мигрантов. В этот период ярко проявилась неспособность Евросоюза справиться с таким числом беженцев.

Основным документом, регулирующим права беженцев и обращение с ними, оставалась Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г. Предоставляемая ею защита распространяется на лиц, вынужденных оставить свою страну из опасений стать жертвами «преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений» [1]. Такие основания необходимости убежища, как война, массовое насилие и агрессия иного государства, являющиеся в настоящее время причинами поиска убежища сотнями тысяч лиц, Конвенцией не охватываются. Основной приток беженцев того периода отличался тем, что большинство мигрантов прибывали из-за экономической нестабильности в их странах [2]. Для них было практически невозможно легализовать своё пребывание на территории принимающего государства, что приводило к сложности соблюдения Женевской конвенции о беженцах. По европейскому законодательству, статус беженца имеет лицо, которое подало соответствующее заявление. Если мигранты не могут легально попасть в страну, они лишаются возможности подать такой запрос. Используя этот пункт, некоторые страны начали ограничивать возможности въезда на территорию страны, начиная от ужесточения законодательства, заканчивая закрытием границ.

Одной из таких мер стала практика Венгрии, в которой за незаконный въезд введено уголовное наказание, что противоречит статье 31 Конвенции о беженцах. Согласно статье, «договаривающиеся государства не будут применять санкции в отношении беженцев за их незаконный въезд или пребывание в стране, (но!) если они без промедления явятся властям и представят уважительную причину своего незаконного въезда или пребывания» [3].

После въезда в страну пребывания мигранты нередко сталкивались с жестким обращением в сетях временного пребывания. В лагерях наблюдались перебои с электричеством; переполненные туалеты; грязные матрасы; и отсутствие одежды, молока, простыней и одеял. Глава Агентства фундаментальных прав ЕС Майкл О'Флаэрти назвал лагерь в Мория (Греция) вызывающим самые большие тревоги относительно вопроса прав человека во всей Европе [4]. В лагере Понте Галерея в Италии люди жили от десяти человек в комнате, в которой иногда не было воды или отопления, а также доступа к школе или работе.

Отдельно нужно упомянуть положение женщин и соблюдение их прав. Поступало большое количество сообщений, описывающих многочисленные случаи преследования и насилия молодых девушек и женщин как со стороны мужчин, проживающих с ними в лагерях, так и со стороны полиции и пограничников [5]. Условия жизни в лагерях способствовали повышению опасности. Сообщается, что женщины боялись посещать душевые и туалеты, поскольку они были общими для мужчин и женщин.

В основном серьёзные нарушения прав человека происходили в тех государствах, в которых изначально не соблюдались основные права, однако даже более демократические страны выполняли только часть своих обязательств в условиях кризиса. Для государств ЕС приоритетом стала собственная безопасность. Мигрантов зачастую рассматривали скорее как проблему, требующую решения, а не как категорию населения, чьи права необходимо гарантировать.

Наглядным примером такого отношения стала ситуация с сирийскими беженцами. Гражданская война в Сирии была основным фактором, вызвавшим глобальный приток беженцев в европейские страны. Не было создано такого канала легальной иммиграции, как шенгенская виза (всего 10% беженцев подавали прошение о такой визе с территории Сирии, но все они были отклонены [6]). Лидеры европейских стран решили перенести эту проблему на соседние с Сирией страны, а именно Турцию, Иорданию, Ливан, что привело к скоплению огромных масс людей на их территории. По данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, на июнь 2015 г. в Турции находились 2,3 млн беженцев, в Ливане – 1 млн 150 тыс. (при населении 4,5 млн), в Иордании – 700 тыс. (при населении 9,5 млн) [7]. Государства не могли принять такое количество мигрантов, поэтому стали вводить

ограничительные меры. Страны перестали выдавать сирийцам разрешения на работу, в связи с чем, беженцам приходилось тратить все свои сбережения, а затем искать работу на неформальном рынке труда, где им недоплачивали и где они были уязвимы. Даже когда Турция согласилась разрешить трудоустройство сирийских беженцев в рамках заключённого в марте 2016 года соглашения с ЕС о возвращении всех беженцев, покинувших Турцию и отправившихся в Европу, доступ к турецкому рынку труда получили менее 0,1 % беженцев [8].

Ухудшение проблемы с правами человека было вызвано не только ростом миграционных потоков, но и несовершенством законодательства, недостаточной готовностью системы предоставления убежища ЕС и значительным дефицитом солидарности среди стран-членов, особенно в тот момент, когда требовались срочные реформы системы поддержки беженцев и распределения ответственности. Политическая ситуация в Европе создала необходимость в изменении законодательства ЕС об убежище с целью формирования единой системы, способной эффективно отвечать на современные вызовы.

Верховный комиссар Организации Объединённых Наций по делам беженцев, Специальный комиссар ООН по правам мигрантов, Совет Европы по правам человека призвали ЕС разработать коллективную, всеобъемлющую политику, основанную на правах человека, для реагирования на миграционный кризис. Это мнение повторила занимавшая в то время пост канцлера Германии Ангела Меркель, которая заявила: «Если Европа потерпит неудачу по вопросу беженцев, если эта тесная связь с универсальными гражданскими правами будет разорвана, то это будет не та Европа, которую мы хотели» [9].

Уже 6 апреля 2016 года Европейская комиссия представила доклад для Европарламента и Совета ЕС с предложениями по реформированию общеевропейской системы предоставления убежища и расширению легальных возможностей миграции [10]. В документе подчёркивалась уязвимость существующей системы, в основном из-за недостаточного доверия между странами-членами, фрагментированности системы убежища и низкого уровня доверия к единым нормам статуса беженца в ЕС [11]. Общая европейская система предоставления убежища (CEAS) создавала сеть взаимных юридических обязательств для стран ЕС — как в отношении к мигрантам, так и между собой. Игнорирование этих обязательств подорвало права просителей убежища и эволюцию глобального режима защиты беженцев, а также вызвало постепенное разрушение всей региональной архитектуры убежища. Система, опирающаяся на единые общеевропейские нормы, не смогла ни прогнозировать масштабный миграционный кризис, ни эффективно с ним справиться. В итоге возникли серьезные нарушения прав беженцев, а в условиях перегрузки пограничных государств - игнорирование ключевых договоренностей ЕС, что фактически спровоцировало конституционный кризис на уровне Союза. Ключевым здесь выступает принцип искреннего сотрудничества, который обязывает страны-члены помогать друг другу в реализации обязательств ЕС [12]. Однако ряд государств Шенгенской зоны предпочли этому принципу прагматичные выгоды и минимизацию притока просителей убежища на своей территории.

Вместо коллективных усилий они перешли к двусторонним сделкам с партнерами, разделяющими схожие интересы. Например, в 2016 году Австрия и Словения координировали закрытие границы с Македонией и Грецией, чтобы пресечь миграцию по западнобалканскому маршруту [13]. Аналогично, в ноябре 2022 года Великобритания и Франция заключили новое партнерство для борьбы с нелегалами, пересекающими Ла-Манш на малых судах, с акцентом на совместные патрули и возвраты [14]. Такой отказ от общеевропейской стратегии в пользу национальных инициатив активно продвигают националистические популистские партии по всей Европе. Рост антимигрантских настроений усиливает их влияние, поскольку их риторика ставит национальную идентичность и безопасность выше соблюдения прав мигрантов.

Предвидя это и пытаясь приостановить данную политику к середине 2016 года, был представлен пакет из семи законопроектов, фактически пересматривающих все ключевые аспекты законодательства ЕС в сфере соблюдения прав беженца и предоставления убежища, включая усиление полномочий Агентства ЕС по вопросам убежища, реформу Дублинского регламента и создание справедливой системы распределения просителей убежища между странами-членами [15]. Основная идея реформы Дублинского регламента состоит в создании устойчивого и системного механизма распределения рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища мигрантам между государствами. На национальные системы предоставления убежища оказывалось непрерывное давление из-за огромного потока мигрантов. Целью реформ было ослабление его, и как следствие, повышение качества помощи, которая оказывалась беженцам.

Суть нового регламента заключалась в создании индивидуальной квоты для каждого государства, которая рассчитывалась исходя из объёма ВВП и численности населения [16]. Реакция членов ЕС на реформу была неоднозначная, так как к тому моменту Советом ЕС уже было принято решение о распределении между странами членами - ЕС 160 000 иммигрантов, находящихся в Италии и Греции [17]. Венгрия, Польша и Чехия были категорически против квот, называя их "принудительной миграцией", при этом Франция, Италия и Германия поддержали инициативу. Из-за невозможности найти консенсус к 2020 году реформа была заблокирована.

После 2016 поток мигрантов начал сокращаться. Общее число прибытий составило около 1 млн, с дальнейшим снижением до 100–200 тыс. ежегодно [18]. Главным образом такой спад произошёл благодаря соглашению ЕС и Турции в марте 2016 года. ЕС выделил Турции €6 млрд на содержание 3,5 млн сирийских беженцев, также был введён механизм "один за одного", который означал возврат нелегалов из Греции в обмен на переселение сирийцев [19]. Всё это привело к снижению на 90% поток беженцев через Эгейское море. Изначально именно этим путём пользовались большинство мигрантов во время переселений в Европу, при этом погибая во время дороги. В период с января по август 2015 года в течение транзита через Эгейское море погибло более 2400 человек [20]. Всего в 2015 году на этом маршруте погибло 3784 человека. В 2016 году число погибших на этом маршруте только увеличилось по сравнению с 2015 годом и достигло 5143 человек [21].

В 2020-2021 годах количество мигрантов снизилось сильнее на фоне ковидных ограничений, но при этом пандемия усугубила уязвимость беженцев. В лагерях на 3 тысячи человек проживало 20 тысяч мигрантов [22]. Сообщается, что тысячи людей были лишены базовых прав: доступа к здравоохранению, образованию и юридической помощи. В Италии и Испании происходили принудительные возвраты на море. Всё это провоцировало не только новые вспышки эпидемии в разных странах, но и очаги не спокойствия в самих лагерях. В сентябре 2020 года в Греции произошёл пожар в печально известном лагере Мориа. По свидетельствам пожарных было около десяти одновременных очагов, которые привели к масштабному огню. Также отмечалось, что пожарная служба столкнулась с противодействием во время тушения пожара [23].

В мае 2024 года ЕС принял новый Пакт о миграции и предоставлении убежища, который вступит в силу в июне 2026 года. Согласно ему, государства члены будут обязаны равномерно распределять миграционные потоки между собой, а также реформировать процедуру получения убежища и защиту границ Европейского союза [24].

Но не стоит расценивать это как долгожданное решение проблемы. От теоретического консенсуса и реализации его на практике путь очень внушителен. А главное, он оставляет в стороне нерешенные проблемы интеграции мигрантов, переводя их в разряд вторичных, что несет в себя серьезный конфликтогенный потенциал.

Наиболее частые отступления от правозащитных стандартов, такие как дискриминационные практики на границе, неспособность принимающего общества предложить достойные условия для жизни, административные и бюрократические барьеры и

другие, продемонстрировали, что миграционный кризис серьезно испытал на прочность международные и национальные правозащитные системы. Очевидно, что миграционная тематика надолго задала тренд обсуждаемым проблемам Европы, соперничая с 2020 года с коронавирусной и с «излюбленной» климатической проблематикой.

Библиографический список

1. Конвенция о статусе беженцев. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения 11.02.2026).
2. Matveevskaya A. S., Pogodin S.N., Wang Juntao. Problem of human rights violations during the migrant crisis in Europe. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.311> (дата обращения 11.02.2026).
3. Convention relating to the Status of Refugees (1951), The UN Refugee Agency. – URL: <http://unhcr.ru/fileadmin/files/docs/Documents/pdf> (дата обращения 11.02.2026).
4. Кравчук Н.В. Беженцы в Европе: от уважения прав человека к преследованию интересов государства. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 72–80. – URL: <file:///C:/Users/Сергей/Downloads/bezhentsy-v-evrope-ot-uvazheniya-prav-cheloveka-k-presledovaniyu-interesov-gosudarstva.pdf> (дата обращения 11.02.2026).
5. Women and children ‘endure rape, beatings and abuse’ inside Dunkirk’s refugee camp // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/feb/12/dunkirk-child-refugees-risk-sexual-violence> (дата обращения 15.02.2026).
6. Малахов В. С. Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии (Аналитическая записка) // РСМД – URL: <https://russiancouncil.ru/upload/MigrationCrisis-Policybrief10-ru.pdf> (дата обращения 15.02.2026).
7. Global Trends 2015 // UNHCR. URL: <http://www.unhcr.org/global-trends-2015.html> (дата обращения 15.02.2026).
8. UK and other European states suspend Syrians’ asylum applications // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/dec/09/uk-and-other-european-states-suspend-syrians-asylum-applications> (дата обращения 15.02.2026).
9. Angela Merkel Calls for European Unity to Address Migrant Influx// The New York Times. – 31 August 2015. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/09/01/world/europe/germany-migrants-merkel.html> (дата обращения 15.02.2026).
10. Войников В. В. Реформа законодательства Европейского Союза об убежище как ответ на миграционный кризис в Европе // Труды Института государства и права Российской академии наук – 2017. Том 12. № 5. – URL: http://igpran.ru/trudy/vypuski/2017/2017-5/2017-%205_Sod.pdf (дата обращения 18.02.2026).
11. ЕК предложила два варианта реформы системы предоставления убежища в ЕС // РИА Новости – URL: <https://ria.ru/20160406/1403585804.html> (дата обращения 18.02.2026).
12. Договора о Европейском союзе. – ст 4(3). – URL: file:///C:/Users/Сергей/Downloads/SincereCooperation_Chapter.pdf (дата обращения 18.02.2026).
13. Продолжающийся миграционный кризис в Европе. – 2019. – URL: <https://perconcordiam.com/ru/продолжающийся-миграционный-кризис/> (дата обращения 18.02.2026).
14. U.K. and France Sign New Deal to Stem Small-Boat Migrant Crossings // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/11/14/world/europe/uk-france-small-boat-deal.html> (дата обращения 18.02.2026).
15. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Establishing a Union Resettlement Framework and Amending Regulation (EU) – № 516/2014 of the European

Parliament and the Council COM/2016/0468 final — 2016. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016PC0468> (дата обращения 18.02.2026).

16.EDPS Opinion on the First reform package on the Common European Asylum System (Eurodac, EASO and Dublin regulations). — URL: <http://www.statewatch.org/news/2016/sep/eu-edps-ceas-opinion.pdf> (дата обращения 18.02.2026).

17.Council Decision (EU) 2015/1601 of 22 September 2015 establishing provisional measures in the area of international protection for the benefit of Italy and Greece // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2015/1601/oj/eng> (дата обращения 20.02.2026).

18.EU migration and asylum policy. — URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-migration-policy/#figures> (дата обращения 20.02.2026).

19.EU-Turkey statement, 18 March 2016 // European Council. — URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement/> (дата обращения 20.02.2026).

20.Marenich M.N. Current problems of refugee's rights and problems of migration control in the European Union. — 2015. — URL: <https://sibac.info/studconf/hum/xxxvii/43784> (дата обращения 20.02.2026).

21.Ghailani D. Europe facing the migration crisis: migrants' rights sacrificed on the security altar, in Bilan social de l'Union européenne 2017, European Trade Union Institute (ETUI) and Observatoire Social Européen (OSE). — pp. 53–75. — URL: https://www.etui.org/sites/default/files/Chapitre%203_0.pdf (дата обращения 20.02.2026).

22.Аналитическая записка Генерального секретаря по вопросу о COVID-19 и перемещающихся лицах. — URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020/06/sg_brief_c19_people_on_the_move_russian.pdf (дата обращения 20.02.2026).

23.В Греции сгорел крупнейший лагерь мигрантов // РИА Новости. — 2020. — URL: <https://ria.ru/20200909/migranty-1576972463.html> (дата обращения 20.02.2026).

24.EU migration and asylum policy // European Council, Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-migration-policy/#0> (дата обращения 20.02.2026).

*Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
О.Ю. Михалев.*

*Россия, г. Воронеж,
e-mail: mikhalev2003@mail.ru*

*Воронежский государственный университет
студент факультета международных отношений
Е.П. Сазонов*

*Россия, г. Воронеж,
e-mail: heavenknows321321@gmail.com*

Voronezh State University

*PhD in History, Associate Professor of the Department
of International Relations and World Politics*

O.Y. Mikhalev

*Russia, Voronezh,
e-mail: mikhalev2003@mail.ru*

*Voronezh State University
Student of the International Relations faculty
E.P. Sazonov*

*Russia, Voronezh,
e-mail: heavenknows321321@gmail.com*

О.Ю. Михалев, Е.П. Сазонов

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЦЫГАН В РУМЫНИИ

Исторически положение цыган в Румынии отмечено дискриминацией со стороны государства. В коммунистический период их насильственно перевели к оседлости и работе на заводах. После 1989 года ситуация не улучшилась: маргинализированные общины столкнулись с массовой безработицей из-за низкого уровня образования и социальной изоляции. Сегодня цыгане остаются объектом дискриминации, страдая от бедности, ограниченного доступа к ресурсам и негативных стереотипов. Проблему усугубляет то, что некоторые публичные деятели цыганского происхождения отрекаются от своих корней, усиливая стигматизацию сообщества.

Ключевые слова: Румыния, цыгане, румыны, защита прав, ЕС, международное право, национальные меньшинства, дискриминация.

O.Y. Mikhalev, E.P. Sazonov

THE PROBLEM OF PROTECTING THE RIGHTS OF ROMA IN ROMANIA

Historically, the situation of Roma in Romania has been marked by discrimination by the state. During the communist period, they were forcibly relegated to sedentary life and factory work. After 1989, this situation was not maintained: marginalized communities faced mass unemployment due to low levels of education and social employment. Today, Roma remain the target of religious persecution, suffering from poverty, limited access to resources, and negative stereotypes. The problem is exacerbated by the fact that some public figures of Roma descent are denying their roots, furthering the stigmatization of the community.

Key words: Romania, Roma, Gypsies, Romanians, protection of rights, EU, international law, national minorities, discrimination.

Демографический ландшафт в Румынии определяют две крупнейшие нетитульные группы: исторически укоренённые венгры (свыше 1 миллиона человек) и более уязвимые рома или цыгане (почти 570 тысяч). История борьбы за права последних уходит в XIX век, когда на территории Валахии и Молдавии отменили рабство. В начале XX в. цыгане начали борьбу за свои права, создавая организации [1], публикуя газеты на цыганском языке и книги об истории цыган, формируя политические движения. В разгар Второй мировой войны цыгане подвергаются геноциду, гонениям и депортации. Тем, кто оказывал поддержку рабочим партизанским отрядам, по итогам войны социалистическим румынским правительством были отданы во владения земельные участки, что отчасти сгладило положение цыган в республике.

Дело в том, что кочевой образ жизни в социалистической Румынии фактически был невозможен. Социалистическое правительство вынуждало цыган искать работу на заводах, вести оседлый образ жизни и отказываться от традиционных ремесел. Цыгане как меньшинство официально не существовали, их специфичность ассоциировалась с низким социальным статусом. Их традиционная деятельность находилась на грани законности, многие из них попадали под действие Декрета № 153/1970 о тунеядстве [1]. Прекращение выдачи жилья за работу на заводе после революции 1989 г. поставило большинство цыган Румынии в тяжелое положение. Они потеряли гарантированную работу и жилье. Согласно официальной статистике [1], государственная политика, разработанная после 1989 года для социальной интеграции цыган в таких областях, как занятость, образование, здравоохранение и жилье, оказалась неудачной. Переход к рыночной экономике сильнее всего ударил по этой уязвимой этнической группе, поскольку массовое закрытие предприятий привело к высокому уровню безработицы среди населения. Так, районы вроде бухарестского Феринтари, изначально построенные как спальные кварталы для рабочего класса при Чаушеску, после революции 1989 года массово заселялись оказавшимися в тяжелейшем социально-экономическом положении цыганами, которые занимали пустующее жильё (явление, известное как сквоттинг). Подобные захваты привели к формированию анклавов и дальнейшей маргинализации. Ответом на эти исторические вызовы в первое десятилетие после революции стала адаптация законодательства под защиту прав меньшинств, что было одним из первых шагов посткоммунистической Румынии в этой сфере.

Конституция Румынии (ст. 4, 6, 30, 32, 59) закрепляет равноправие граждан, признает права национальных меньшинств на сохранение идентичности, изучение родного языка и гарантирует им представительство в парламенте [2]. Эта правовая основа была усилена рядом антидискриминационных законов. Особенно важным стал Закон № 61 от 21 марта 2013 года, который в соответствии с международной практикой переложил бремя доказывания в делах о дискриминации с истца на ответчика. Трудовой кодекс, дополненный в 2020 году, расширил защиту, запретив дискриминацию «по ассоциации» с национальным меньшинством. Отдельным шагом стала криминализация антицыганских настроений и пропаганды в рамках Закона о борьбе с цыганофобией 2020 г. [3].

Для реализации прав цыган (или «рома» – термин «цыган» является оскорбительным для большинства представителей этого народа, поэтому они предпочитают назвать себя «рома») создан ряд государственных и общественных институтов. Ключевую роль в расследовании дискриминации играет Национальный совет по борьбе с дискриминацией (CNCD) — автономный орган под парламентским контролем. С 2005 года работает Национальное агентство по делам рома (NAR), отвечающее за мониторинг государственной стратегии. Важным элементом стала Стратегия улучшения положения рома, принятая в 2001 году и обновленная на период 2012-2020 гг. Её целью является преодоление маргинализации в здравоохранении, образовании и других сферах. Активную роль играют НПО, такие как Цыганский центр социального вмешательства и исследований (Romani CRISS), оказывающий юридическую помощь и защищающий права рома с 1993 года.

Таким образом, на протяжении десятилетий в Румынии формировалась законодательная база, создавались многочисленные негосударственные организации, а также защита прав цыган постепенно адаптировалась под международные нормы. Так, Европейский союз, еще до масштабного восточного расширения, в 1989 году принял знаковую резолюцию о школьном образовании для детей рома, что стало первой общеевропейской инициативой, официально признавшей культуру рома неотъемлемой частью европейского наследия, что заложило основу для последующих рамочных стратегий и директив. Совет Европы, как важнейший правозащитный орган континента, активно способствовал выработке стандартов, выпуская детальные рекомендации государствам-членам по улучшению положения рома, поддерживая практические инициативы вроде сети

городов-муниципалитетов, работающих на интеграцию, и финансируя проекты по сохранению языкового и культурного наследия. ОБСЕ, с фокусом на безопасности и стабильности, придала теме высокий политический вес, поручив своему влиятельному Верховному комиссару по делам национальных меньшинств курировать положение рома как один из ключевых элементов раннего предупреждения конфликтов и поощрения толерантности в регионе. На глобальном уровне кульминацией этих усилий стало признание ООН в 1979 году Международного союза рома (IRU) в качестве консультативной неправительственной организации, что открыло для представителей движения доступ к площадкам ООН и легитимировало их как полноправного субъекта международного диалога. Таким образом, эволюция отношений между сообществом цыган и международными структурами демонстрирует классический пример, где «снизу» — растущая политическая зрелость, самоидентификация и требовательность гражданского движения, а «сверху» — постепенная институционализация его запросов через нормативные акты, целевые программы и специальные мандаты, что в совокупности медленно, но необратимо встраивало уникальный опыт цыганского меньшинства в глобальные и общеевропейские правовые и политические системы.

В 1995 г. Румыния подписала и ратифицировала «Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств Совета Европы». В том же году она подписала «Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств» [4, с. 288-289]. Основной посыл этих документов заключен в том, что на европейском уровне цыгане и венгры в Румынии признавались национальными меньшинствами, что обязывает государство разрабатывать специальные стратегии и программы для улучшения их положения, с соответствующими им привилегиями, такими как закрепление права на использование родного языка. С 2011 года в стране действует модернизированный и соответствующий всем стандартам ЕС и ратифицированным Румынией международным соглашениям Закон об образовании. Закон предусматривает, что лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право на получение образования на родном языке на всех уровнях довузовского образования. Хартия обязывает государства принимать меры для использования языков меньшинств в общественной жизни, а также поощрять участие меньшинств в экономической, социальной и культурной жизни, а также в принятии решений.

Важной вехой для цыган стало вступление Румынии в ЕС в 2007 году. Так, приведение законодательства, включая конституцию, в соответствие с принципами и правом ЕС было ключевым условием для вступления, оно требовало новых и надежных правовых гарантий равенства и защиты меньшинств. С 2004 года фонды ЕС для подготовки к вступлению (PHARE) и стратегические фонды ЕС (IPA) преобразовали большинство цыганских НПО в организации, предоставляющие услуги. Политическая система Румынии сочетает два подхода: равную конкуренцию через партии, преодолевающие порог и гарантированное представительство через резервированные места через организации [5, с. 178-179]. Политическое представительство сохранилось, и по настоящее время партия цыган имеет небольшое количество голосов (ее представляет один депутат парламента). На местном уровне интересы цыган представлены более чем 250 местными советниками и тремя мэрами муниципалитетов. Для представления их интересов была создана организация — Ассоциация избранных на местном уровне цыган, а в государственных учреждениях, согласно анализу, работают более 1200 человек в качестве экспертов по делам рома в округах, экспертов по делам рома на местном уровне и медиаторов по вопросам образования и здравоохранения для рома. Программа медиации для рома началась как проект организации Romani CRISS с целью вовлечения женщин-рома на местном уровне в работу общественных организаций.

Румыния активно участвует в европейских стратегиях по интеграции цыган, реализуемых через неправительственные организации, фокусирующиеся на образовании, здравоохранении, жилье и борьбе с бедностью. Однако её реализация на практике столкнулась с системными трудностями. Несмотря на процесс улучшения положения цыган,

страна всё ещё не может похвастаться ведущим уровнем защиты прав национальных меньшинств. Новой попыткой изменить эту ситуацию стала принятая правительством Румынии в 2022 году Национальная стратегия интеграции рома (2022-2027) [6]. Её ключевым принципом стал лозунг «ничего для рома без участия рома», предполагающий, что любые инициативы будут реализовываться только при активном и добровольном участии самих цыган. Также в национальной стратегии фраза «от разработки до мониторинга» означает, что представители цыганской общины должны быть полноправными партнерами, а не просто объектами помощи, на всех без исключения этапах жизненного цикла любой политики, программы или проекта, их касающихся. Таким образом, правительство преодолевает патернализм, отказываясь от модели «мы знаем, что для вас лучше».

Документ констатирует ограниченный успех предыдущей стратегии (2015–2020) и сохраняющееся глубокое неравенство. Так, цыгане значительно хуже обеспечены жильём: 68% рома живут без водопровода, 79% — без туалета в доме. Неравенство также отмечается в области образования. Наблюдается высокий уровень раннего прекращения учёбы, сегрегация в школах, низкий доступ к высшему образованию, что зависит напрямую от воли самих цыган. Политика вовлечения детей цыган в систему среднего образования сталкивается с сопротивлением со стороны части родителей, особенно в бедных семьях. Как показывают исследования, главная причина — не материальные трудности, а глубокие культурно-поведенческие стереотипы, формируемые внутри замкнутой традиционной среды. Формальное образование в европейских системах строится на иных принципах. Оно способствует изобилию идей, но делает это таким образом, что не обязательно принимает во внимание реальные потребности молодых цыган. Ситуация с образованием цыган во многом схожа с Россией. Помимо формальных препятствий, связанных с регистрацией и бедностью, цыганских детей зачастую помещают в отдельные классы, где качество обучения занижено, а условия (иногда в непригодных помещениях) — унижены. Это, наряду с культурными барьерами и предрассудками в обществе, ведёт к раннему уходу детей из школы. Низкий уровень образования, в свою очередь, закрывает доступ к официальной занятости, способствует бедности и ранним бракам, что лишь усиливает социальную изоляцию.

Несмотря на все внешние воздействия, направленные на защиту прав этого народа, важной проблемой для цыган является их международный образ. Многие успешные политики, врачи, артисты, являющиеся выходцами из цыган, скрывают своё происхождение из-за страха быть осужденным в обществе. Они и их семьи могут стать мишенью для оскорблений, травли в соцсетях и даже реальных угроз. Современный румынский политический класс долгое время винил во всех бедах государства цыган, а после 1989 года политики всех уровней стали систематически использовать образ «ленивого, криминального цыгана» для отвлечения внимания от экономических проблем, коррупции и неудач. Давление настолько велико, что некоторые рома (как политик Мадалин Войку) [7] сами усваивают ненависть общества. Критика и дистанцирование от своей общины становятся способом доказать лояльность «высшему обществу» и обезопасить себя. Это стратегия выживания в условиях постоянной угрозы [8].

Стереотипное представление о цыганах транслирует образ цыган как «нечистых», «неполноценных» или «внутренних врагов», школьная система поощряла заучивание и принятие мнения учителей, которые открыто презирали этот народ. Согласно Национальной стратегии 2022-2027 г. включения румынских граждан, принадлежащих к цыганскому меньшинству, правительство Румынии реализует комплексный и системный подход по искоренению предрассудков в сфере образования. Концепция направлена не только на работу с учащимися, но и на трансформацию образовательной системы и воспитания её работников. В рамках данной концепции выделяются три ключевых направления. Во-первых, это интеграция культуры и истории меньшинства в официальный учебный процесс.

Конкретной мерой является разработка и внедрение факультативной учебной программы по языку, литературе и истории цыган. Эта мера призвана легитимизировать вклад меньшинства в национальное наследие, напрямую оспаривая укоренившийся стереотип о «неисторичности» и чужеродности цыган для румынского общества.

Во-вторых, стратегия предусматривает прямое воспитание толерантности у всех учащихся. Одна из мер обязывает внедрить в школьные программы модули по правам человека, межкультурному диалогу и предотвращению дискриминации. Это направлено на долгосрочную профилактику ксенофобии, формирование у нового поколения критического мышления и уважения к разнообразию. Наиболее системным является третье направление — обучение педагогов и государственных служащих. Предписывается разработка обязательных курсов для учителей, полиции, судей и медиков по борьбе с дискриминацией, антицыганизмом и правам меньшинств. Это признание того, что предрассудки могут воспроизводиться самими институтами, и попытка изменить профессиональное поведение ключевых агентов системы [6].

В концепции Румыния также предлагает способы решения сложившихся проблем: улучшение жилищных условий, обеспечение доступа к качественному инклюзивному образованию, повышение уровня занятости в соответствии с требованиями рынка труда, улучшение состояния здоровья, поддержка исследований и продвижения культурного наследия рома, борьба с дискриминацией, антицыганизмом и преступлениями на почве ненависти. Все это планируется осуществлять на местном, региональном и национальном уровнях. На местном уровне ключевую роль играют мэрии и местные советы, местные эксперты по вопросам рома, школьные и медицинские медиаторы. На региональном уровне функционируют Офисы по делам рома при префектурах. На национальном уровне координацию осуществляет Межминистерский комитет (СИМЕС), а реализацию — Национальное агентство по делам рома (NAR). Важным элементом является участие гражданского общества через Консультативный совет при NAR и местные инициативные группы. Финансирование обеспечивается в основном за счёт национальных программ и государственного бюджета, с привлечением дополнительных средств из европейских фондов в рамках условий ЕС по включению рома, при этом делается акцент на софинансировании на местном уровне. Система мониторинга и оценки включает регулярную отчётность через СИМЕС, ежегодные обзоры стратегии, а также среднесрочную и итоговую внешнюю оценку с учётом рекомендаций ЕС и международных организаций.

Несмотря на создание в Румынии антидискриминационного законодательства, реальная интеграция и защита прав цыганской общины остаются нерешённой системной проблемой, которая требует и импульса «снизу». Достижения в сфере формальных гарантий (конституционные нормы, избирательные квоты) контрастируют с глубокой социально-экономической маргинализацией, дискриминацией в образовании и низкой политической эффективностью их представительства. Есть разрыв между правом и практикой, хотя Румыния ратифицировала ключевые европейские конвенции и закрепила права меньшинств в Конституции (поправки 2003 г.), их реализация сталкивается с сопротивлением политики "орумынивания". Помимо этого, избирательная система с резервированными местами гарантирует ромам лишь символическое присутствие в парламенте, но не даёт политического веса. В то же время низкая самооценка цыган в силу исторически сложившихся обстоятельств подрывают доверие к их собственным инициативам. Порочный круг маргинализации, где проблемы взаимосвязаны — дискриминация в образовании порождает низкую квалификацию и наоборот. Государственные стратегии пока не способны разорвать этот круг. Таким образом, Румыния, несмотря на совершенствование правовых норм, ещё не преодолела глубокий структурный кризис интеграции одного из крупнейших меньшинств. Успехи носят точечный характер, а системные изменения требуют не только законов, но и преодоления укоренившихся предрассудков в обществе и реальной политической воли.

Библиографический список

1. Roma Civil Rights movements // RomArchive. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.romarchive.eu/en/roma-civil-rights-movement/roma-movement-romania/> (дата обращения 09.11.2025).
2. Конституция Румынии // RomanianPass. [Электронный ресурс]. URL: <https://romanianpass.com/konstitutsiya-rumynii/> (дата обращения 09.11.2025).
3. О мерах по борьбе с проявлением ненависти и насилия в отношении цыган: закон Румынии № 217/2020 // Гражданская нация. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ru.civic-nation.org/rumyniya/vlast/zakonodatelstvo/antidiskriminatsionnoe_zakonodatelstvo/.
4. Биткова Т.Г. Этническое разнообразие Румынии: проблемы венгерской и цыганской диаспор / Т.Г. Биткова // Актуальные проблемы Европы. – 2024. № 3. – С. 285-303.
5. Шапиев С.М. Сравнительно-правовой обзор обеспечения представительства национальных меньшинств в парламентах зарубежных государств / С.М. Шапиев, А.С. Шапиев // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 1. – С. 172-184.
6. Strategy of the romanian government on inclusion of romanian citizens belonging to the Roma minority for the period 2022 to 2027. // European Commission. [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/document/download/d6eacde7-c02e-4ec5-88e8-e35727b1032a_en?filename=1_1romania_national_roma_strategic_framework_2022_2027.pdf (дата обращения 10.11.2025).
7. Nicolae V. Being a "Gypsy": The Worst Social Stigma in Romania / V. Nicolae, Slavik H. // European Roma Rights Center. – 2003. – 10.05. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.errc.org/roma-rights-journal/being-a-gypsy-the-worst-social-stigma-in-romania> (дата обращения 09.11.2025).

*Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
А.В. Погорельский
Россия, г. Воронеж,
e-mail: pogorelsky@mail.ru
Администрация Задонского муниципального района
Липецкой области РФ
кандидат экономических наук, глава администрации
А.И. Щедров
Россия, г. Задонск
e-mail: shchedrov@mail.ru*

*Voronezh State University
PHD in History, Associate Professor of the Chair of
Regional Studies and Foreign Countries Economies
A.V. Pogorelsky
Russia, Voronezh,
e-mail: pogorelsky@mail.ru
Administration of the Zadonsk Municipal District of the
Lipetsk Region of the Russian Federation
PhD in Economics, Head of Administration
A.I. Shchedrov
Russia, Zadonsk
e-mail: shchedrov@mail.ru*

А.В. Погорельский, А.И. Щедров

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РЕШЕНИЯ «ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА» И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ситуация вокруг Тайваня является одним из центральных и наиболее сложных элементов современного стратегического ландшафта Восточной Азии, оказывающим многоплановое воздействие на конфигурацию региональной безопасности, функционирование международных режимов и архитектуру глобального соперничества между ведущими державами. Тайваньский вопрос давно вышел за рамки исключительно китайско-тайваньских отношений и трансформировался в проблему международного масштаба, непосредственно затрагивающую интересы США, Японии, Южной Кореи, стран АСЕАН и других ключевых акторов Индо-Тихоокеанского региона.

По мнению авторов, в краткосрочной перспективе наиболее реалистичным сценарием остаётся сохранение нестабильного статус-кво, при котором продолжается рост напряжённости, как в дипломатической, так и в военной сферах, но при этом избегается прямое столкновение или запуск официального переговорного процесса. Переход к более устойчивым и институционализированным формам урегулирования потребует радикального пересмотра стратегий ключевых международных акторов и формирования новых механизмов по обеспечению баланса интересов стран региона. Только при наличии политической воли и дипломатической гибкости со стороны всех участников конфликта, возможно постепенное движение к мирному и долговременному решению проблемы.

Ключевые слова: «Тайваньский вопрос», сценарии решения, региональная безопасность, Китайская народная республика, внешние акторы, Восточная Азия.

A.V. Pogorelsky, A.I. Shchedrov

POSSIBLE SCENARIOS FOR RESOLVING THE "TAIWAN QUESTION" AND THEIR IMPACT ON REGIONAL SECURITY IN EAST ASIA

The situation surrounding Taiwan is one of the central and most complex elements of the contemporary strategic landscape of East Asia, exerting a multifaceted impact on the configuration of regional security, the functioning of international regimes, and the architecture of global rivalry between leading powers. The Taiwan question has long since transcended the confines of purely Sino-Taiwanese relations and has transformed into an international issue directly affecting the interests of the United States, Japan, South Korea, ASEAN countries, and other key players in the Indo-Pacific region.

According to the authors, the most realistic short-term scenario remains maintaining an unstable status quo, with tensions continuing to escalate in both diplomatic and military spheres, while avoiding direct confrontation or the launch of a formal negotiation process. A transition to more sustainable and institutionalized forms of resolution will require a radical revision of the strategies of key international actors and the development of new mechanisms to balance the interests of countries in the region. Only with political will and diplomatic flexibility on the part of all parties to the conflict will gradual progress toward a peaceful and lasting solution be possible.

Key words: "Taiwan question," resolution scenarios, regional security, People's Republic of China, external actors, East Asia.

Ситуация вокруг Тайваня является одним из центральных и наиболее сложных элементов современного стратегического ландшафта Восточной Азии, оказывающим многоплановое воздействие на конфигурацию региональной безопасности, функционирование международных режимов и архитектуру глобального соперничества между ведущими державами. Тайваньский вопрос давно вышел за рамки исключительно китайско-тайваньских отношений и трансформировался в проблему международного масштаба, непосредственно затрагивающую интересы США, Японии, Южной Кореи, стран АСЕАН и других ключевых акторов Индо-Тихоокеанского региона. Его значение многократно возросло на фоне растущей напряжённости между Китайской Народной Республикой и Западом, особенно в условиях углубляющегося технологического соперничества и геополитической поляризации мировой системы.

Возрастающая конфликтогенность региона обусловлена не только стремлением Китая к «воссоединению с Тайванем» как к завершающему этапу процесса национального возрождения, но и тем, что остров обладает значительным экономическим и технологическим капиталом. В условиях обострения американо-китайского соперничества Тайвань становится своеобразным геополитическим узлом, в котором пересекаются интересы крупных игроков, и где переплетение вопросов национального суверенитета, международного права, стратегического сдерживания и экономической безопасности достигает своей наивысшей степени. Статус острова, его политическое будущее и контуры возможного разрешения конфликта становятся определяющими факторами для всей восточноазиатской региональной системы.

В таких условиях важно не только понимать текущую расстановку сил, но и оценивать вероятные направления эволюции конфликта. Анализ возможных сценариев развития тайваньского вопроса позволяет не только просчитать возможные траектории военно-политической конфронтации, но и определить ключевые риски для региональной и международной стабильности.

Прежде всего, следует начать со сценария сохранения статус-кво, который в тайваньском вопросе представляет собой наиболее продолжительную и, на первый взгляд, устойчивую форму сосуществования между материковым Китаем и Тайванем, сложившуюся после нормализации китайско-американских отношений в конце 1970-х годов. В рамках данной конфигурации Тайвань сохраняет фактическую автономию, поддерживает широкий спектр международных экономических, культурных и технологических связей, но формально не заявляет о своей независимости как о юридически закреплённой цели. В то же время Китайская Народная Республика продолжает настаивать на своём суверенитете над островом, проводит активную политику дипломатической изоляции Тайбэя и последовательно отказывается от признания его международной субъектности, однако воздерживается от немедленного применения силы. В таком виде статус-кво сохранялся в течение нескольких десятилетий, обеспечивая относительную стабильность и снижая риск масштабной военной конфронтации.

Долговременность данного сценария объясняется его относительной выгодностью для всех ключевых участников. Для Тайваня он позволял сохранять политическую независимость в фактическом измерении, развивать экономику и формировать собственную демократическую систему, не вступая при этом в прямое противостояние с КНР. Для Пекина такой статус-кво создавал возможность отложить силовое решение конфликта, одновременно поддерживая давление через дипломатические, экономические и информационные каналы. США, в свою очередь, на протяжении многих лет применяли политику «стратегической неопределённости», заключающуюся в поддержке обороноспособности Тайваня и параллельном признании существования одного Китая. Такая

позиция позволяла Вашингтону сохранять влияние в регионе, не доводя ситуацию до прямого конфликта с Пекином.

Однако несмотря на кажущуюся стабильность, статус-кво не является статичным состоянием, и его внутренняя структура подвергается постоянной трансформации под воздействием политических, социокультурных и международных факторов. Особенно ощутимо эти изменения стали проявляться в XXI веке, когда на Тайване усилились процессы формирования самостоятельной национальной идентичности, а во внешнеполитическом контексте усилилось противостояние между США и Китаем. На внутреннем уровне заметным стало устойчивое снижение популярности идеи объединения с КНР: согласно серийным опросам Национального университета Чэнчжи (NCCU), доля жителей Тайваня, идентифицирующих себя исключительно как «тайваньцев», постоянно превышает 50 %. Например, в июне 2024 года 64,3 % респондентов выбрали только эту идентичность, тогда как доля тех, кто считает себя только китайцем, составляла всего 2,6 %, а смешанную идентичность («и тайваньцы, и китайцы») — 29,9 %[1]. При этом среди молодых людей (до 35 лет) процент самосознания как «исключительно тайваньцы» ещё выше — по данным Pew Research, их оказалось 83 % в 2023 году. Аналогичные исследования CommonWealth Magazine в 2018 году показывают, что среди лиц 20–29 лет этот показатель находился в диапазоне 72,6 %, а в возрастной группе 30–39 лет — 59 %[2]. Таким образом, можно уверенно констатировать, что большинство населения Тайваня и особенно молодёжи отождествляют себя исключительно как тайваньцы, что отражает устойчивый сдвиг идентичности в массовом сознании.

Одновременно с этим политическая элита Тайваня, особенно в лице Демократической прогрессивной партии, всё активнее использует риторику о защите демократических ценностей и политической самостоятельности, что воспринимается Пекином как «ползучая сепаратизация»[3]. Даже при отказе от формального провозглашения независимости, постепенное отдаление от материка в идеологическом, правовом и культурном измерениях формирует устойчивое ощущение необратимости процесса отделения. В результате Китай рассматривает происходящее как медленную утрату влияния, на которую требуется ответ — пусть и не немедленно военный, но системно сдерживающий. В то же время в военных кругах КНР все чаще обсуждаются теоретические схемы «превентивного урегулирования», если политический курс Тайбэя пересечет одну из китайских «красных линий».

Сценарий сохранения статус-кво уже сегодня несет в себе значительные вызовы для стабильности региона. Тайванский вопрос в условиях сохранения статус-кво создает зону постоянной напряженности, в которой периодически проводятся военные провокации, масштабные учения и кибератаки. Устойчивость статус-кво все больше зависит от способности контролировать непреднамеренную эскалацию, поскольку любой случайной инцидент, в виду отсутствия надежного механизма кризисной деэскалации, в зоне повышенной напряженности может привести к неконтролируемому кризису. Понимание масштабов потенциальной угрозы стало основанием для договоренности, достигнутой 31 мая 2024 года, о возобновлении диалога между министрами обороны США и Китая, а также о создании канала связи для предотвращения кризисных ситуаций[4].

В свою очередь, для остальных стран региона, таких как Япония, Южная Корея, Филиппины, Вьетнам, Малайзия и других, статус-кво означает необходимость обеспечения балансировки между экономическими интересами в отношениях с КНР и необходимость обеспечения национальной безопасности в условиях растущего давления со стороны Пекина. Усиление китайского военного и экономического присутствия в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского моря, влечет за собой демонстрацию силы вокруг Тайваня, вынуждающую соседние государства к переосмыслению своих оборонных стратегий. Все это ведет к увеличению степени милитаризации региона и увеличению вероятности конфликта из-за недостаточности взаимного доверия.

В условиях сохранения статус-кво также нарастают риски последствий вытеснения США из региона в случае, если Вашингтон не сможет обеспечить безопасность своих

союзников или своевременно отреагировать на действия Китая. Подобный исход спровоцировал бы переоценку гарантий безопасности не только в Тайване, но и в Японии, Южной Корее, Австралии, что подтолкнуло бы эти страны к развитию оборонных и наступательных систем. Это, в свою очередь, привело бы к подрыву системы контроля над вооружениями и ускорению гонки вооружений в одном из наиболее динамично развивающихся регионов планеты. Даже при отсутствии внешнего военного конфликта текущая логика сдерживания уже сегодня приводит к фрагментации региональных экономических связей. Предприятия, поставщики, инвестиционные корпорации, обеспокоенные геополитическими рисками, начинают перераспределять цепочки поставок, уменьшая зависимость от КНР и Тайваня и диверсифицируя производство в Индии, Японии, Австралии, а также возвращая некоторые мощности в США и Европу.

В конечном счёте, сценарий сохранения статус-кво между Китаем и Тайванем выступает скорее, как временное стратегическое уравнивание, чем устойчивое решение фундаментальных противоречий. Такое положение удерживает баланс сил, однако не разрешает ни одного из фундаментальных вопросов: оно не отвечает на территориальные претензии Пекина, не учитывает устремлений значительной части тайваньского общества к международному признанию, и не решает напряжённость между США и КНР. Без политической воли к диалогу, направленной на институциональное оформление, экономическое урегулирование и взаимное признание реальности, данный сценарий рискует трансформироваться в зону, чреватую циклическими вспышками напряжённости и неконтролируемой эскалацией[5].

Следующим из ключевых сценариев развития ситуации вокруг Тайваня является вариант мирного воссоединения с материковым Китаем. Он официально рассматривается руководством Китайской Народной Республики как предпочтительный и приоритетный вариант разрешения тайваньского вопроса. На протяжении нескольких десятилетий Пекин продвигает идею о том, что объединение с Тайванем возможно без применения военной силы, путём переговоров и достижения политического компромисса, при котором Тайвань формально признаёт суверенитет КНР, но сохраняет внутреннюю автономию, включая собственную экономику, правовую систему и даже вооружённые силы. В основе данной концепции лежит модель «одна страна — две системы», впервые предложенная Дэн Сяопином в 1980-х годах, и применённая позднее к Гонконгу и Макао как образец «гибкого воссоединения».

На теоретическом уровне эта модель предусматривала значительные уступки со стороны Пекина в обмен на признание его суверенитета. В публичной риторике китайских властей объединение с Тайванем рассматривается как завершение исторической миссии, исправление последствий столетия национального унижения и символ окончательного укрепления китайской государственности. Белые книги Госсовета КНР, особенно документы 1993, 2000 и 2022 годов, неоднократно подчёркивают, что воссоединение должно быть достигнуто мирным путём, и описывают условия, при которых Тайвань может сохранить высокий уровень внутренней автономии. Эти документы обращаются не только к юридическим и политическим аргументам, но и к историческим и культурным нарративам, стремясь доказать неотделимость Тайваня от материка.

Внутри китайской политической системы идея мирного объединения занимает устойчивое место, формируя важный элемент легитимационного дискурса Коммунистической партии Китая. Успешное решение тайваньской проблемы мирным способом рассматривалось бы как выдающееся достижение китайской дипломатии и доказательство превосходства китайской политической модели над западной. Более того, воссоединение с Тайванем рассматривается в стратегических документах КНР как необходимое условие завершения процесса «великого национального возрождения» — ключевой политической цели, выдвинутой Си Цзиньпином в его долгосрочной программе до 2049 года. В этом контексте мирное объединение не просто представляется как вариант, но

как идеал, имеющий как практическое, так и символическое значение для внутренней и внешней политики Китая.

Тем не менее, несмотря на официальные декларации, реализация сценария мирного объединения сталкивается с множеством непреодолимых препятствий. В современной геополитической и внутривосточной реальности Тайваня существует целый ряд факторов, которые делают согласие на подобное объединение практически невозможным. Одним из главных барьеров является изменение общественного сознания на острове, укрепление чувства отдельной тайваньской идентичности и стремление к сохранению демократической системы управления. Согласно опросам, большинство населения Тайваня последовательно отвергает модель «одна страна — две системы», ассоциируя её с утратой свобод, ограничением прав и потенциальной угрозой авторитарного давления со стороны Пекина. Особенно сильно эти настроения выражены среди молодёжи, выросшей в условиях демократического политического строя и воспринимающей Китай как чуждую систему.

Дополнительным фактором, подрывающим возможность мирного объединения, стали события в Гонконге в 2019–2020 годах, когда масштабные протесты против закона о национальной безопасности были жёстко подавлены центральными властями КНР. Эти события стали поворотным моментом в восприятии тайваньским обществом модели «одна страна — две системы». Для многих жителей острова Гонконг стал наглядной иллюстрацией того, как Пекин обращается с обещаниями автономии, прав и свобод. В результате идея объединения, пусть даже в форме политической конфедерации, утратила всякое доверие у большинства политического истеблишмента и населения Тайваня, превратившись из предмета обсуждения в политически токсичную тему[6].

Кроме того, тайваньская политическая система, основанная на принципах либеральной демократии, многопартийности, свободе слова и независимости судебной власти, принципиально несовместима с централизованной и однопартийной моделью китайского управления. Это означает, что любая угроза интеграции без коренных реформ вплоть до окончательного принятия китайской политической модели неизбежно будет воспринята как вызов суверенитету Тайваня и основам его демократического устройства. Даже умеренно настроенные силы на Тайване, такие как оппозиционная партия Гоминьдан, предпочитают отстаивать курс на поддержание экономических связей с материком без политических уступок. Правящая Демократическая прогрессивная партия (ДПП) ещё более категорична: она публично отвергает любую форму политического объединения и, в частности, дважды отметилась заявлением, что «не может принять» концепцию «одна страна — две системы» и не будет рассматривать её как возможную опцию. В частности, в 2019 году президент Цай Инвэнь провела национальную встречу по безопасности, прямо обозначив намеченную модель как угрозу для тайваньской демократии[7].

Не менее важно отметить и международный контекст, который делает сценарий мирного объединения крайне затруднительным. В современных условиях любое движение в сторону политического сближения с Пекином будет рассматриваться в США и других западных странах как уступка авторитарной модели, подрывающая региональный баланс сил. Тайвань всё более интегрируется в неформальные альянсы, развивает оборонное сотрудничество с США и Японией, укрепляет связи с европейскими государствами. Таким образом, процесс политического сближения с КНР окажется невозможным без одновременного стратегического разрыва с западными партнёрами, что нанесло бы серьёзный ущерб не только безопасности, но и экономическому положению Тайваня.

В совокупности всё это делает сценарий мирного объединения крайне маловероятным в среднесрочной перспективе. Он может сохраняться лишь как элемент официальной риторики Пекина, не имеющий реальных оснований для реализации. В то же время сохранение иллюзии о возможности мирного воссоединения может быть использовано китайской стороной как инструмент пропаганды и дипломатического давления, направленного на легитимацию собственных политических позиций и делегитимацию любых форм тайваньской самостоятельности. Однако с практической точки зрения,

вероятность подобного исхода остаётся чрезвычайно низкой без кардинальных изменений политической ситуации на самом Тайване, в КНР или в системе международных отношений в целом.

Сценарий мирового объединения Тайваня с материковым Китаем, несмотря на крайне малую вероятность развития в современных условиях, в теоретическом плане может оказать масштабное влияние на ситуацию в Восточной Азии и в более широком смысле — на глобальную архитектуру власти. Прежде всего, подобные события будут приняты как знаки геополитической победы КНР, символизирующие успешное завершение проекта «национального возрождения» и восстановления территориального единства страны. Это укрепит позицию Пекина в качестве державы, способной добиться долгосрочных стратегических целей без применения военной силы, одновременно подтверждая эффективность его политической модели в глазах глобального Юга.

Однако для стран, ориентированных на западные ценности, объединение будет воспринято как разрушение демократии и независимости самоопределения, политической свободы и прав человека. В случае, если объединение произойдет с сохранением формальной автономии Тайвани, но под реальным контролем Пекина, оно может стать прецедентом для аналогичных политико-территориальных конфигураций в других регионах, особенно в условиях нарастания ревизионистских настроений в международной политике. Более того, Пекин сможет сослаться на мирное воссоединение с Тайванем, чтобы оспорить влияние США и укрепить своё присутствие в главных международных институтах — от ООН до Всемирной торговой организации и прочих форумов глобального управления.

Успех мирного воссоединения Китая и Тайваня означал бы глубокую трансформацию архитектуры региональной безопасности в Восточной Азии. Во-первых, он устранил бы один из самых значимых очагов напряжённости, что позволило бы снизить темпы милитаризации прибрежных зон и перераспределить оборонные ресурсы государств региона на борьбу с новыми вызовами – киберугрозами, терроризмом и гуманитарными кризисами. Во-вторых, формирование единой политико-правовой структуры создало бы основу для разработки общих договорённостей о порядке нахождения иностранных военных баз и развертывания сил, исключив двусмысленные «серые зоны» и минимизировав риск непреднамеренного инцидента. В-третьих, экономическая интеграция, ставшая следствием мирного объединения, усилила бы взаимозависимость Китая, Тайваня и соседних государств, что в свою очередь повысило бы заинтересованность этих акторов в сохранении стабильности и стимулировало многовекторное сотрудничество в рамках многосторонних форматов. Наконец, успешная интеграция Тайваня стала бы важным прецедентом разрешения территориальных споров в Азиатско-Тихоокеанском регионе, показав жизнеспособность мирных и дипломатических механизмов урегулирования. Таким образом, мирное воссоединение могло бы заложить фундамент для более устойчивой, предсказуемой и взаимовыгодной системы региональной безопасности.

Однако успех мирного воссоединения Китая и Тайваня одновременно породил бы новую нестабильность, так как некоторые региональные и глобальные акторы восприняли бы этот триумф Пекина как усиление его гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В Японии и Южной Корее это могло бы спровоцировать пересмотр оборонных доктрин, увеличение военных расходов и активизацию поисков надёжных гарантий безопасности со стороны США. Страны АСЕАН, особенно те, что традиционно балансировали между Пекином и Вашингтоном, могли бы опасаться потери самостоятельности в принятии внешнеполитических решений и усиления зависимости от китайских экономических рычагов. США и их союзники, восприняли бы мирное воссоединение как стратегическое укрепление КНР и, вероятно, усилили бы свое военное и дипломатическое присутствие в регионе, пытаясь компенсировать сокращение зоны неопределённости, ранее служившей сдерживающим фактором. Это могло бы привести к новой гонке вооружений и формированию «усиленных зон соприкосновения», где каждое крупное учение или

развёртывание баз рассматривалось бы как проявление растущей враждебности, что в конечном счёте не только не сняло бы всех рисков, но и создало бы дополнительные очаги напряжённости в той же системе региональной безопасности.

Наконец, среди возможных сценариев следует выделить использование военной силы для принудительного воссоединения с Тайванем. Этот вариант является наименее приемлемым и гарантированно приведёт к катастрофическим последствиям, затрагивающим не только двусторонние отношения между КНР и Тайванем, но и всю систему международной безопасности.

В 2005 году Всекитайским собранием народных представителей был принят «Закон о противодействии расколу государства», который впервые придал применению военной силы правовую основу в вопросе тайваньского воссоединения. Согласно этому закону, Пекин сохраняет за собой право использовать «немирные средства», если все мирные пути объединения окажутся исчерпанными или действия Тайваня будут квалифицированы как посягательство на суверенитет КНР. Данный нормативный акт устанавливает юридические рамки для возможного военного вмешательства, определяя обстоятельства и процедуры, при которых применение силы становится законно. В условиях усиливающейся идеологической мобилизации и акцентирования политики «национального возрождения» к юбилею основания КНР в 2049 году силовой сценарий всё чаще упоминается не только в скрытых стратегических документах, но и в официальных дискуссиях китайского руководства. Китайские военные эксперты рассматривают несколько ключевых сценариев силового давления на Тайвань, объединённых общей целью быстрой нейтрализации оборонного потенциала острова и принуждения к переговорам[8].

Первый из них предполагает установление контролируемой воздушно-морской блокады, которая изолирует Тайвань и ограничит его экономические связи, что создаст дополнительное политическое давление на руководство острова. Об этом свидетельствуют недавние учения НОАК, такие как Joint Sword-2024, в ходе которых отрабатывались задачи по навигационному блокированию, ограничению доступа и нанесению ударов по портам и районам вокруг острова, а также учения Strait Thunder-2025A, которые включали симуляцию блокадных действий, перехват судов и отключение энергетической инфраструктуры[9].

Второй сценарий предусматривает проведение точечных ударов по критически важным объектам, с целью подорвать способность Тайваня к координации оборонительных действий. На практике эта стратегия была частично апробирована в ходе учений НОАК в 2023 и 2024 годах, где отрабатывались симуляции атак на стратегические объекты Тайваня, включая президентскую резиденцию, военные штабы, логистические узлы и аэродромы. Официальные государственные СМИ КНР охарактеризовали эти действия как демонстрацию способности быстро и эффективно нейтрализовать "сепаратистские силы" без необходимости развёртывания полномасштабных операций. Стратегическая привлекательность точечных ударов для Пекина заключается в их способности обеспечить эффект внезапности, ограничить международную реакцию и вынудить Тайбэй к переговорам под давлением, не прибегая к полномасштабной войне с США и их союзниками.

Третий, наиболее масштабный, вариант — амфибийная операция, направленная на захват ключевых прибрежных территорий и установление внешнего контроля над островом. Исследование Naval War College / China Maritime Studies Institute подтверждает, что НОАК постоянно проводит тренировки крупномасштабных амфибийных десантов, включая постройку специализированных барж (Shuiqiao) с когтями, способных обойти укрепления Тайваня[10]. Хотя географические и оборонительные особенности самого острова существенно осложняют такие операции, КНР активно готовится, массово отрабатывая совместные учения с применением десантных войск, ВВС, ракетных войск и береговой артиллерии.

Во всех этих моделях активно задействуются кибероперации и кампании дезинформации, призванные дестабилизировать управление, посеять раздор в обществе и усложнить ответную реакцию обороняющихся. При этом внимание уделяется как подрыву

критической инфраструктуры, включая системы электроснабжения, телекоммуникации и гражданские базы данных, так и манипуляции общественным восприятием через скоординированное внедрение дезинформации, направленной на разжигание паники, дискредитацию властей и снижение боевого духа. С помощью прокси-сетей и анонимных цифровых каналов распространяются нарративы о поражении, капитуляции или внутренних предательствах, что должно дезорганизовать как командование, так и население. Эти действия синхронизируются с военными операциями, усиливая эффект внезапности и подрывая способность Тайваня к слаженному сопротивлению в первые критические часы конфликта.

На фоне разработки возможных сценариев эскалации, Китайская Народная Республика активно, на протяжении последних двадцати лет, осуществляет масштабную модернизацию Народно-освободительной армии, придавая особое значение возможностям ведения операций в прибрежных и воздушных пространствах вокруг Тайваня. В основе этих преобразований лежит концепция «двойного вытеснения», предусматривающая одновременное выдавливание военно-морских сил противника из зоны потенциального конфликта и нанесение парализующих ударов по системе обороны острова[11]. Для реализации этой стратегии Пекин значительно расширил флот десантных судов, развивает гиперзвуковое вооружение и создаёт специализированные соединения, способные проводить длительные наступательные операции. Параллельно проводятся комплексные межвидовые учения, отрабатывающие координацию морских, воздушных и сухопутных сил в условиях захвата прибрежных территорий, что подтверждает готовность НОАК к быстрому и многосекторному применению силы.

Так или иначе, прямое военное вторжение Народно-освободительной армии Китая на Тайвань стало бы беспрецедентным событием, способным вызвать каскад взаимосвязанных кризисов, последствия которых охватят все аспекты жизни в регионе и далеко за его пределами. С гуманитарной точки зрения такие боевые действия неизбежно приведут к массовым жертвам среди мирного населения, а разрушение жилых кварталов и ликвидация критически важной инфраструктуры (больниц, систем электроснабжения, водоснабжения и связи) спровоцируют гуманитарный кризис беспрецедентных масштабов. Миллионы беженцев устремятся в ближайшие страны и потребуют экстренной международной помощи, создавая нагрузку на экономику и социальные системы принимающих стран.

Экономические последствия будут столь же катастрофическими. Тайвань производит более 60% мировых полупроводников и любые перебои в их производстве приведут к мгновенному дефициту чипов в автомобилестроении, телекоммуникациях, бытовой электронике, дата-центрах и оборонной промышленности. Глобальные цепочки поставок, уже пошатнувшиеся в ходе пандемии, развалятся под тяжестью блокад, разрушения заводов и страха инвесторов, что вызовет резкое удорожание технологий и спад в развитых экономиках. Исследование IEP (Institute for Economics and Peace) показывает, что даже сценарий морской блокады может обойтись мировой экономике в \$2,7 трлн. в год, тогда как полномасштабный военный конфликт способен снизить мировой ВВП на 10% или около \$10 трлн.[12]. Аналогичные выводы содержатся в отчётах Федерального резерва Сент-Луиса (Fed St. Louis Review), указывающих на масштабные торговые, банковские и фискальные потрясения от возможного конфликта [13]. Международные финансовые рынки, по традиции, реагирующие на геополитические потрясения, переживут обвальные распродажи активов, падение фондовых индексов и резкое укрепление золота, что вызовет ликвидный кризис в кредитных и страховых секторах.

На политико-дипломатическом уровне прямой военный конфликт спровоцировал бы глубокую переоценку существующих альянсов и международных договорённостей. Во-первых, такие государства, как Япония и Южная Корея, столкнутся с усилением дебатов о своей безопасности. Уже в 2022 году в Японии обсуждалась возможность пересмотра политики отказа от ядерного оружия и рассмотрения развития «ядерной программы как

средства сдерживания»[14]. Южная Корея в аналогичных условиях, учитывая свои территориальные и геополитические вызовы, также может инициировать дискуссию о изменении ядерной доктрины, особенно в свете растущей угрозы КНДР. Во-вторых, Соединённые Штаты и страны диалога Quad (Япония, Австралия, Индия) наверняка ответят на агрессию путём усиления военного присутствия в регионе. Уже сейчас обсуждаются шаги по формализации стратегических рамок сотрудничества — от расширенных учений до объединённых командных структур[15]. Это неизбежно приведёт к новой гонке вооружений и формированию твёрдых «линий соприкосновения», повышая риск эскалации даже в периоды дипломатической напряжённости.

На уровне глобальных институтов это событие стало бы серьёзным вызовом для многосторонней архитектуры. ООН и её ключевые органы будут поставлены перед дилеммой: вмешаться или ограничиться риторикой, что подрвёт их легитимность как механизмов мирного урегулирования. ООН и другие институты международного регулирования также окажутся недееспособны в условиях признания силы как основной политической реальности. Это может запустить цепную реакцию кризисов от дипломатических расколов до торговых санкций, которые еще больше нарушат международную стабильность.

Наличие ядерного арсенала у Китая и потенциальная неопределённость американской «ядерной гарантии» Тайваня также создают риск ядерной эскалации, даже если обе стороны будут стремиться избежать прямого ядерного обмена.

Таким образом, прямое вторжение Китая на Тайвань означало бы не просто региональный конфликт, а цепную реакцию гуманитарных катастроф, экономического коллапса и военной нестабильности, которая подрвала бы архитектуру международной безопасности и продемонстрировала пределы действующих механизмов предотвращения войн. При этом даже при достижении тактического успеха в военной операции Китай столкнётся с масштабными международными санкциями, экономическим бойкотом и дипломатической изоляцией, что может привести к глубокому внутреннему экономическому кризису и усилению социальных противоречий.

Рассмотрение сценариев развития тайваньской проблемы неизбежно приводит к вопросу о возможностях её мирного урегулирования в XXI веке. На этот процесс влияет сочетание экономических интересов, правовых норм и стратегических расчетов. Пекин по-прежнему считает Тайвань частью единого китайского государства, тогда как значительная часть населения острова и его политическая элита настаивает на праве на самоопределение и сохранении де-факто независимости. Эти фундаментальные разногласия подкрепляются различиями в экономической политике, идеологических установках и уровне взаимного доверия между двумя сторонами. Дополнительную сложность вносит активное участие внешних акторов — в первую очередь США и их региональных союзников, что превращает тайваньский вопрос в ключевой элемент глобальной архитектуры безопасности.

Один из возможных вариантов разрешения тайваньского вопроса основан на институционализации статус-кво, то есть признании и закреплении текущего положения без формального урегулирования вопроса о суверенитете. Подобный механизм уже частично применялся в период с 2008 по 2016 год, когда между материковым Китаем и Тайванем при администрации партии Гоминьдан был выстроен конструктивный диалог, приведший к заключению ряда практических соглашений в сферах транспорта, образования, туризма и торговли. В этом формате стороны сознательно избегали острых политических формулировок, сосредоточившись на укреплении деловых и гуманитарных связей. Такая тактика способствовала снижению политической напряженности и укреплению взаимной экономической зависимости. Прецедент доказывает, что даже при наличии глубинных противоречий по вопросам национального статуса и символов государственности возможно формирование устойчивых и прагматичных форм взаимодействия, если они не затрагивают наиболее чувствительные элементы идентичности и международного признания.

Альтернативным направлением урегулирования может стать выработка компромиссной модели сосуществования, при которой обе стороны сохраняют свои политические и экономические системы, а также международные связи, не отказываясь при этом от базовых позиций относительно суверенитета. В академической среде подобный подход часто описывается как концепция «разделённого суверенитета» или взаимного признания статус-кво, когда стороны де-факто договариваются о границах своей ответственности и взаимодействия, при этом избегая юридически окончательных решений о статусе. Такая схема предполагает значительную гибкость в дипломатии, наличие устойчивых экономических связей и участие нейтральных посредников, способных обеспечить баланс интересов. Тем не менее, реализация этого сценария сталкивается с серьёзными препятствиями. Пекин последовательно отвергает любую модель, подразумевающую международное признание Тайваня как субъекта, отдельного от КНР, а внутренние политические условия на обоих берегах Тайваньского пролива не способствуют достижению компромисса. Любые уступки со стороны политиков воспринимаются как предательство национальных интересов и могут вызвать острую негативную реакцию общественности.

Перспективы урегулирования тайваньского вопроса могут быть также рассмотрены в контексте более широкой региональной стратегии по обеспечению безопасности в Восточной Азии. Такой подход предполагает отказ от односторонних решений и насильственного давления в пользу комплексного дипломатического процесса с участием международных организаций, ключевых государств региона и нейтральных посредников. Тайваньская проблема в этом случае перестаёт рассматриваться как изолированный конфликт и становится элементом многосторонней архитектуры безопасности, включающей в себя инициативы по контролю над вооружениями, предотвращению кризисов и построению доверия. В рамках подобной стратегии может быть выработан набор мер, направленных на постепенное сближение позиций сторон, снижение уровня угроз и формирование устойчивых каналов политического взаимодействия. Однако реализация этой модели требует продолжительного времени, высокого уровня дипломатической гибкости и политической зрелости участников. На практике процесс затрудняется существующим стратегическим соперничеством между КНР и США, а также усиливающимся национализмом, что делает старт подобных переговоров в среднесрочной перспективе маловероятным.

Не менее важным фактором остаётся общественное мнение на самом Тайване. Демократический характер политической системы острова обязывает власти учитывать волю избирателей, среди которых всё большее число граждан выступают за сохранение текущего статус-кво или за движение к формальной независимости. Особенно заметна эта тенденция среди молодого поколения, воспринимающего КНР не как культурно-близкую страну, а как источник угрозы. Это означает, что даже при наличии дипломатической договорённости между Пекином и Тайбэем, ее реализация будет невозможна без широкой общественной поддержки. Следовательно, устойчивое разрешение конфликта невозможно без согласия всех заинтересованных сторон, включая население Тайваня, и предполагает длительный процесс формирования взаимного доверия, институциональной устойчивости и снижения рисков конфронтации.

Урегулирование тайваньского вопроса в XXI веке, вероятнее всего, будет зависеть от сложного взаимодействия внешнеполитических обстоятельств, внутренних трансформаций в экономических и политических системах на обеих сторонах Тайваньского пролива, а также от общего состояния региональной и глобальной архитектуры безопасности.

В краткосрочной перспективе наиболее реалистичным сценарием остаётся сохранение нестабильного статус-кво, при котором продолжается рост напряжённости, как в дипломатической, так и в военной сферах, но при этом избегается прямое столкновение или запуск официального переговорного процесса. Переход к более устойчивым и

институционализированным формам урегулирования потребует радикального пересмотра стратегий ключевых международных акторов и формирования новых механизмов по обеспечению баланса интересов стран региона. Только при наличии политической воли и дипломатической гибкости со стороны всех участников конфликта, возможно постепенное движение к мирному и долговременному решению проблемы.

Библиографический список

1. An Identity in Flux // Taipei Times. Philip Tsien. 03.07.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.taipeitimes.com/News/feat/archives/2018/07/03/2003695978>(дата обращения: 20.01.2026).
2. For Taiwanese Youth, Does Studying in China Lead to Changes in Political Identity? // The Taiwan Gazette (перевод с Initium Media). 11.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.taiwanguzette.org/news/2018/10/5/for-taiwanese-students-does-studying-in-china-lead-to-changes-in-political-identity> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Taiwan must protect its sovereignty, know its own history, president says // Reuters. 21.07.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/world/china/taiwan-must-protect-its-sovereignty-know-its-own-history-president-says-2024-07-21/> (дата обращения: 20.01.2026).
4. US, China to resume military-to-military talks in ‘coming months’ // Al Jazeera. 31.05.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/5/31/taiwan-south-china-sea-dominate-meeting-of-us-china-defence-chiefs> (дата обращения: 20.01.2026).
5. The Status Quo between Taiwan and China: The Inevitability of a Dramatic End? // TaiwanPolitics.org. Davide Campagnola. November 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://taiwanpolitics.org/article/125900-the-status-quo-between-taiwan-and-china-the-inevitability-of-a-dramatic-end> (дата обращения: 21.01.2026).
6. Hong Kong National Security Law: The View From Taiwan // The Diplomat. T.Y. Wang. 02.07.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2020/07/hong-kong-national-security-law-the-view-from-taiwan/> (дата обращения: 21.01.2026).
7. Taiwan’s Tsai Ing-wen says no to ‘one country, two systems’ // Al Jazeera. 20.05.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/5/20/taiwans-tsai-ing-wen-says-no-to-one-country-two-systems> (дата обращения: 21.01.2026).
8. Here are 3 ways analysts say China could blockade Taiwan // Business Insider. 23.08.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.businessinsider.com/three-ways-china-could-blockade-taiwan-2024-8> (дата обращения: 21.01.2026).
9. The PLA’s “Strait Thunder-2025A” Exercise Presents Further Efforts to Isolate Taiwan // Global Taiwan Institute. John Dotson & Jonathan Harmon. Published 16 April 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://globaltaiwan.org/2025/04/the-plas-strait-thunder-exercise/> (дата обращения: 21.01.2026).
10. Chinese Amphibious Warfare: Taiwan Targeted, Scenarios Swirling // The Diplomat. Andrew S. Erickson. 14.12.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2024/12/chinese-amphibious-warfare-taiwan-targeted-scenarios-swirling/> (дата обращения: 21.01.2026).
11. The Autonomous Arsenal in Defense of Taiwan: Technology, Law, and Policy of the Replicator Initiative // Belfer Center for Science and International Affairs (Harvard Kennedy School). Eric Rosenbach, Ethan Lee и Bethany Russell. 03.02.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.belfercenter.org/replicator-autonomous-weapons-taiwan> (дата обращения: 21.01.2026).
12. The World’s Growing Reliance on Taiwan’s Semiconductor Industry // Vision of Humanity. Published June 16 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.visionofhumanity.org/the-worlds-dependency-on-taiwans-semiconductor-industry-is-increasing/> (дата обращения: 21.01.2026).

13. The Economic Effects of a Potential Armed Conflict Over Taiwan // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. Christopher J. Neely. 26.02.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://www.stlouisfed.org/-/media/project/frbstl/stlouisfed/publications/review/pdfs/2025/feb/economic-effects-of-potential-armed-conflict-over-taiwan.pdf> (дата обращения: 21.01.2026).

14. Mitigating Japan's Nuclear Dilemma // Stimson Center. Nobumasa Akiyama. 07.05.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.stimson.org/2024/mitigating-japans-nuclear-dilemma/> (дата обращения: 21.01.2026).

15. Quad group expands maritime security cooperation at Biden's farewell summit // Reuters. 21.09.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/world/quad-expand-maritime-security-cooperation-bidens-farewell-summit-2024-09-21/> (дата обращения: 21.01.2026)

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Выпуск № 1 (46), 2026

Дата выхода в свет 31.03.2026.

Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.

Уч.-изд. л. 18,4. Усл. печ. л. 20,9. Тираж 25 экз. Заказ №

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84